

Н.А. Николина, Л.В. Рацибурская

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

Морфемика

Учебное пособие

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
Издательство «Наука»
2013

УДК 811.161.1'366(075.8)
ББК 81.2Рус-2-923
Н63

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского *В.Н. Немченко*;
д-р филол. наук, проф. Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина *Т.В. Попова*

Николина Н.А.

Н63 Современный русский язык. Морфемика : учеб. пособие /
Н.А. Николина, Л.В. Рацибурская. — М. : ФЛИНТА: Наука,
2013. — 144 с.

ISBN 978-5-9765-1425-6 (ФЛИНТА)

ISBN 978-5-02-037770-7 (Наука)

В учебном пособии рассматриваются основные вопросы морфемки современного русского языка с учетом синхронического и диахронического аспектов анализа: понятие морфемы и ее место в системе единиц языка, формальное и семантическое варьирование морфемы, принципы классификации морфем, вопрос о морфемном статусе отдельных частей слов, происхождение некоторых видов морфем, принципы морфемного членения основ (слов) и степени их членимости, функционирование морфем в художественной речи. Особое внимание уделяется историческим изменениям в морфемной структуре слова. В пособии учитываются как традиционные подходы к морфемному анализу слова, так и современные научные концепции. Теоретические положения иллюстрируются разнообразным языковым и речевым материалом. Каждый раздел сопровождается перечнем вопросов и заданий, способствующих оптимальному усвоению материала студентами. В конце пособия приводятся темы рефератов и список учебной и научной литературы по актуальным проблемам морфемки.

Учебное пособие предназначено для студентов филологических специальностей и преподавателей высших учебных заведений.

УДК 811.161.1'366(075.8)

ББК 81.2Рус-2-923

ISBN 978-5-9765-1425-6 (ФЛИНТА) © Николина Н.А., Рацибурская Л.В.,
ISBN 978-5-02-037770-7 (Наука) 2013

© Издательство «ФЛИНТА», 2013

Содержание

Предисловие	4
1. Предмет и задачи морфемики. Место морфемики в системе лингвистических дисциплин	6
2. Понятие морфемы. Морфема как часть слова и как единица языка	12
3. Парадигматика и синтагматика морфем. Морфема и морф. Принципы отождествления морфов одной морфемы	17
4. Принципы классификации морфем. Типология морфем	27
4.1. Корневые и аффиксальные морфемы	27
4.1.1. Свободные и связанные корни	29
4.1.2. Аффиксоиды	32
4.2. Виды морфем (аффиксов) по месту в структуре слова	34
4.3. Виды аффиксов по функции	40
4.4. Виды аффиксов по активности в словообразовании / формообразовании. Продуктивные и непродуктивные аффиксы	45
4.5. Виды морфем по частотности употребления. Регулярные и нерегулярные морфемы	57
4.6. Виды морфем (аффиксов) по материальной выраженности / невыраженности. Материально выраженные и нулевые морфемы	68
4.7. Виды морфем (аффиксов) по стилистической окраске	71
4.8. Виды морфем (аффиксов) по происхождению	73
4.9. Вопрос об асемантических частях слова	75
5. Основа слова. Виды основ	81
6. Членимость основы (слова). Степени членимости основ	87
7. Исторические изменения в морфемном составе слова	95
8. Источники пополнения морфемного фонда языка	106
9. Принципы морфемного анализа	114
10. Актуализация морфемной структуры слова в художественной речи	124
11. Темы рефератов	137
12. Словари морфем	138
13. Рекомендуемая литература	139

Предисловие

Морфемика выделилась в самостоятельный раздел лингвистики сравнительно недавно. В современных вузовских программах она является одним из разделов курса «Словообразование». В настоящее время морфемика представляет собой особую лингвистическую дисциплину, изучающую морфемную структуру слова и инвентарь морфем в русском и других языках. Решение многих проблем морфемики имеет важное значение для лингвистики в целом и актуально для формирования у студентов системного подхода к явлениям языка, для обучения студентов приемам морфемного анализа, который обычно вызывает у них значительные трудности.

В пособии, наряду с традиционными разделами «Предмет и задачи морфемики. Место морфемики в системе лингвистических дисциплин», «Понятие морфемы», «Парадигматика и синтагматика морфем», «Принципы классификации морфем», «Основа слова. Виды основ», «Членимость основы. Степени членимости основ», «Исторические изменения в морфемной структуре слова», «Принципы морфемного анализа», представлены новые разделы: «Источники пополнения морфемного фонда языка», «Актуализация морфемной структуры слова в художественной речи».

Многие разделы пособия содержат новый речевой материал, отражающий активные процессы в современном русском языке. Так, в разделе, посвященном продуктивности аффиксов, используются материалы живой речи — новообразования из текстов современных российских СМИ. При анализе синтагматики морфем рассматриваются новообразования, в которых нарушаются ограничения в сочетаемости морфем.

Особое внимание в учебном пособии уделено функциональному аспекту анализа морфем, анализу функционирования морфем в речи и, в частности, использованию морфем как средства создания выразительности художественной речи. В различных аспектах рассматриваются уникальные морфемы: вопрос об их морфемном статусе и принципах выделения; факторы, влияющие на вычленение уникальных морфем; их происхождение.

Поскольку некоторые темы носят в современной лингвистике дискуссионный характер (принципы членения основ; выделение уникальных, нулевых аффиксов, статус асемантических элементов слова и др.), то при их рассмотрении учитываются разные точки зрения, знакомство с которыми углубляет знания студентов.

Таким образом, при подготовке учебного пособия использованы новейшие достижения лингвистики в области морфемики, в том числе и результаты исследований авторов.

Данное учебное пособие имеет и практическую направленность. Каждый раздел сопровождается перечнем вопросов и заданий для самоконтроля, позволяющих студентам проверить понимание теоретического материала и овладеть навыками морфемного анализа. В пособии предлагается схема морфемного анализа и приводятся образцы анализа слов разных частей речи. В конце пособия даны темы рефератов и список учебной и научной литературы, представленный наиболее значимыми работами в области морфемики.

Учебное пособие предназначено для студентов филологических специальностей и преподавателей высших учебных заведений.

Авторы выражают сердечную признательность рецензентам — профессору Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского В.Н. Немченко и профессору Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина Т.В. Поповой.

1. ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ МОРФЕМИКИ. МЕСТО МОРФЕМИКИ В СИСТЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ НАУК

В современном словообразовании выделяются два тесно связанных друг с другом раздела: морфемика и дериватология. Предметом изучения в морфемике является весь состав морфем, имеющих в том или ином языке и реализующих в нем разные значения. В настоящее время морфемика представляет собой особую лингвистическую дисциплину, изучающую морфемную структуру слова и инвентарь морфем в разных языках.

Основное понятие морфемики — минимальная значимая единица языка (морфема), которая служит важнейшим средством формообразования и словообразовательной деривации. Поскольку морфема одновременно является и ключевым понятием грамматики, сведения о типах морфем и их значениях в течение длительного времени включались в курс морфологии. Как самостоятельная лингвистическая дисциплина морфемика начала складываться в 60–70-е годы XX в.; см., например, монографическое исследование В.В. Лопатина «Русская словообразовательная морфемика (М., 1977)». В этой работе уже представлено развернутое определение морфемики как лингвистического учения: «Под морфемикой... понимается учение о значащих (обладающих значением) частях слов в их отношении друг к другу и к слову в целом (в формальном и семантическом аспектах)» [Лопатин 1977: 4]. Хотя морфемика еще традиционно характеризуется как часть грамматики, В.В. Лопатин подчеркивает, что она «представляет собой самостоятельный объект изучения с присущими ему специфическими единицами» [Лопатин 1977: 5].

В дальнейшем морфемика все чаще рассматривается как особый раздел языкознания, связанный, с одной стороны, с дериватологией, с другой, с морфологией. В задачи морфемики входят:

- 1) определение морфемы как единицы языка;
- 2) рассмотрение состава морфем в языке (языках);
- 3) анализ их парадигматических и синтагматических связей;

4) выявление вариативных реализаций морфем и выделение критериев отождествления морфемы (сведения морфов в одну морфему);

5) классификация морфем;

6) определение характера членимости основ и способов сегментации слова на значимые отрезки;

7) характеристика асемантических элементов в структуре слова;

8) выявление источников пополнения морфемного фонда языка;

9) типологический анализ морфем, сопоставление их в разных языках;

10) изучение исторических изменений морфемного состава слова и рассмотрение морфемной структуры в диахроническом аспекте.

Наряду с морфемой, основной единицей морфемики является морф, который представляет собой минимальную значимую часть словоформы, вычлняемую в ней линейно. «Среди единиц морфемики морфема и ее линейный представитель — морф являются простыми единицами. Им противопоставлены комплексные, не одноморфные единицы. Такими комплексными единицами являются основа и слово (и соответствующие их линейные аналоги): их структура не ограничена одной морфемой» [Лопатин 2007: 355]. Таким образом, выделяются как линейные, так и нелинейные (парадигматические) единицы морфемики, которые соотносятся друг с другом: 1) морф и морфема; 2) основа словоформы (часть словоформы без словоизменительного форманта) — основа слова как парадигматическая единица; 3) словоформа — слово.

К комплексным единицам морфемики следует также относить комбинацию разных морфем, выступающую как один словообразовательный формант в смешанных способах словообразования (*под-снеж-ник, по-испанск-и, раз-бежать-ся, пере-гляд-ыва-ть-ся* и др.). В.В. Лопатин включает в состав единиц морфемики и систему флексий всех словоформ изменяемых слов. «Эта парадигматическая единица выступает как нелинейная совокупность разных морфем (а не морфов одной морфемы), отражающая един-

ство слова во всех его словоформах» [Лопатин 2007: 335]. Таким образом, морфемика в настоящее время располагает достаточно объемной и развернутой системой единиц.

«Анализ морфемного состава позволяет объяснить механизмы восприятия членимых и нечленимых номинативных единиц, способы конструирования слова, <...> специфику выражения словообразовательных и грамматических значений» [Гридина 2008: 6]. Морфемика тесно связана с другими лингвистическими дисциплинами, прежде всего с фонетикой и фонологией, семантикой, морфологией, историей языка.

Обратимся к связи морфемики с фонетикой и фонологией.

Морфема как двусторонняя единица имеет не только план содержания, но и план выражения. Морфемы различаются составом фонем, например, в корнях форм *мох-мха* не совпадает количество фонем; ср.: <мох>, но <мх>а. Для функционирования морфем характерно варьирование их звукового состава, ср.: *сухой-сушь-засыхать-сохнуть*, что приводит к появлению разных видов морфов. Распределение морфов во многом обусловлено их позицией в структуре слова. Так, например, морф суффикса прилагательных *-еск-* используется после шипящих фонем, морф *-ск-* в других позициях, ср.: *пастушеский*, но *сельский, ханжеский*, но *братский*. В практике морфемного анализа последовательно учитываются и изменение ударения, чередования, и совмещение (наложение) частей разных морфов.

Взаимодействие единиц фонологии и морфемики изучает особая наука, сформировавшая в XX в., — **морфонология**, которая, по словам ее создателя Н.С. Трубецкого, служит «связующим звеном» между фонологией, морфемикой и собственно словообразованием. Морфонология исследует фонологическую структуру морфем разных типов и «использование фонологических различий в морфологических целях» [ЛЭС 1990: 315]. В вузовском курсе русского языка ключевые понятия морфонологии, как правило, рассматриваются в разделе морфемики.

Связь морфемики и семантики проявляется в том, что морфема является **значимой** единицей языка. Она реализует разные типы значений: словообразовательное, грамматическое, частич-

но лексическое, — каждое из которых требует изучения. Эти значения в их динамике и исследуются семантикой.

Значимы для морфемики и лексические контакты разных языков. Интенсивное заимствование может приводить к появлению новых морфем и изменениям морфемного состава слова. Так, например, в настоящее время в современном русском языке активно используются такие заимствованные аффиксы, как *супер-*, *пост-*, *-инг*. В составе заимствованных слов начала выделяется новая морфема *-мен*: *супермен*, *бизнесмен* и др.

Не менее разнообразны и глубоки связи морфемики и грамматики. Словообразование и морфология, как отмечал М.В. Панов, соотносятся «на уровне морфемы», которая, как уже подчеркивалось, служит важнейшим средством формообразования и способна выражать грамматические значения. Например, в предложении *Пьер... выбежал на крыльцо* (Л.Н. Толстой) суффикс *-л* в глагольной форме *выбежал* является показателем прошедшего времени изъявительного наклонения, а нулевое окончание в той же форме выражает значения мужского рода, единственного числа, окончание *-о* в словоформе *крыльцо* имеет значения среднего рода, единственного числа, винительного падежа.

Для каждой части речи, изучаемой в морфологии, характерен свой набор аффиксов, например, признаком имен прилагательных являются суффиксы *-ан-*, *-ян-*, *-ин-*, *-енн-*, *-н-*, *-ов-*, *-ск-*; ср.: *кожаный*, *глиняный*, *гусиный*, *клюквенный*, *лунный*, *березовый*, *волгоградский*. Определенными морфемными показателями характеризуются и лексико-грамматические разряды внутри частей речи; так, собирательные существительные имеют суффиксы *-в-*, *-ј-*, *-итет*, *-ат*, *-ств-* (*листва*, *ворьё*, *генералитет*, *старостат*, *студенчество*), отвлеченные — суффиксы *-ость*, *от-*, *-ин-*, *-изн-*, *-изм-* (*нежность*, *доброта*, *глубина*, *кривизна*, *натурализм*).

Морфемный состав языка в ходе его исторического развития претерпевает определенные изменения: «Изменяется характер, вид отдельных морфем (например, корневые морфемы часто изменяются в служебные, окончания становятся суффиксами), многие морфемы изменяют свою материальную структуру,

звуковую оболочку, свои значения, характер связей с другими морфемами данного языка, утрачивают или приобретают способность сочетаться с ними, некоторые аффиксы в составе определенных слов утрачивают свои значения и вследствие этого перестают быть морфемами и т.д.» [Немченко 1994: 17].

В связи с этим ученые разграничивают синхронический и диахронический аспекты морфемики как языкового уровня. «Под синхронической морфемикой понимается состояние морфемного уровня языка на определенном этапе его развития, в тот или иной промежуток времени, исключающее качественное изменение морфем и других единиц данного языкового уровня» [Немченко 1994: 18]. Диахроническую морфемнику исследователи определяют как «развитие морфемного уровня языка, смену одного состояния данного языкового уровня другим его состоянием в результате качественного изменения морфемных единиц и связей, взаимоотношений между ними в ходе исторического развития» [Немченко 1994: 18].

Таким образом, синхроническая морфемика как раздел языкознания изучает морфемы и взаимоотношения между ними на определенном этапе развития языка, а диахроническая морфемика изучает морфемы и их взаимоотношения в процессе развития языка.

Для изучения морфемного состава слова в диахроническом аспекте важно опираться на данные истории языка. Обращение к ним позволяет проследить процесс формирования той или иной морфемы. Например, с точки зрения большинства исследователей, суффикс имен лица *-щик* — результат осложнения основ имен прилагательных на *-ьск* суффиксом *-икъ* и дальнейшего переразложения в связи со сменой первоначальной производящей базы; ср.: *денищик, банищик, каменщик*. Обращение к истории языка также позволяет показать изменения статуса отдельных морфем, установить причины появления нерегулярных (уникальных) морфем, связанных корней и др., проследить эволюцию семантики многих корней и аффиксов.

При характеристике морфем отмечается их стилистическая окрашенность / неокрашенность, а также их экспрессивность. Например, суффикс *-ш-* в наименованиях лиц женского пола по

профессии приобрел в современной русской речи разговорную окраску и изменил исходное значение; ср.: *кураторша, курьерша, парикмахерша, деканша* и мн. др. Таким образом, морфемный анализ слова привлекает и сведения из курса стилистики.

Итак, морфемнику нужно рассматривать как лингвистическую дисциплину, обладающую своей системой единиц, изучающую типы, функции, семантику и сочетаемость морфем в синхронии и диахронии и находящуюся в системных связях с другими разделами языкознания.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Каковы предмет и задачи морфемики как раздела языкознания?
2. Покажите связь морфемики с лексикологией, словообразованием и грамматикой.
3. Охарактеризуйте синхронический и диахронический аспекты изучения морфемного состава языка.

2. ПОНЯТИЕ МОРФЕМЫ. МОРФЕМА КАК ЧАСТЬ СЛОВА И КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКА

Термин «морфема» (от греч. *morfē* ‘форма’) в научный обиход был введен И.А. Бодуэном де Куртенэ в конце XIX в. Ученый использовал это название для всех значащих компонентов слова — корня и разного рода аффиксов. Бодуэн считал термин «морфема» «родовым, объединяющим для частных, видовых понятий вроде “корень”, “префикс”, “суффикс”, “окончание” и т.п. Считать подобный термин лишним — это то же самое, что считать лишним объединяющий термин «дерево» и довольствоваться частными названиями “дуб”, “береза”, “ель”, “ива” и т.д.» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 272]. Бодуэн указывал на то, что слово можно членить двояким образом: с фонетической точки зрения, т.е. на незначимые элементы, и с морфологической точки зрения — на значимые отрезки: «Неделимое с антропофонической точки зрения есть звук, неделимое с фонетической точки зрения есть фонема, неделимое с морфологической точки зрения есть морфема» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 121]. Таким образом, по мнению И.А. Бодуэна де Куртенэ, морфема — минимальная часть слова, обладающая «самостоятельной психической жизнью», то есть значением: «Морфема — дальше не делимый, дальше не разложимый морфологический элемент языкового мышления» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 272].

Из определения Бодуэна де Куртенэ следует, что морфема — родовое понятие для корней и аффиксов, морфема выделяется в составе слова, это образующий элемент слова, зависимый от слова; морфема имеет наряду со значением звуковое выражение; морфема — простейшая значимая часть слова, далее неделимая с морфологической точки зрения, т.е. на другие значимые части.

Подобное понимание морфемы в лингвистике сохранилось в дальнейшем. Вместе с тем в истории языкознания термин «морфема» использовался и для общего обозначения как линейных, сегментных, так и нелинейных, несегментных единиц: чередований фонем, ударения, интонации, порядка слов и т.д. как средств выражения грамматического значения (Ж. Вандри-

ес, Ю.С. Маслов, Ю.С. Степанов, Ч. Хоккет, З. Харрис и др.). Подобные языковые явления «характеризуются наличием плана выражения и плана содержания, однако вряд ли правомерно называть их морфемами, если под морфемой понимается часть слова, или единица языка, имеющая звуковое выражение. В подобных случаях правильнее было бы говорить о неморфемных средствах выражения определенных языковых значений» [Немченко 1994: 43].

Некоторые ученые отождествляют морфемы и служебные слова. Со служебными словами морфемы сближает сходство семантики: ср. *на руке* и *на-ручный*, *под окном* и *под-оконник* (в данном случае — пространственной). Морфема (корневая) может формально совпадать со словом. Тем не менее морфема составляет лишь часть слова, несмотря на то, что в языке имеются и одноморфемные слова: непроизводные несклоняемые существительные (*кино, торе*) и прилагательные (*беж, бордо*), непроизводные наречия (*там, вдруг*), частицы (*вот*), непроизводные предлоги (*в, на, под*) и союзы (*и, а, но*), междометия (*ах, ой*). Но в отличие от слова морфема лишена лексико-грамматической отнесенности, частеречной характеристики. От слова морфему отличает также связанный характер воспроизводимости. Подобно слову, морфема не конструируется каждый раз из ее составляющих (фонем), а извлекается из памяти в готовом виде. Но в отличие от слова, которое обладает свободной воспроизводимостью, морфема воспроизводится только в составе слова.

На связь морфемы со словом указывали многие ученые (А.И. Моисеев, М.В. Панов, Н.М. Шанский и др.). Между словом и морфемой нет непроходимой границы. Исторически морфемы восходят к знаменательным или служебным словам (*сегодня* < *сего* + *дня*, *на-ручный* < *на руке*). В современной речи наблюдается функционирование морфем в виде знаменательных слов, что характеризуется учеными как явление лексикализации, эмансипации морфем: «Во второй половине XX в. обнаруживается типологическое сходство между западным постмодернизмом и современной российской культурой, которая тоже развивается под знаком «**пост**» (посткоммунизма, постутопизма)» (М. Эпштейн), «Я считаю, что реализм — это даже

не манера, это просто грамотность... А «изм» — самовыражение разных душевных заболеваний, наверное» (И. Глазунов). Подобное явление «свидетельствует о нежесткости границ между единицами разных ярусов языка, о близости слова и морфемы, связанная воспроизводимость которой часто относительна, о динамике словотворческого процесса, использующего переходные явления как средство компрессии и одновременно «укрупнения» смыслов» [Николина 2001: 56–58].

В связи с вопросом о границах морфемы и слова в науке рассматривается и вопрос о статусе морфемы в языке: морфема — это лишь часть слова или это единица языка.

Единица языка как основной его элемент, обладающий определенной самостоятельностью, обладает такими фундаментальными свойствами, как субстанциональность (материальность), дискретность, линейность, неоднородность, иерархичность, воспроизводимость, цельность, двусторонность, номинативность, самостоятельность (Ф. де Соссюр, В.М. Солнцев, А.И. Смирницкий, А.И. Моисеев и др.). Морфема обладает признаками материальности и дискретности (выделяется из состава слова в качестве самостоятельного объекта); характеризуется признаками линейности (протяженности) и неоднородности. Признак неоднородности органически связан с признаком иерархичности, которая заключается в том, что одни языковые объекты входят в состав других, более сложных. Морфемы состоят из фонем, с одной стороны, и входят в состав слов — с другой. При этом каждый менее сложный объект способен выступать как предельно простой случай более сложного объекта (морфема, состоящая из одной фонемы *-и-*), а каждый более сложный объект может состоять всего из одного менее сложного объекта (слово *там* состоит из одной морфемы). Морфема также обладает признаками воспроизводимости, цельности (неделимости на другие элементы того же уровня) и двусторонности.

Но, по мнению ряда ученых, морфема лишена признаков номинативности и самостоятельности. Морфема не обозначает отдельный предмет и тем самым не выполняет номинативной функции, а следовательно, «не обладает признаком самостоятельности, т.е. не допускает изолированное употребление и всег-

да используется не сама по себе, а как компонент слова» [Фоменко 2010: 27–28]. Не обладая признаками номинативности и самостоятельности, морфема, по мнению ряда исследователей, «не может претендовать на статус единицы (знака) языка» [Фоменко 2010: 28]. Морфемы называют полужнаками [ЛЭС 1990].

Вместе с тем многие ученые считают морфему самостоятельной единицей языка (О.А. Ахманова, А.Н. Гвоздев, В.И. Кодухов, Ю.С. Маслов, В.Н. Немченко, Л.С. Филиппова, В.Н. Мусатов и др.): поскольку морфема не всегда является частью слова, а в ряде случаев равна слову (по звуковому составу и частично семантике), то «правильнее было бы определять морфему не как минимальную значимую часть слова, а как минимальную значимую единицу языка вообще» [Немченко 1994: 41]. При таком определении морфемы фактически отражаются все ее основные признаки: опорный элемент дефиниции «единица языка» указывает на наличие у морфемы материальной оболочки, плана выражения; определение «значимая» — на наличие у нее значения, плана содержания; определение «минимальная» — на неспособность морфемы делиться на более мелкие значимые части.

Морфема как единица языка находится в определенных отношениях к фонеме и слову. Подобно другим знаковым единицам языка, морфема выполняет дифференцирующую и интегрирующую функции. Морфема состоит из фонем и тем самым выполняет по отношению к фонеме интегрирующую функцию. В отличие от фонемы, не имеющей значения и являющейся минимальной единицей языка, морфема является минимальной значимой единицей языка.

Дифференцирующую функцию морфема выполняет по отношению к слову, различая разные слова (*стол* и *стул*). К интегральным признакам морфемы и слова относятся наличие в них формы и значения, цельность, воспроизводимость (у морфемы она имеет связанный характер), непроницаемость (невозможность вставки в них других единиц, в отличие от словосочетания и предложения). В то же время в отличие от слова морфема является минимальной знаковой единицей языка и не обладает лексико-грамматической отнесенностью. Семантически морфема отличается от слова. Слово является носителем всех трех

типов значений: лексического, словообразовательного, грамматического. Морфема, как правило, выражает один тип значения: корневые морфемы участвуют в выражении лексического значения, аффиксы — словообразовательного или грамматического, флексия — грамматического. Морфема, как и слово, выполняет различные функции (номинативную, сигнификативную, коммуникативную (флексии), прагматическую), но выполняет их опосредованно, в составе слова.

Морфема, подобно слову и другим языковым единицам, способна вступать в парадигматические и синтагматические отношения с другими морфемами (см. следующий раздел).

Таким образом, морфема — это минимальная знаковая единица языка, обладающая связанной воспроизводимостью в составе слова.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Укажите признаки морфемы, позволяющие отличить ее от других единиц языка.
2. Покажите связь морфемы с фонемой и словом.
3. В чем различие определений «морфема — минимальная значимая часть слова» и «морфема — минимальная значимая единица языка»? Какое из этих определений вы считаете предпочтительным? Ответ обоснуйте.
4. Охарактеризуйте функции морфемы.

3. ПАРАДИГМАТИКА И СИНТАГМАТИКА МОРФЕМ. МОРФЕМА И МОРФ. ПРИНЦИПЫ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ МОРФОВ ОДНОЙ МОРФЕМЫ

Под **парадигматикой** (от греч. *paradeigma* — ‘пример, образец’) в языкознании понимается противопоставление по определенным признакам ряда членов, соотносимых по другим признакам, или варьирование элементов, обладающих общим инвариантом. Ученые различают формальное и семантическое варьирование морфем.

В разработку вопроса о формальном варьировании морфем большой вклад внесли зарубежные лингвисты, представители американского структурализма и Пражского лингвистического кружка. Многие из учения о фонеме, в разработку которого большой вклад внесли представители Пражского лингвистического кружка, и в частности Н.С. Трубецкой («Основы фонологии»), оказалось приложимым и к морфеме.

Подобно фонеме, которая представлена рядом аллофонов, или фондов, выступающих в качестве ее вариантов и вариаций, морфема является абстрактной единицей, представленной рядом конкретных репрезентаций — морфов: ср. морфы корневой морфемы *друг* — /*друз'* — /*друз-* в словоформах *друг*, *друзья*, *дружить*. Таким образом, морфы — это конкретные представители морфемы в том или ином слове, в составе словоформы. Противопоставление морфемы и морфа исследователи связывают с дихотомией языка и речи, теоретически обоснованной швейцарским лингвистом Ф. де Соссюром: морфема — минимальная значимая единица языка, морф — конкретный представитель морфемы в речи (тексте) [Николина 2005: 14]. В то же время морф характеризуется исследователями и как линейная (синтагматическая) языковая единица в отличие от морфемы — нелинейной (парадигматической) единицы языка [Мусатов 2010: 21].

Подобный подход к морфеме был предложен американскими структуралистами в 40–50-е годы XX в. (З. Харрис, Ч.

Хоккет, Г. Глисон). Термин «морф» был введен американским лингвистом Ч.Ф. Хоккетом в 1947 г. (В отечественном языкознании для обозначения формальных разновидностей морфемы использовался термин Г.А. Винокура «варианты морфемы».) В 40-е годы XX в. американскими дескриптивистами был введен и термин «алломорф». Структуралистами были исследованы связи между морфемами, установлены правила отождествления морфов — правила, согласно которым разные морфы относились к одной или разным морфемам, выделены разные виды морфов.

Если аллофоны одной фонемы возникают в результате фонетических чередований, то морфы одной морфемы формируются в ходе исторических процессов и являются результатом исторических чередований: *друг, друзья, дружить*.

Морфы одной морфемы должны соответствовать двум условиям: во-первых, они должны быть тождественны в семантическом отношении, а во-вторых — должны быть близки формально. Степень формальной близости морфов различными учеными понимается по-разному. В «Русской грамматике» (1980) указываются следующие формальные условия отождествления морфов в пределах одной морфемы:

1) морфы одной морфемы могут различаться отдельными фонемами или их сочетаниями (*отработать — отработывать, берег — бережок, ходить — хаживать*);

2) «одна из срединных фонем морфа отсутствует в другом морфе» [Русская грамматика 1980: 125] (*сон — сны, зубец — зубца*);

3) один морф может быть короче другого на начальный или конечный отрезок (*студенчество* и *крестьянство*, *отцовский* и *братский*, *разогнать* и *разбить*).

В одну морфему могут объединяться и морфы, лишенные формальной близости, например суффиксы в словах: *гонка — гоночный, сварка — сварочный*. В подобных случаях отождествляются чередующиеся морфы, если соответствующее чередование представлено в явных морфах одной морфемы, например: *банка — баночный, марка — марочный*. Признание формально не совпадающих сегментов «разными морфами одних и тех же

морфем мотивируется тем, что формальные соотношения между ними носят регулярный характер, повторяются в определенных позициях, перед теми же морфемами, и возможны в рамках корневых морфем при наличии в их составе общих, тождественных сегментов» [Немченко 1994: 46].

Морфы одной морфемы образуют ее парадигму (греч. *paradeigma* — ‘образец’), которая понимается в ряде исследований как совокупность вариантов, объединенных общим, устойчивым инвариантом и закономерно чередующихся в процессе функционирования языка. Члены одной парадигмы сосуществуют во времени и не сосуществуют в пространстве: они сосуществуют в системе языка и не могут одновременно употребляться в составе одних и тех же единиц языка.

Среди морфов одной морфемы различают алломорфы (греч. *allos* — ‘другой, разный’) и варианты в узком смысле слова. Алломорфы одной морфемы, подобно аллофонам одной фонемы, подчиняются принципу дополнительной дистрибуции, они позиционно распределены и не могут занимать одну и ту же позицию в слове; ср. *разбить* и *разогнать*, *дружок* и *дружка*. Таким образом, алломорфы — это морфы, тождественные по значению и близкие формально (фонематически), различающиеся только позицией в слове.

Варианты морфемы находятся в отношениях свободного распределения, заменяя друг друга в одной и той же позиции в составе слова, и различаются главным образом стилистически: ср. *землей* и *землею*, где морф *-ой* характеризуется как нейтральный, а *-ою* — как книжный. Таким образом, варианты морфемы — это тождественные по значению и фонематически близкие морфы, которые способны заменять друг друга в любых позициях.

Наряду с формальным варьированием морфемы исследователи отмечают и семантическое варьирование в случае многозначности морфемы, обращая внимание на то, что «многие морфемы, подобно словам, в разных случаях употребления видоизменяют, варьируют свои значения, при сочетании с разными словами или основами слов используются в разных значениях» [Немченко 1994: 44], сохраняя при этом некоторую семанти-

ческую общность; ср., например, значения суффикса *-н(ый)* в прилагательных *железный, медный* и *дневной, ночной*, значения префикса *вы-* в глаголах *выступить, вычистить* и *выиграть, выпросить*.

В русистике не выработаны критерии для разграничения полисемии и омонимии аффиксов в словах, относящихся к одной части речи, на что указывают многие ученые [Филиппова 2009: 52]. Так, по-разному квалифицируются значения лица и предмета у суффикса *-ник* (*птичник, лошатник* — ‘лицо’ и *птичник, коровник* — ‘помещение’), у суффикса *-тель* с семантикой производителя действия (*учитель, писатель* — ‘лицо’, *выключатель, глушитель* — ‘неодушевленный предмет’): как омонимичные или как значения подтипов в рамках одного типа [Русская грамматика 1980].

К морфемной парадигматике относятся также омонимические, синонимические и антонимические связи морфем. Омонимичными являются тождественные по форме, но не имеющие общих сем в значении морфемы, ср. омонимичные корни в существительных *коса* (‘прическа’) и *коса* (‘орудие’); омонимичные суффиксы в словах *горошина* и *домина*, где суффиксы имеют соответственно значения единичности и увеличительности; омонимичные префиксы в существительном *соавтор* (значение совместности) и глаголе *сорвать* (значение результата действия). Омонимичные аффиксы часто представлены в словах разных частей речи; ср. *горнист* и *искристый, цветущий (сад)* и *цветущий (вид), (в) первых (рядах)* и *во-первых*.

Синонимичными являются нетождественные по форме, но близкие по семантике, имеющие в значении общие семы морфемы, ср. *пойти* и *заговорить*, где префиксы указывают на начало действия, *дядин* и *отцов* с суффиксами притяжательной семантики.

Антонимичными являются разные по форме морфемы, имеющие в значении противоположные семы, ср. *прийти* и *уйти*, где префиксы указывают на противоположное направление действия, *домина* и *домишка* с размерно-оценочными суффиксами, указывающими на размер предмета (большой — маленький).

Парадигматические связи морфем обусловлены их синтагматическими возможностями. **Синтагматика** (от греч. *syntagma* — ‘вместе построенное, соединенное’) совокупность правил и закономерностей, определяющих линейные отношения между единицами, их сочетаемостные возможности. В отличие от членов парадигмы члены синтагмы не сосуществуют во времени, но сосуществуют в пространстве в линейной временной последовательности. В линейной последовательности морфемы могут занимать сильную и слабую позиции. В сильной позиции находится деривационный аффикс, который «занимает конечное положение в производной основе и непосредственно взаимодействует с флексиями или формообразующими суффиксами», реализуя свое значение в чистом виде [Ширшов 1987: 26]: *учитель*, *сапож-ник*. В слабой позиции находится деривационный аффикс, который занимает неконечное положение в производной основе, поскольку в положении перед другой словообразовательной морфемой аффикс «теряет связи со словоизменятельными морфемами и потому становится слабо семантически очерченным» [Ширшов 1987: 27], «утрачивает способность быть самостоятельным членом бинарной словообразовательной структуры слова», становясь компонентом мотивирующей основы [Пацюкова 2011а: 68]: *учитель-ниц(а)*, *сапожнич-а(ть)*. Аффикс в сильной позиции является формантом и полностью реализует свою словообразовательную функцию (Л.Г. Яцкевич) [Морфемика 2002]. В слабой позиции аффикс может образовать с последующим аффиксом определенную фонологически протяженную единицу.

Подобные протяженные аффиксы в научной литературе обозначаются термином «морфемный комплекс» (И.А. Ширшов, О.А. Пацюкова). Под морфемным комплексом понимается «фонологически тождественная аффиксальная последовательность, повторяющаяся в серии слов, которая в одних случаях распадается на две или более простые морфемы» (*сапож / нич-а / ть*), «в других случаях представляет собой формально протяженную, но семантически простую морфему» [Ширшов 1980: 98] (*лентяй / нича / ть*). В промежуточной зоне комплекс «предстает то как соединение двух или трех простых суффиксов, то

как целостная фонологически протяженная единица» [Ширшов 1980: 99]; ср.: *взяточ /нич-а /ть* и *взяточ /нича /ть*.

Таким образом, «морфемный комплекс представляет собой явление синхронического словообразования, которое находится на пересечении разных системных связей. Наличие в языке морфемных комплексов — показатель динамического характера словообразования, которое, выполняя свою основную функцию — обогащение словарного состава языка, расширяет и совершенствует инвентарь морфем» [Пацюкова 2011б: 499; Пацюкова 2010].

Вопрос о синтагматике морфем рассматривается в научной литературе в связи с вопросом о типах ограничений в сочетаемости морфем (подробнее о сочетаемости морфем см.: Немченко 1984: 66—74). Исследователи разграничивают системные и несистемные ограничения [Земская 1973: 194—206].

К **системным** ограничениям относятся такие, которые устанавливаются самой системой языка. Среди системных ограничений выделяют семантические, словообразовательные и формальные.

Семантические ограничения проявляются в сочетаемости аффиксов с основами слов той или иной части речи определенной семантики. Так, суффикс *-тель* со значением производителя действия сочетается с основами глаголов (*писатель, выключатель*), суффикс *-ость* с семантикой отвлеченного признака — с основами прилагательных (*смелость, глупость*), суффикс *-онок / ат(а)* со значением невзрослости — с основами одушевленных существительных (*цыганенок / цыганята, котенок / котята*), суффикс *-ин(а)* с семантикой 'мясо (животного)' сочетается с основами одушевленных существительных, называющих животных (*баранина, свинина*). Однако в индивидуально-авторской речи подобные правила сочетаемости морфем нередко нарушаются.

Так, новообразование *многоугольность* с суффиксом *-ость* (Любви присуща **многоугольность** // Проспект, 05.08.2008), как и наречие *медийно* (Вообрази **медийно** <...> *Объявлен прием заявок на участие в <...> гуманитарной школе «Медийное воображение»* // Биржа плюс Карьера, 04.03.2009), созданы не от качественных прилагательных.

Новообразование «*москвичата*» (... «**москвичата**» находят свой покой где-нибудь во дворах, кюветах или на пустырях // Комсомольская правда в Нижнем Новгороде, 25.08.2001) появилось в результате присоединения суффикса *-ат(а)* со значением незрелости к основе неодушевленного имени собственного «Москвич» (название марки автомобиля).

Словообразовательные ограничения в сочетаемости морфем связаны с невозможностью тех или иных видов производных основ сочетаться с определенными словообразовательными морфемами. Так, основы прилагательных с суффиксами субъективной оценки и с суффиксом *-ск(ий)* обычно не сочетаются с другими суффиксами, за редким исключением (*женскость, светскость, детскость*). Таким образом, под словообразовательными ограничениями имеется в виду неучастие тех или иных видов производных основ в качестве производящих [Земская 1973: 203]. В индивидуально-авторской речи могут появляться новообразования, нарушающие данное правило: *...по книге толстым слоем разлита этакая литературная «дамскость»* (Литературная газета, 16–22.04.2008).

Формальные ограничения в сочетаемости морфем связаны с невозможностью сочетаемости тех или иных морфем с определенными частями слов по фонематическим причинам. Так, суффикс *-н(ый)* не сочетается с основами на *-ск-*, *-рк-*, поэтому от слов *воск, парк* прилагательные образуются с помощью синонимичного суффикса *-ов(ой / ый)*: *восковой, парковый*. [Современный русский язык 1981: 212]. Присоединение суффикса *-н(ой)* к основам на заднеязычную фонему сопровождается чередованием: *рука — ручной, нога — ножной, ухо — ушной*. В индивидуальной речи формальные ограничения могут преодолеваются: **Безрукова** сказка <...> *Начались съемки «Самой реальной сказки». В качестве продюсера, сценариста и исполнителя главной роли выступает Сергей Безруков* (Новое дело, 20–26.08.2009). В языке притяжательный суффикс *-ов* не присоединяется к фамилиям на *-ов*, *-ин*, *-ск(ий)* [Русская грамматика 1980: 267]. В данном случае преодолеваются и словообразовательные ограничения, поскольку основы собственных имен (фамилий) на *-ов* обычно не дают производных.

В результате подобных мотивированных нарушений словообразовательных правил создаются выразительные индивидуально-авторские неологизмы, являющиеся ярким средством экспрессивизации текста.

К **несистемным** ограничениям в сочетаемости морфем относятся лексические и стилистические ограничения, которые определяются реализацией системы языка нормой и узусом.

При **лексических** ограничениях появлению того или иного слова может препятствовать наличие в языке возможного омонима. Так, появлению одушевленных существительных с суффиксом *-к(а)* со значением женскости от слов *матрос*, *пилот*, *штукатур*, *электрик* препятствует наличие неодушевленных существительных *матроска*, *пилотка*, *штукатурка*, *электричка* с омонимичными значениями [Земская 1973: 201–202].

Место возможного деривата может быть занято в словарном составе языка другим словом. Так, закреплению окказионального *собачонок* (из детской речи) в языке препятствует наличие узуального синонима *щенок*. В индивидуально-авторском словотворчестве подобные ограничения обычно преодолеваются, и в речи появляются синонимичные узуальным словам новообразования с другими аффиксами, ср.: *икриный* вместо *икорный*, *икряной* в заголовке ***Икриный*** *самопал* <...>. *В начале 80-х соромовские умельцы изобрели аппарат по изготовлению... икры* (Нижегородские новости, 15.01.2008).

Строго говоря, в подобных случаях следует говорить не об ограничениях в сочетаемости морфем, а об ограничениях в словообразовательных процессах, поскольку ограничения связаны с образованием дериватов.

Стилистические ограничения в сочетаемости морфем проявляются в том, что морфемы сочетаются в соответствии со своей стилистической окраской и происхождением. Стилистически нейтральные аффиксы могут сочетаться с любыми в стилистическом отношении морфемами, тогда как аффиксы литературно-книжные тяготеют к аналогичным по стилистической окраске или нейтральным морфемам (*фатализм*, *реализм*, *идеализм*), а стилистически сниженные аффиксы — к нейтральным (*большущий*) и стилистически сниженным (*здоровущий*, *здоровенный*

от здоровый 'большой'). В новообразованиях подобные ограничения нередко преодолеваются. Книжные аффиксы могут сочетаться со стилистически сниженными словами (основами): «**Антинеуд**» в политехе <...>. Борьбу с двоечниками ведут в Павловском филиале технического университета не только преподаватели — в дело включились и сами студенты (Нижегородская правда, 03.04.2008); **Псевдоблатная романтика** (Московский комсомолец, 25.02-04.03.2009); **Керлинг — это не наше. Жаль, в Ванкувере не было медалей по бухалингу и похмелингу** (Комсомольская правда, 11.03.2010). И наоборот, стилистически сниженные аффиксы могут сочетаться с основами книжных слов: ...**активный борец** с уфологией, **аномальщиной** и прочими проявлениями лженауки (Комсомольская правда, 24.11–01.12.2005), ...**кризис среднего возраста у ваших героев в фильме проходит очаровательно, бесшабашно. Такой кризисочек симпатичный** (Комсомольская правда, 12.05.2011), **Губернатор Нью-Йорка активно поддерживал сенаторшу от родного штата в президентской гонке** (Комсомольская правда, 09.06.2011).

Стилистические ограничения в сочетаемости морфем проявляются также и в том, что иноязычные аффиксы обычно сочетаются с заимствованными основами: **фатализм, реализм, идеализм; арестант, оккупант, эмигрант; активист, тракторист, фигурист**. Однако в живых словообразовательных процессах подобные ограничения нередко нарушаются: **западнизм, вручант** (В номинации «Русский вручант» побеждает Борис Ельцин // ТВ, 1-й канал, 27.04.2002), **сталинист** — заимствованные суффиксы присоединяются к основам исконных нейтральных слов. С другой стороны, исконные аффиксы нередко сочетаются с заимствованными основами: **пентхаусный (аппетит), дефолтный (синдром), (праздничный) расколлпс, (украинский) нелегионер, докризис** и др. В определенных условиях необычность производных слов, создаваемая контрастностью сочетающихся в составе слова элементов (частей), используется говорящим с целью достижения большей выразительности текста.

Стилистические ограничения в отличие от ограничений системных обнаруживаются как тенденция сочетаемости / несочетаемости морфем, а не как строгие, обязательные законы.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Охарактеризуйте явления парадигматики в области морфемики.

2. Что представляет собой формальное варьирование морфем? Укажите условия отождествления морфов одной морфемы. Каковы критерии формальной близости морфов?

3. Чем различаются алломорфы и варианты (в узком смысле слова) морфем?

4. Приведите примеры семантического варьирования морфем.

5. Охарактеризуйте явления синтагматики в области морфемики.

6. Что такое морфемный комплекс? Приведите примеры сильных и слабых позиций морфем.

7. Приведите примеры системных и несистемных ограничений в сочетаемости морфем.

8. Как преодолеваются ограничения в сочетаемости морфем в современной речи? Приведите примеры из текстов СМИ.

4. ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ МОРФЕМ. ТИПОЛОГИЯ МОРФЕМ

В течение длительного времени классификация морфем строилась прежде всего с учетом их позиции в структуре слова. В XX в. были разработаны критерии классификации морфем по разным параметрам.

Классификация морфем носит многомерный, ступенчатый характер и строится с учетом разных признаков, которые образуют определенную последовательность: 1) обязательность / необязательность морфемы в структуре слова; 2) позиция морфемы в структуре слова; 3) выполняемая морфемой функция; 4) участие / неучастие морфемы в формообразовании / словообразовании (продуктивность / непродуктивность); 5) частотность морфемы (регулярность / нерегулярность) в языке; 6) материальная выраженность или невыраженность морфемы; 7) характер стилистической окраски, ее наличие или отсутствие; 8) происхождение морфемы [Николина 2005: 18].

4.1. Корневые и аффиксальные морфемы

По признаку обязательности / необязательности различают корневые и служебные (аффиксальные) морфемы. Корень — обязательный элемент слова, главная морфема слова, в которой заключается основная часть, ядро лексического значения слова. Слов без корня не существует. Исследователи приводят примеры слов, которые представляются образованными только из служебных морфем: *Александра* → *Са-ш-а* → *Са-ш-ур-а* → *Ш-ур-а*, *вы-ну-ть* ср. *вын-я-ть*. «Глагол *вынуть* ранее выступал в виде *вынять* и состоял из префикса *вын-*, корня *-я-* и суффикса *-ть*. Впоследствии звуко сочетание *-ня-* изменилось в *-ну-* в результате аналогического воздействия слов на *-нуть*: *двинуть*, *крикнуть*, *прыгнуть*» [Немченко 1984: 17]. Однако в настоящее время в данных словах синхронически выделяются корни: *Саш-а*, *Шур-а*, *вы-н-у-ть* или *выну-ть* [Немченко 1994].

Аффиксы (от лат. *affixus* 'прикрепленный') в отличие от корня — служебные морфемы, которые могут отсутствовать в соста-

ве слов. Не содержат аффиксов непроеизводные неизменяемые слова — существительные (*пальто, тюре*), прилагательные (*бордо, беж*), наречия (*вдруг, здесь, там*), предлоги (*в, на, под*), союзы (*и, а, но*), частицы (*бы, же*), междометия (*ах, о, ура*).

Аффиксы не могут употребляться без корня. В тех случаях, когда в речи аффикс употребляется в изолированном виде (*Поменьше употребляй всяких «измов»*) или в сочетании с другими аффиксами (*суперский*), он квалифицируется уже как корень.

Корни в отличие от аффиксов могут занимать любую позицию в слове: *сед-ой, про-седь, сед-ин-а, по-сед-е-ть*. Аффиксы имеют в структуре слова определенную позицию по отношению к корню и дифференцируются в зависимости от этой позиции.

Значение корня имеет вещественный характер (Е.А. Земская, В.Н. Немченко, А.А. Реформатский, К.А. Тимофеев, Л.С. Филиппова и др.) и устанавливается путем соотнесения корня (в составе слова) с предметной действительностью. Благодаря корню слово выполняет свою главную, номинативную функцию. Аффиксы, прикрепляясь к корню, видоизменяют, модифицируют его значение: ср. *чай* 'вещество' и *чай-ник* 'сосуд для данного вещества, чай', *дом* и *дом-ик* 'маленький дом', *сила* и *сил-н(ый)* 'обладающий силой', *петь* и *за-петь* 'начать петь'. Аффиксы, таким образом, выступают как «модификаторы значения разных слов» [Левковская 1962: 235].

Иногда ученые разграничивают значения корней и аффиксов по степени конкретности / абстрактности [Филиппова 2009]. Однако семантика корня может быть достаточно обобщенной (ср. корни в словах: *мышление, абстрактный*), тогда как некоторые аффиксы имеют конкретные значения 'ягода' (*голуб-ик-а, черн-ик-а*), 'мясо' (*баран-ин-а, кон-ин-а*) [Земская 1973]. Семантический критерий разграничения корней и аффиксов сочетается с дистрибутивным. По мнению ученых, «корни и аффиксы входят в разные дистрибутивные классы, причем корней в любом языке по крайней мере на порядок больше, чем аффиксов» [Плунгян 2000: 86]. Поэтому один и тот же аффикс может сочетаться со значительным числом корней, тогда как один и тот же корень сочетается с ограниченным числом аффиксов. Корень вносит в слово индивидуальное начало, а аффиксы обобщают

разные слова, ср.: *мечтатель, писатель, учитель, выключатель, обогреватель*, где суффикс *-тель* имеет значение производителя действия.

Таким образом, «корень — это стержневая, центральная морфема слова, обязательная для каждой лексической единицы <...> и выражающая основное лексическое значение слова», тогда как аффикс — «морфема, факультативная (не обязательная в составе слова), неспособная употребляться вне сочетания с другими корнями и видоизменяющая, конкретизирующая значение корня...» [Немченко 1994: 58].

В отличие от аффиксов, которые не могут функционировать в слове вне сочетания с корнем, корни способны употребляться как вне сочетания с аффиксами, так и только в сочетании со словообразовательными аффиксами. В зависимости от способности или неспособности употребляться без аффиксов различаются свободные и связанные корни.

4.1.1. Свободные и связанные корни

Если аффиксы всегда выступают в сочетании с корневой морфемой и имеют, таким образом, связанный характер, то по характеру сочетаемости корни бывают **свободные** и **связанные**. «Свободные корни могут употребляться вне сочетания с другими морфемами и совпадать, таким образом, с основой слова, которая дальше не членится на морфы»: *лес-ø, вод-а, уч-у*. [Николина 2005: 31]. При этом имеются в виду словообразовательные морфемы (морфы); сочетаемость с грамматическими морфемами (морфами) не учитывается при разграничении свободных и связанных корней.

В отличие от свободных корней связанные корни функционируют только в сочетании со словообразовательными аффиксами (*привыкнуть* и *отвыкнуть, обуть* и *разуть*) и характеризуются признаком повторяемости (если не признавать уникальных связанных корней), тогда как свободные корни могут встречаться только в одном слове (*авеню, пенсне, вдруг, бы, и, ох*). Наличие связанных корней впервые было отмечено Г.П. Павским в работе «Филологические наблюдения над составом русского языка» (1841—1842). Винокур Г.О. в подобных случаях писал о связан-

ных основах: «Такие основы, которые всегда даны только в соединении с теми или иными аффиксами, можно было бы называть основами связанными» [Винокур 1959: 435]. Как отмечают ученые, «в словах со связанными основами основная функциональная и смысловая нагрузка падает на аффиксы, а значение корня, как правило, размыто» [Николина 2005: 32] (Е.А. Земская, М.В. Панов, Л.С. Филиппова и др.). Учитывая семантическую неполноценность связанных корней, исследователи называют их *радиксоидами* от лат. *radix* ‘корень’ и греч. *ēidos* ‘вид’ (А.А. Реформатский и др.).

Инвентарь слов со связанными корнями по-разному определяется исследователями в зависимости от принципов выделения морфем. При сопоставительном подходе к выделению морфем последние выделяются при наличии тождественных по форме и семантике частей в других словах (*дом-ик*, ср. *дом*, *дом-ашн(ий)* и *стол-ик*, *ключ-ик*): *включить*, *выключить*; *агитирова(ть)*, *агитаци(я)*, *агитатор*; *оппонирова(ть)*, *оппонирование*, *оппонент*; *симулирова(ть)*, *симулянт*. При членении слов с опорой на словообразовательные отношения морфемы выделяются только в синхронически производных, мотивированных словах. Связанные корни выделяются в словах *включить* — *выключить*, *привыкнуть* — *отвыкнуть*, *обуть* — *разуть*, *запасти* — *припасти*, *низвергнуть* — *свергнуть* и под., которые одни ученые считают взаимно мотивированными на основе антонимических или синонимических связей (В.Н. Немченко), а другие считают немотивированными (А.Д. Зверев). При отношениях взаимной семантической мотивированности значение каждого из членов словообразовательной пары может быть определено, объяснено через значение другого члена: *включить* — ‘осуществить действие, противоположное тому, которое обозначено глаголом *выключить*’, *выключить* — ‘осуществить действие, противоположное тому, которое названо глаголом *включить*’.

К другой группе слов со связанными корнями относятся слова *оппонировать* ‘быть оппонентом’ — *оппонент* ‘тот, кто оппонирует’; *симулировать* — *симулянт*, *агитировать* — *агитация* — *агитатор* и под., в которых отдельные ученые также

выявляют взаимную мотивацию [Немченко 1984: 19; Немченко 1994: 70].

В словах *палец, птица, бочка, скрипка, тряпка, улица, сердце* при сопоставлении их со словами *беспалый, птенец, бочар, скрипач, тряпье, переулок, предсердие* и под. некоторые ученые выделяют связанные корни (Г.О. Винокур, Н.М. Шанский, Л.С. Филиппова и др.). Однако «только установив словообразовательные отношения в парах слов *банальный — банальщина, скрипка — скрипач* и т.п. (с одинаковым количеством вычленимых отрезков) и поставив эти слова в соответствующий словообразовательный ряд, мы можем установить суффиксальный (морфемный) статус отрезков *-щин(а), -ач* в *банальщина, скрипач* и несуффиксальный (неморфемный) — отрезков *-н-, -к-* в *банальный, скрипка* (слова эти — немотивированные)» [Лопатин 1977: 27]. Соответственно исходные члены словообразовательных пар *палец → беспалый, птица → птенец, бочка → бочар, скрипка → скрипач, тряпка → тряпье, улица → переулок, сердце → предсердие* имеют свободные корни, которые совпадают с основой данных производных слов, а в производных словах выступают в усеченном виде. А отрезки *-ец-, -иц-, -к-, -ц-* «не выражают никаких значений и, таким образом, не являются морфемами» [Немченко 1984: 20].

Появление связанных корней вызывается различными причинами. Архаизация слова со свободным корнем обуславливает связанный характер корня в этимологически родственном данному словам: архаизация слова *ути* ‘надевать’ привела к появлению связанного корня в глаголах *об-у-ть, раз-у-ть*. В результате семантических изменений слов и, следовательно, корней происходит ослабление и утрата семантической связи слова со свободным корнем с этимологически родственными словами, где тот же корень выступает в сочетании с аффиксами и тем самым приобретает связанный характер: ср. *деть* и *о-де-ть, раз-де-ть*. Появление связанных корней может быть обусловлено процессами заимствования. Так, в заимствованных из немецкого словах *оккупация, оккупант, оккупировать* выделяется связанный корень *-оккуп-* в результате приобретения данными словами членности в русском языке [Николина 2005: 33].

4.1.2. Аффиксоиды

В процессе функционирования в составе слов некоторые корни приобретают признаки аффиксов. Такие корни называются **аффиксоиды** (полуаффиксы) — корни, подобные аффиксам (от *аффикс* и греч. *ēidos* — вид). На особые структурные компоненты сложных и сложносокращенных слов лингвисты обратили внимание в середине XX в.: «В некоторых типах сложных существительных вторая часть сложения подвергается словообразовательному обобщению и выступает в функции аффиксального элемента, своеобразной суффиксальной морфемы, например: *-носец* (*орденоносец, знаменосец*), *-вод* (*животновод, садовод*), *-вед* (*обществовед* и т.д.)» [Современный 1952: 127]. Ближе к 70-м годам XX в. «появился и термин, обозначающий некоторые регулярные начальные и конечные компоненты сложных слов — аффиксоиды (В.В. Лопатин, Р.С. Манучарян, В.Н. Немченко, Е.А. Потиха, М.Д. Степанова, И.С. Улуханов, Н.М. Шанский и др.)» [Козулина 2009: 3]. Аффиксоиды — это морфемы переходного типа, которые занимают промежуточное положение между корнями и аффиксами и обладают признаками и тех и других.

С корневыми морфемами аффиксоиды сближает семантика и возможность употребляться в качестве единственного корня в составе простых слов, а также наличие соединительных элементов в тех словах, где аффиксоид выступает в сочетании с корневой морфемой: ср. *садовод* и *разводить*, *языковед* и *ведать*, *пароход* и *ходить* и т.п.

С аффиксальными морфемами аффиксоиды сближает возможность создавать словообразовательные ряды слов с обобщенной словообразовательной семантикой, что подтверждается наличием у аффиксоидов аффиксальных синонимов: *жизнелюб*, *книголюб*, *правдолюб* и т.п.; *китаевед*, *лермонтовед*, *языковед* и т.п., ср. *китаевед* и *китаист*; *зверовод*, *животновод*, *овощевод*, *растениевод*, ср. *садовод* и *садовник*. Аффиксоиды *-люб*, *-вед*, *-вод* в данных случаях приближаются по функции к суффиксу со значением лица, производителя действия.

По позиции в слове аффиксоиды делятся на суффиксоиды — вторые компоненты сложных слов (*книголюб*, *языковед*,

садовод) и префиксоиды — первые компоненты сложных слов (*полу*мрак, *самообслуживание*). Проблема разграничения корней и аффиксоидов решается в науке по-разному. Основным критерием аффиксоида, по мнению одних ученых, является его способность выступать в качестве корня в простых словах (Н.М. Шанский, В.Н. Немченко, Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова). В этом случае к аффиксоидам относятся все рассмотренные выше исконные морфемы, а также часть препозитивных и постпозитивных элементов заимствованного характера: *авиасалон* (ср. *авиация*, *авиатор*, *автобиография* (ср. *автор*), *европарламент* (ср. *Европа*), *телепрограмма* (ср. *телек*); *балетоман* (ср. *мания*), *магнитофон* (ср. *фонема*, *фонетика*), *спектрограф* (ср. *графема*, *графика*). Другие ученые, наоборот, критерием аффиксоидов считают их неспособность выступать в качестве самостоятельных слов (их основ) в простых словах (Янко-Триницкая 2001: 356—357): «аффиксоиды, будучи и оставаясь разновидностью компонентов сложных слов, являются морфемами и потому не могут быть ни их совокупностью, ни цельными словами (их основами)» [Козулина 2009: 4]. Согласно данной точке зрения, не являются аффиксоидами элементы *кино-* (*кинозал*), *секс-* (*секс-шоп*), *бизнес-* (*бизнес-план*), *-носец*, *-видный*, *-образный* и подобные.

При широком подходе к аффиксоидам, представленном в словаре «Аффиксоиды русского языка» (СПб, 2009), к аффиксоидам следует отнести морфемы переходного типа, которые обладают значением, сходным со значением корневых морфем (этимологически аффиксоиды являются корневыми морфемами, преимущественно заимствованными), но отличаются от последних не только связанностью, но и функциональным сходством с аффиксами — типовым характером значения и употребления, регулярностью соединения с целым рядом корней. Префиксоиды (*авиа-*, *авто-*, *аква-*, *био-*, *гидро-*, *евро-*, *макро-*, *мини-*, *нано-*, *теле-*, *фото-* и подобные) в тех случаях, когда они выражают разнообразные отношения и оценку, а также суффиксоиды (*-вед*, *-вод*, *-лог*, *-ман*, *-фил*, *-фоб* и подобные), соотносимые с типовыми значениями суффиксов, способны пополнять ряды префиксов и суффиксов.

В словаре «Аффиксоиды русского языка» (СПб., 2009) содержится около 870 аффиксоидов (684 префиксоида и 183 суффиксоида), которые «функционируют почти исключительно в составе сложных существительных и прилагательных (в глаголах — только с само... и пол / полу)» [Козулина 2009: 5]. Аффиксоиды присущи сложным словам подчинительной структуры, могут занимать в слове срединное положение (*автомотоспорт*) и могут соединяться непосредственно друг с другом в составе слова (*санбат, юрфак*) [Аффиксоиды русского языка, 2009].

4.2. Виды морфем (аффиксов) по месту в структуре слова

Данный признак лежит в основе классификации служебных морфем — аффиксов. В отличие от корневых морфем, которые могут занимать любое место в слове, аффиксы занимают в слове определенное место по отношению к корню. В зависимости от позиции по отношению к корню аффиксы делятся на префиксы (от лат. *praefixus* ‘прикрепленный спереди’) и постфиксы (от лат. *postfixus* ‘прикрепленный после’). Постфиксы, в свою очередь, дифференцируются на суффиксы, флексии и постфиксы в узком смысле слова.

Позиция аффикса в слове связана с признаками и функциями аффикса. **Префикс** обычно находится непосредственно перед корнем (*на-дергать*), но может быть и перед другим префиксом, а также между префиксами (*по-на-вы-дергивать*). Присоединение префикса к слову (основе) спереди существенно не влияет на лексическое значение слова и лишь модифицирует семантику корня: *петь* — *за-петь* ‘начать петь’, *играть* — *с-ыграть* ‘закончить играть’. Префиксы относятся к аффиксам с модификационным характером значения, указывая на способ действия (*за-петь*), имея пространственную (*под-свечник*), временную (*после-завтра*) семантику, значение меры, степени (*раз-веселый*), отрицания (*не-друг*) и под. Не оказывают существенного влияния префиксы и на грамматические характеристики исходного слова. Но некоторые грамматические признаки могут изменяться, например переходность / непереходность

(ср. *бежать* — неперех. и **пере-бежать** — перех.). Один и тот же префикс может присоединяться к словам (основам) разных частей речи: **не-правда**, **не-выгодный**, **не-высоко**. Исконные префиксы обычно присоединяются к глаголам (**за-петь**, **с-играть**, **до-читать**, **вы-чистить**, **при-клеить**), а также к словам (основам) именных частей речи и наречиям (**не-друг**, **без-опасный**, **от-ныне**), нередко наряду с суффиксом: **под-свеч-ник**, **за-город-н(ый)**. В последнее время активность проявляют заимствованные префиксы (в основном греко-латинского происхождения), которые обычно присоединяются к именным основам: **анти-террор**, **гипер-инфляция**, **де-идеологизация**, **мега-форум**, **квази-рынок**, **псевдо-документальный**, **пост-советский**, **про-американский**, **супер-современный**, **супер-хит**, **экс-мэр**.

Приставки выполняют преимущественно словообразовательную функцию, участвуя в образовании новых слов. Формообразующую функцию приставки выполняют при образовании форм степеней сравнения: **по-смелее**, **наи-высший**. Присоединение префиксов (префиксация) не сопровождается формальными изменениями исходных слов (основ), исключение составляет фонетическое чередование [и] / [ы] после приставок на твердый согласный (**играть** — **с-ыграть**, **искать** — **под-ыскать**).

Исследователи разграничивают по структуре простые и сложные, производные префиксы: **не-**, **до-** и **недо-** (**недо-оценка**), **о-**, **без-** и **обез-** (**обез-бол-и(ть)**). По происхождению приставки восходят к предлогам (**под окном** — **подоконник**, **за рекой** — **заречный**), частицам (**не знать** → **незнакомый**). Наряду с исконными в образовании слов участвуют заимствованные префиксы **анти-**, **гипер-**, **де-**, **квази-**, **псевдо-**, **пост-**, **про-**, **ре-**, **супер-** и др. Таким образом, префикс — это служебная морфема (аффикс), стоящая перед корнем и служащая для словообразования, реже — для формообразования (т.е. для образования новых слов, реже — грамматических форм слов).

В отличие от префиксов **суффикс** (лат. *suf* ‘между’ и *fixus* ‘прикрепленный’) находится в постпозиции по отношению к корню (основе) слова и по-разному влияет на его семантику. Одни суффиксы лишь незначительно видоизменяют семантику корня и, подобно префиксам, относятся к модификационным

аффиксам. Это суффиксы со значением женскости (*артист-к(а)*, *генераль-ш(а)*, *цар-иц(а)*, *слон-их(а)*), невзрослости (*цыган-енок*, *волч-онок*), подобия (*монгол-оид*, *зуб-ец*), единичности (*горош-ин(а)*, *бус-ин(а)*), собирательности (*зверь-[j](о)*, *студенч-еств(о)*), размерно-оценочные суффиксы (*дом-ик*, *дом-иц(е)*, *книж-онк(а)*, *реч-к(а)*, *реч-еньк(а)*, *хорош-еньк(ий)*), суффиксы стилистической модификации (*табурет-к(а)*, *нож-ик*). Модификационные суффиксы не влияют на частеречную характеристику исходного слова. В отличие от них суффиксы с мутационным характером значения существенно изменяют значение производящего слова и могут изменять часть речи исходного слова, ср.: *чай* — *чай-ник* и *чай* — *чай-н(ый)*. К мутационным относится большинство суффиксов русского языка. Наконец, суффиксы с транспозиционной семантикой обязательно переводят, транспонируют слово из одной части речи в другую. Это прежде всего суффиксы со значением отвлеченного признака (*смелый* — *смел-ость*, *добрый* — *добр-от(а)*, *белый* — *бел-изн(а)*), действия (*ходить* — *ходь-б(а)*, *петь* — *пе-ни[j](е)*, *стирать* — *стир-к(а)*), суффиксы наречий от качественных прилагательных (*быстрый* — *быстр-о*, *горячий* — *горяч-о*) и некоторые другие. Семантика суффиксов, таким образом, колеблется от предельно широкой (*-ость*, *-ни[j](е)* и под.) до конкретной ('ягода' — *голуб-ик(а)*, 'мясо' — *баран-ин(а)*) и др.

В отличие от префиксов суффиксы в большей степени влияют и на грамматические характеристики исходного слова в пределах одной части речи, маркируя род существительных (*артист* — *артист-к(а)*), лексико-грамматический разряд существительных (*баран* — *баран-ин(а)*, *чай* — *чай-ник*), неопределенную форму, вид, время, наклонение глагола (*подписа-ть* — *подпис-ыва(ть)*, *подписа-л*, *подпиш-и*) и др.

Большинство суффиксов в русском языке благодаря их связи с окончаниями закреплено за определенной частью речи и выполняет тем самым классифицирующую функцию, указывая, к какой части речи относится слово. Для существительных характерны суффиксы *-тель*, *-ник*, *-щик*, *-ист*, *-изм*, *-ость*, *-онок*, *-к(а)* и др., для прилагательных — *-н(ый)*, *-ск(ий)*, *-оват(ый)* и др., для числительных — *-дцать*, *-о[j](е)* (*двое*, *трое*) и др.; для

глаголов — *-ова(ть)*, *-е(ть)*, *-и(ть)* и др., для наречий — *-о* и др. Суффиксы свойственны всем знаменательным частям речи, кроме местоимений. Суффиксы служат как для образования новых слов, выполняя словообразовательную функцию, так и для образования форм слов, выполняя формообразующую, грамматическую функцию.

Присоединение суффиксов к основам (суффиксация) может сопровождаться формальными видоизменениями основ: чередованием (*друг* — *друж-ок*), усечением (*ворчать* — *ворч-ун*), наращением (*петь* — *пев-ец*, *буржуа* — *буржуаз-н(ый)*), наложении частей основы и суффикса (*розовый* — *роз-оват(ый)*, *Смоленск* — *смолен-ск(ий)*).

По происхождению словообразовательные суффиксы бывают исконными (*-тель*, *-ник*, *-щик* и др.) и заимствованными (*шахмат-ист*, *практик-ант*, *пилот-аж*, *революци-онер*). Грамматические суффиксы имеют исконный характер. Значительная часть словообразовательных суффиксов унаследована из общеславянского языка (*должн-ик*, *стар-ец*, *зим-н(ий)*, *дет-ск(ий)*, *чит-а-ть*). На базе общеславянских суффиксов в результате процессов переразложения возникли, сформировались новые, сложные суффиксы: *-ник*, *-щик*, *-овец*, *-льн-*, *-тельн-*, *-овск-*, *-ыва-* и т.п. [Филипова 2009: 25]. По происхождению ряд суффиксов восходит к окончаниям (*с права* → *с-прав-а*, *по старому* → *по-стар-ому*), а также знаменательным словам (*во своя вьси* → *во-сво[ј-а]си*).

Таким образом, суффикс — это служебная морфема (аффикс), расположенная после корня или другого суффикса и служащая для словообразования или формообразования (для образования новых слов или их грамматических форм).

Постфиксы (лат. *postfixus* — ‘прикрепленный после’), как и суффиксы, находятся в слове после корня, но, подобно префиксам, присоединяются к целому слову, располагаясь после окончания или формообразующего суффикса: *кто-то*, *какой-либо*, *что-нибудь*, *идите-ка*, *строить-ся*.

Постфлексийная позиция определяет следующие особенности постфикса: присоединяясь к слову, постфикс не изменяет его частеречную характеристику. В тех случаях, когда пост-

фикс, как и префикс, присоединяется к слову вместе с другими аффиксами, часть речи исходного слова может изменяться: *пe-тух* — *пeтуш-и(ть)-ся*, ср. *седой* — *про-сeдь-ø*. Постфиксы существенно не изменяют значения и грамматических характеристик исходного слова, а лишь модифицируют его семантику, внося в местоимение оттенок неопределенности (*кто-то*, *какой-либо*, *что-нибудь*), смягчая просьбу, выраженную в форме повелительного наклонения (*скажи-ка*), внося значение возвратности (*рaдовaть-ся*) или страдательного залога (*строитъ-ся*).

По своей функции постфиксы могут быть словообразовательными (*кто-то*, *что-либо*, *как-нибудь*) и формообразующими, выражая залоговое значение (*дом строится рабочими*).

Постфикс, таким образом, — служебная морфема (аффикс), которая расположена после окончания (или формообразующего суффикса) и служит для слово- и формообразования.

Флексия (лат. flexio — ‘изгибаю’), или окончание, является одним из видов постфиксов, но находится обычно после суффикса и перед постфиксом в узком смысле слова. В некоторых случаях окончание занимает межкорневую позицию в составе сложных слов: *ковeрø-самолет* — *на ковeре-самолeте*, *двeсти* — *двухсот*. В подобных случаях окончание следует отличать от соединительных элементов в составе сложных слов, которые не изменяются при формообразовании: *двухсотый* — *двухсотого*. Окончание обычно называют изменяемой частью слова, а точнее его было бы определить как сменяемую часть слова [Немченко 1984], поскольку в формообразовательной парадигме разные окончания сменяют друг друга. Окончания выражают грамматические значения рода (*больш-ой* — *больш-ая*, *писал-ø* — *писал-а*), числа (*дом-ø* — *дом-а*, *больш-ой* — *больш-ие*, *писалø* — *писал-и*, *пиш-ет* — *пиш-ут*), падежа (*столø* — *стол-а*, *больш-ой* — *больш-ого*), лица (*пиш-у* — *пиш-ешь* — *пиш-ет*).

Функционально окончания отличаются от других аффиксов, относятся к словоизменяемым морфемам, поскольку служат не только для образования форм слова, но и для связи слов в предложении, выражая синтаксические отношения между словами в предложении. Окончания, таким образом, обладают синтаксическим типом значения и опосредованно выполняют ком-

муникативную функцию. В тех случаях, когда у производного слова отсутствуют материально выраженные словообразовательные аффиксы, некоторые исследователи отмечают словообразовательную семантику у флексий [Немченко 1984]: *супруг* — *супруг-а* со значением женскости, *учительский* — *учительск-ая* с семантикой субстантивированного прилагательного. В подобных случаях флексии выступают как синкретические аффиксы.

Окончания отсутствуют у неизменяемых слов и их форм (наречий, инфинитива, деепричастий, прилагательных в сравнительной степени, слов категории состояния, несклоняемых существительных и прилагательных, служебных, модальных слов, междометий). По происхождению окончания представляют собой исконно русские морфемы. Таким образом, окончание — это служебная морфема, аффикс, который «образует формы слова и выражает отношение данного слова к другим словам в предложении» [Филиппова 2009: 26].

Конфликсы (лат. *con* — ‘с’, ‘вместе’ и *fixus* ‘прикрепленный’), или **циркумфиксы** (лат. *circum* ‘вокруг’, *fixus* ‘прикрепленный’) — особый тип аффиксов, имеющих комплексный характер и состоящих из префикса и суффикса (постфикса), которые одновременно присоединяются к основе исходного слова: ***рас-кричать-ся***, ***со-звонить-ся***, ***под-снеж-ник***, ***без-дорож-[j]*** (*e*), ***меж-сезон-[j]*** (*e*), ***без-работ-иц*** (*a*). В русском языке встречаются и трехаффиксные словообразовательные средства: ***про-штраф-и(ть)-ся***. Конфликсы характерны для ряда других языков, например немецкого. Некоторые ученые, в частности представители Казанской лингвистической школы, выделяют конфликсы и в русском языке: «Конфликсом... называется двааффиксная морфема, выполняющая те же функции, что и суффикс и префикс, то есть служащая материалом единичного акта морфологического словопроизводства» [Марков 1967: 60; Марков 1968].

Вместе с тем многие исследователи считают, что конфликсы не характерны для русского языка (Е.А. Земская, В.Н. Немченко, А.Н. Тихонов), «в составе конфликсов не происходит полного семантического слияния значений приставок и суффиксов или приставок и постфиксов» [Мусатов 2010: 63]. Компоненты

конфикса сохраняют свое значение и могут употребляться в словообразовательной функции отдельно друг от друга: ср. *бездорож-**[j]**(е)* и *без-опасный, весель-**[j]**(е)*. Таким образом, конфиксы представляют собой единый формант, но не являются единицей морфемики, особой морфемой.

4.3. Виды аффиксов по функции

По выполняемой морфемами функции последние делятся на словообразовательные и грамматические. Эта характеристика относится к аффиксальным морфемам.

Словообразовательные (словообразующие) **аффиксы** выражают словообразовательное (деривационное) значение и участвуют в образовании новых слов: *чай* → чай-**ник**, *железо* → *желез-н(ый)*, *петь* → *за-петь*.

Грамматические аффиксы выражают грамматическое значение и участвуют в образовании форм слов. Проблема разграничения словообразовательных и грамматических аффиксов связана с трудностями дифференциации словообразования и формообразования в целом и словообразовательных и грамматических значений в частности. В истории языкознания и в современной отечественной лингвистике по-разному квалифицируются некоторые языковые явления в аспекте словообразования / формообразования. Так, формы существительных единственного и множественного числа некоторые ученые считали разными лексемами (Ф.Ф. Фортунатов). С другой стороны, размерно-оценочные слова (*до-мик*, *реч-ушк(а)*, *бел-еньк(ий)* и под.) иногда квалифицировались не как новые слова, а как формы соответствующих безоценочных слов (В.В. Виноградов). Спорной является в настоящее время квалификация соотносительных глаголов совершенного и несовершенного вида — как грамматических форм или разных лексем. Причастия и деепричастия трактуются и как формы глагола, и как самостоятельные части речи, прилагательные в превосходной степени — и как формы прилагательных, и как самостоятельные слова с оценочными суффиксами. Сравнительная степень прилагательных

рассматривается не только как грамматическая форма прилагательного, но и как самостоятельное слово.

Одним из основных критериев разграничения словообразовательных и грамматических значений исследователи считают стандартизованный характер средств выражения грамматических значений.

Формы слов образуются с помощью определенных грамматических аффиксов: числовые формы существительных оформляются с помощью определенного набора падежных флексий, степени сравнения прилагательных — с помощью суффиксов *-е, -ее / -ей, -айш- / -ейш-*; действительные причастия настоящего времени имеют суффиксы *-ущ(-ющ), -ащ(-ящ)*, прошедшего времени — суффиксы *-вш-, -ш-*; у страдательных причастий настоящего времени — суффиксы *-ем- / -им-*, прошедшего времени — суффиксы *-(е)нн-, -т-*; деепричастия образуются с помощью суффиксов *-а(я)*; глагольные формы прошедшего времени образуются с помощью суффикса *-л-*, а формы повелительного наклонения — с помощью суффикса *-и* или нулевого суффикса (*брось*). Числовая семантика существительных, семантика прилагательных сравнительной степени, причастий, деепричастий, семантика наклонения и времени глагола характеризуется, таким образом, стандартизованностью средств выражения, определенным, ограниченным набором аффиксов, тогда как семантика размерно-оценочных существительных и прилагательных выражается различными аффиксами: *-к(а), -(ч)ик, -ок, -очк(а), -оньк- / -еньк-, -охоньк- / -ошеньк-* и др.

Что касается видовой семантики глаголов, то она характеризуется стандартностью суффиксальных средств выражения (*решать — решить, разыграть — разыгрывать, подписать — подписывать*) и нестандартностью префиксальных средств, которые наряду с видовыми выражают и другие, словообразовательные значения: *решать — нарешать, играть — разыграть, писать — подписать* и др.

Словообразовательные и грамматические морфемы существенно различаются по занимаемому ими положению в слове. Словообразовательные аффиксы могут занимать в слове разную позицию по отношению к корню и другим аффиксам (ср. слово-

образовательные префиксы, суффиксы, постфиксы). Грамматические морфемы преимущественно располагаются в абсолютном конце слова (флексии, грамматические суффиксы и постфиксы), абсолютном начале слова (если признавать грамматическими видообразующие префиксы глаголов (*на-писать, с-делать*), префиксы степеней сравнения прилагательных и наречий *по-быстрее, наи-высший*), перед другими грамматическими морфемами (*расписали, строились*), а в некоторых случаях перед словообразовательными постфиксами *-то, -либо, -нибудь (какой-то, чего-либо, кем-нибудь)* или в середине сложных слов (*на ковре-самолете, в избе-читальне, двухсот*) [Немченко 1994: 85].

Грамматические морфемы «обычно образуют целые комплексы, ряды тесно между собой связанных морфем» [Земская 1973: 29], а исходная морфема предопределяет грамматическую парадигму: *вод-а — вод-ы, вод-е, вод-у, вод-ой...* Словообразовательные морфемы, аффиксы «присоединяются к основам каждый сам по себе» [Винокур 1959: 399] и не предопределяют состав словообразовательной парадигмы.

Известная ограниченность сочетаемости с производящими словами (основами) словообразовательных аффиксов по сравнению с грамматическими, которые сочетаются с целыми классами, разрядами слов (основ), сопровождается их большей свободой в другом отношении: «словообразовательные морфемы (суффиксы) способны переводить слова из одной части речи в другую» [Немченко 1994: 86], тогда как грамматические морфемы образуют формы слов в пределах определенной части речи.

Исследователи отмечают также различия в семантике у словообразовательных и грамматических морфем. Последние в целом отличаются более абстрактной семантикой. Что же касается словообразовательных аффиксов, то одни из них (мутационные аффиксы) способны оказывать существенное влияние на лексическую семантику исходного слова (*чай — чай-ник, чай-н(ый), писать — писа-тель, пис-арь, пис-ч(ий)*), другие (модификационные аффиксы) оказывают несущественное влияние на лексическое значение исходного слова, выражая какой-либо дополнительный признак (*артист — артист-к(а), горох — горош-ин(а), дом — дом-ик*). Присоединение грамматических морфем к слову

(основе) не влияет на его лексическое значение. Грамматические морфемы (прежде всего флексии) в большинстве своем характеризуются комплексностью значений, многозначностью.

Грамматические аффиксы дифференцируются на формообразовательные (формообразующие) и словоизменительные. Эта дифференциация основана на характере выражаемого аффиксами значения — синтаксический или несинтаксический.

Несинтаксические (формообразующие) аффиксы образуют формы слов и выражают грамматические значения, но не влияют на характер отношений слов в предложении. К таким аффиксам относятся суффиксы множественного числа существительных (*лист[л]я*); степеней сравнения прилагательных и наречий (*быстрый — быстрее / быстрей, быстрейший, быстрее / быстрей*); форм наклонения (*пиши*) и времени (*писал*), инфинитива (*писать*) глагола; причастий (*пишущий, спешащий, писавший, несший, написанный, изученный, спетый*); деепричастий (*спеша, написав*); постфикс *-ся(-сь)* в формах страдательного залога (*Дом строится рабочими*). Что касается части *-те* в формах глаголов повелительного наклонения (*пиши-те*), то при трактовке аффикса *-и* как окончания следует рассматривать *-те* как формообразующий постфикс множественного числа, а признание аффикса *-и* формообразующим суффиксом обуславливает квалификацию *-те* как окончания.

Синтаксические (словоизменительные) аффиксы не только образуют формы слов, но и выражают отношения между словами в предложении, тем самым обладая синтаксическим грамматическим значением и выполняя синтаксическую и опосредованно коммуникативную функцию. К таким аффиксам относятся флексии, при помощи которых образуются числовые и падежные формы всех склоняемых слов, формы рода прилагательных, включая местоимения-прилагательные, и личные формы глаголов в разных наклонениях и временах; ср. придуманную академиком Л.В. Щербой фразу *Глюкая кудра штеко будланула бокра и курдячит бокренка*.

Многие словоизменительные аффиксы характеризуются многозначностью: так, флексии прилагательных имеют родовые, числовые и падежные значения, флексии глаголов настоя-

щего времени выражают значения наклонения, времени, лица и числа.

Промежуточное место между словообразующими и формообразующими занимают **основообразующие** суффиксы, которые регулярно оформляют основу определенных грамматических форм: основы глаголов настоящего времени (*играть* — *игра[й]-ет*), инфинитива и прошедшего времени (*писа-ть* — *писа-л*, *люби-ть* — *люби-л*). Данный вид суффиксов выделяют не все исследователи. С синхронной точки зрения подобные элементы квалифицируют также как «асемантические структурные компоненты, входящие в основу слова» [Филиппова 2009: 40], субморфы.

Некоторые аффиксы могут выполнять как формообразующую функцию, так и словообразующую, являясь тем самым синкретическими морфемами: постфикс *-ся* в формах страдательного залога и в глаголах с собственно-возвратным (*причесываться*), взаимно-возвратным (*обниматься*), общевозвратным (*радоваться*) значением; флексии с семантикой женскости (*супруг* — *супруга*), конкретного признака (*золото* — *золотой*), отвлеченного признака (*синий* — *синьѳ*), действия (*ходить* — *ходѳ*), если словообразовательную семантику связывать с флексией, а не нулевым суффиксом. Синкретическими можно считать глагольные суффиксы, которые одновременно участвуют в образовании нового слова и маркируют одну из глагольных основ: *утюг* — *утюжить* (суффикс *-и(ть)* маркирует основу прошедшего времени).

Отсутствие четких границ между словообразовательными и грамматическими аффиксами связано с явлением переходности в языке, а также обусловлено исторически: в истории языка некоторые грамматические аффиксы становятся словообразовательными (ср. современные прилагательные из причастий *пелущий*, *лежащий*, наречия из существительных *весной*, *летом*), а словообразовательные аффиксы могут функционировать как грамматические (ср. суффикс *-j-* в собирательных существительных *воронье*, *зверье* и в формах множественного числа существительных *колья*, *листья*).

4.4. Виды аффиксов по активности в словообразовании / формообразовании. Продуктивные и непродуктивные аффиксы

По активности (т.е. по степени участия) в образовании новых слов или грамматических форм слов аффиксальные морфемы делятся на продуктивные и непродуктивные. Эта характеристика относится к словообразовательным и грамматическим аффиксам. Продуктивные (лат. *productivus* — ‘поддающийся удлинению’) словообразовательные аффиксы — это аффиксы, с помощью которых образуются новые слова в определенный период развития и функционирования языка. Непродуктивные словообразовательные аффиксы — это аффиксы, с помощью которых не образуются новые слова в определенный период развития и функционирования языка. Подобную продуктивность исследователи называют эмпирической в отличие от системной продуктивности (М. Докулил, Е.А. Земская), которая «зависит от ограничений разного рода, обусловленных системой языка, регулирующих образование слов» [Филиппова 2009: 136]. Системная продуктивность характерна для синхронного словообразования и связана с сочетаемостными возможностями морфем (см. раздел о синтагматике морфем). Эмпирическая продуктивность имеет временной (диахронический) характер. Аффиксы, продуктивные в один определенный период развития языка, могут стать непродуктивными в другой период. Так, в настоящее время непродуктивными являются суффиксы существительных *-арь* (*звонарь, пекарь*), *-ев(о), -ив(о)* (*курево, месиво*), *-нь* (*болезнь, боязнь, жизнь*), *-б(а)* (*косьба, пальба*), *-от(а)* (*доброта, красота, темнота*); суффиксы прилагательных *-ив(ый)* (*ленивый, лживый*), *-ч(ий)* (*кутчий, ловчий, писчий*); глагольные приставки *воз- / вос-* (*возвести, воссоединить*), *низ-* (*низвергнуть, низвести*), *пред-* (*предвозвестить, предугадать*); префиксы существительных *па-* (*паводок, пасынок*), *пра-* (*прабабушка, правнук*). Наоборот, непродуктивные аффиксы могут становиться продуктивными. Суффикс *-тель* со значением производителя действия в XVIII в. встречался в единичных существительных (*указатель, путеводитель* и др.), а в XX в. он становится про-

дуктивным, особенно при образовании существительных неодушевленных, что ученые связывают с развитием техники: *глушитель, предохранитель, проигрыватель, распылитель* [Тихонов 2002: 50].

Для установления продуктивности того или иного аффикса «необходимо выяснить, имеются ли новообразования с этим аффиксом» [Филиппова 2009: 135] в данный период развития языка. Исследователи отмечают продуктивность суффиксов *-(е)ни(е), -к(а), -ость, -изм, -изаци(я), -ец, -ник, -щик (-чик), -ист, -ант, -ш(а)* и др., суффиксов прилагательных *-ов(ый), -н(ый)*, глагольных суффиксов *-и(ть), -изирова(ть), -нича(ть)*, именных префиксов *анти-, де-, гипер-, не-, без-(бес-), псевдо-, сверх-, супер-, экс-*, глагольных префиксов *до-, недо-, пере-* и др. [Земская 1996; Филиппова 2009: 131].

Продуктивными также являются аффиксоиды: суффиксоиды *-лог, -вед, -ход*, а также многие препозитивные заимствованные части со статусом префиксоида в современном русском языке.

«Регулярным в современной речи стало выражение значения динамики процесса через его отношение к признаку или субстанции. Это обусловило высокую степень продуктивности отсубстантивных и отадективных имен действия с суффиксом *-изациј-*, которые стали приметой нашего времени» [Николина 2005: 126]: *американизация (искусства), алкоголизация (населения), бандитизация (страны), банкизация, гомосексуализация (шоу-бизнеса), ваучеризация, долларизация, исламизация, криминализация, чеченизация*. Новообразования с данным суффиксом обычно называют социально значимое событие или явление, нередко негативного характера. Продуктивность проявляет и суффикс *-изм* при создании новообразований аналогичной семантики: *западнизм, обамизм*. Рост личностного начала в современном словообразовании проявляется в словообразовательной активности суффиксов *-ец, -(н)ик, -щик(-чик), -ист, -ант*, образующих наименования лиц, причем нередко на базе собственных имен, называющих ключевые фигуры российской действительности: *гайдаровец, зюгановец, рыночник, державник, перестроечник, компьютерщик, оборонщик, сувереник, ельцинист, сталинист, вручант, подписант* и др.

«Отличительная черта современного словообразования — рост именной префиксации» [Николина 2005: 127, см. также: Земская 1996]. Заметно возросла активность префиксов, выражающих значение отрицания, противодействия, уничтожения результатов чего-либо: *анти-*, *де-*, *контр-*: *антирынок*, *антивирус*, *антиглобализм*, *антидемократизм*, *антиреклама*, «*антиофициоз*», «*антипиар*», «*антиновация*», *антигорбачевский*, *антипутинский*, *антимонопольный*, *антиперестроечный*, *антирыночный*, «*антинаатовские акции*», «*антипекинский мятеж*»; *деполитизация*, *демодернизация*, *десталинизация*, *деидеологизация*, *департизация*; *контрперестройка*, *контрреформа*, *контрмитинг*, *контрдемонстрация*, *контркультура*, *контрэлита*, *контртеррористический*. В текстах СМИ префиксы *анти-*, *контр-* активно сочетаются с одушевленными существительными, что свидетельствует о расширении их синтагматических возможностей: *В большинстве я сейчас играю не очень хороших людей*, *антимилиционеров* и *анти-социальных людей* (Комсомольская правда, 25.03.2008), *Как избежать наезда антирейдеров?* (Наша Версия, 11—17.08.2008), *80-е годы, глава «Новых технологий» Окаемов пытается вырастить антихакеров-профессионалов, способных предотвращать технологические преступления* (Комсомольская правда — Нижний Новгород, 30.06.2008), *Олег Табаков по возрасту пенсионер, по духу — антипенсионер* (1-й канал, 22.08.2010).

Активизировались также приставка *пост-* с темпоральной семантикой (*постгорбачевский*, *постъельцинский*, *посткризисный*, *посткоммунистический*, *постперестроечный*, *постсоветский*, *посттоталитарный*), префикс *про-* со значением поддержки (*прозападный*, *пропрезидентский*, *проельцинский*, *прогубернаторский*, *прокремлевский*, *пророссийский*, *прорыночный*).

Исследователи отмечают высокую роль оценочных и квантитативных значений в современном словообразовании, что, в частности, выражается в активизации префиксов *гипер-*, *мега-*, *супер-* размерно-оценочной семантики, указывающих на интенсивность качества, признака, высокую степень чего-либо (*гипердержава*, *гипермаркет*, «*гипернакрутка*», *гипертекст*, «*гиперхудоба*», «*гиперсексуальный*»; *мегапортал*, *мегахит*, «*ме-*

гафабрика», «мегаферма», «мегарайон», «мегафорум», «мегарейтинговый»; супердержава, суперзвезда, суперкомпьютер, супермодель, суперхит): Волшебное слово «сейл» говорит, что с товара сняли **гипернакрутку** (ТНТ, 29.03.2008); сегодня **гиперхудоба** — ...это уже не модно (Аргументы и факты 17—23.09.2009), **Самохина была гиперсексуальна** (Комсомольская правда в Нижнем Новгороде, 11—18.02.2010), **Мегафорум будет проходить с 20 по 23 мая...** (Радио России, 13.05.2009), **С возрастом наш обмен веществ постепенно замедляется, организму требуется все меньше и меньше калорий, <...> а вкупе с другими суперпродуктами тем более поможет оставаться вам в форме** (Аргументы и факты, 28.01.2009), **Природа ответит на это появлением суперсорняков и супервредителей** (т/к «Россия», 07.07.2009), **строительство суперотеля** (т/к «Россия», 07.06.2009), **Первый в 2009 году апрельский суперномер** вы, надеемся, с интересом прочли (Аргументы и факты, 2009, №21), **Он смог из вполне классического образца превратиться в апологета суперавангардизма** (Новая газета, 24.04.2009), **Хотели сделать из Нижегородского кремля суперреальное пати** (т/к «Волга», 03.05.2008), **Я был воспитан в супероптимистическом духе** (Литературная газета, 23—25.07.2008). Указанные префиксы в медийных текстах могут сочетаться с исходными одушевленными существительными, нарицательными и собственными: **Мегаславяне** (Собеседник, 2009, № 26), **Такой вот гипер-Чехов, только у того всегда присутствуют холод и скепсис, а здесь все одобрено острейшей приправой страсти** (Новая газета, 19.11.2007), **У России был свой суперПиночет — Сталин** (Комсомольская правда, 11.12.2006), **За этой Супервазой охотится российский Супер-Джеймс Бонд** (Независимая газета, 15.11.2007). Префикс супер- может указывать на значительные размеры предмета, особую его значимость и масштабность (*суперсцена, суперкампания, суперпроект*), на высокие и иные качества лица (*суперпрофессионал, суперпродюсер, суперреволюционер*).

«К группе высокопродуктивных морфем относятся также приставки, выражающие отношение ложности, неистинности (*квази-..., псевдо-*)» [Николина 2005: 127]: *у многих заемщиков оформлена «квазиипотека» под залог уже имеющегося жилья*

(Российская газета, 21.11.2008), «квазипартии», «квазитоталитаризм», «квазимасонские организации», «квазисоциалистическая экономика», псевдодемократ, псевдопатриот, «псевдодиетологи», «псевдонароды», «псевдороссияне», псевдосуверенитет, псевдорелигиозный, псевдорыночный, «псевдомедицинские приборы». Широко представлены данные префиксы в новообразованиях медийных текстов. При этом новообразования, называющие лиц, могут иметь дополнительные оттенки смысла 'фальшивый, подложный представитель данной профессии': *Тогда его автомобиль был остановлен псевдомилицонерами, а затем обстрелян* (Российская газета, 10.10.2008), **Псевдополицейский** оказался старым знакомым (т/к «Россия», 20.01.2009). Новообразования с псевдо- могут указывать на несоответствие реальным функциям и свойствам, на низкое качество того, что названо мотивирующим словом: *Наша задача — создать некую единую систему, упорядочить систему соревнования, выгнать всех псевдоорганизаторов* (Российская газета, 12.08.2008), *По сути Кремль завершил формирование псевдопартийной системы* (Новая газета, 17.11.2008). Новообразования с псевдо- не только «содержат субъективную оценку лица» [Земская 2000: 115], но и характеризуют состояние объекта: *...с приставкой «псевдо», от которой, говоря о современном кино, не отмахнешься, — псевдоигра, псевдоматематика, псевдочувства* (Завтра, 2007, №42), *псевдолиберализм, псевдонационализм, псевдооппозиция, псевдосред*. Новообразования, номинирующие объекты в сфере искусства, могут развивать значение имитации: *Смешав на экранной палитре реальную и псевдохронику с игровыми сценами, анимацией, он предпринял храброе до безумства путешествие в город* (Новая газета, 23.10.2008); **Псевдодокументалистика** привлекает, но примелькавшись — отталкивает (Литературная газета, 27.01–02.02.2010); *А мы едем на «ролевуху» — масштабную квазитеатральную постановку, основанную на импровизации участников* (Российская газета, 26.05.2006).

В последние десятилетия активизировалась приставка экс- с семьей 'бывший': *экс-губернатор, экс-министр, экс-мэр, экс-президент, экс-премьер*. В текстах СМИ данный префикс сочетается не только с исходными словами, обозначающими звания,

должности, но и со словами, обозначающими лицо в широком смысле — по профессии, роду деятельности, месту жительства, семейному положению, психо-физиологическим характеристикам: **экс-пилот** «Русских витязей»; **экс-милиционер**... оставлен под арестом; **экс-музыкант** «Аквариума»; **экс-бизнесмен**; **экс-владелец** «Евросети»; **экс-нападающий** английского «Ливерпуля»; **экс-суперзвезда** украинской эстрады; **экс-нижегородец**; **экс-жена** британского принца Эндрю; **экс-неврастеник** российского рок-н-ролла Петр Мамонов. В качестве исходных выступают и неодушевленные существительные, а также прилагательные: *Даже президенты с приставкой «экс» от своих **экс-привычек** не скоро избавляются* (Комсомольская правда, 06—13.12.2007), *А **экс-коммунистические** депутаты...сделали шаг назад* (Завтра, 2007, №42).

Активизируются прежде всего те префиксы, которые «передают социально и культурологически значимую семантику» [Земская 1996: 139]. При этом среди продуктивных аффиксов возрастает удельный вес аффиксов иноязычного происхождения. Заимствованные префиксы присоединяются, как правило, к именным основам (словам именных частей речи), а исконные — к глагольным. Причем характерной приметой настоящего времени становится « активное присоединение русских приставок к иноязычным глаголам: *пролоббировать, простимулировать, протестировать, отсканировать*» [Земская 2010: 238].

В последнее время наблюдается расширение синтагматических возможностей указанных продуктивных префиксов в текстах СМИ. В качестве исходных слов выступают имена собственные (*антиЕльцин, анти-Галатея, анти-Пигмалион, анти-Римы, анти-Селигер, анти-Никита Михалков; гипер-Чехов; мега-Европа; супер-Химки, суперСнегурочка; псевдо-Россия, псевдо-Билан, псевдоалександрымакедонские; экс-Черномырдин, экс-Свердловск, экс-Борис Березовский, экс-«Блестящая»*), аббревиатуры (*Анти-НАТО, Анти-ГАИ, контр-ПРО, квази-НПО, псевдо-ЧП, мегавуз, супер-НАТО, экс-СССР*), имена числительные (*движение «Анти-2004», турнир «Супер-шесть», экс-первая леди Франции*) и целые словосочетания (*экс-королева Майдана, экс-«Мисс Вселенная», экс-Музей Ленина*).

Иноязычные префиксы в узуальных и незузуальных неологизмах активно сочетаются с исконными и стилистически сниженными производящими словами (основами), что свидетельствует о расширении стилистических возможностей данных префиксов: *антишмя, антиЕльцин, антиэсэнгэшный, постгорбачевский, проельцинский, квазильготник, псевдороссияне, псевдородственники, пседогазетенка, гиперхудоба, гиперофигевающий, мега-сады, мега-гости, мегаславяне, суперпивная, суперхрущоба, суперпродвинутый, экс-нижегородец, экс-зэк*. Стилистическое несоответствие окраски иноязычного префикса и исходного слова, вовлечение в деривационные процессы стилистически сниженной лексики свидетельствует о проявлении тенденции к демократизации в речи и языке.

Следует отметить также активизацию препозитивных частей (префиксоидов) заимствованного характера.

Активная автомобилизация российского населения, развитие технологий, основанных на использовании природных материалов, актуальные проблемы экологии нашли отражение в активизации префиксоидов *авто-, био-, эко-*: *автогражданский, автодизайн, автокредит, автопроизводитель, автострахование, автосалон; биоатака, биодобавка, биозащита, биокорректор, биомасса, биомедицина, биополе, биопротез, биоритмы, биостимулятор, биотерроризм, биотехнолог, биотоки, биотуалет, биоэнергетик, биопатогенный; экосистема, экотуризм, экоцентр*.

Достижения научно-технического прогресса способствуют активизации такой препозитивной части, как *нано-*, которая квалифицируется носителями языка то как корневая, то как префиксальная, то как префиксоид. Показательно восприятие части *нано-* некоторыми носителями языка: «Все только и говорят про *нано-что-то-там*, и мне хочется поучаствовать в общем веселье. Но я ничего не понимаю в спорах о том, существуют ли нанотехнологии и сколько денег отмывается на подобных проектах. Не могу внести свой вклад в *наноскандалы* и разоблачение *нанодельцов*. Не способен даже гнать *нанопургу* про *нанобудущее*. (Все эти слова с приставкой «нано» мною не выдуманы, а взяты из Интернета.) Я, как принято говорить в компетентных кругах, *наночайник*, вообще не уверенный в том, что мир состоит

из молекул. И все-таки для гуманитариев найдется своя ниша во всей этой *нановакханалии* — ведь, к счастью для нас, слово «нано» давно живет своей интересной жизнью, никак не связанной с физическими исследованиями. Вот этой-то языковой *нанореальности* и посвящены мои *наномысли*. Сегодня «нано» — передний край словообразования. Поисковые системы на запрос «нано» выдают бесчисленное количество обрывков разговоров: <...> «Я *наноглотками* отхлебывал кофе», «Была проделана *наноработа с нанорезультатами*», «Я обзавелся *наноквартирой*», «После этого *наностриптиза...*» <...> Похоже, эту приставку можно присоединить к любому слову — и будет толк» (Русский репортер, 22—29.05.2008). В словаре-справочнике «Аффиксоиды русского языка» семантика префиксоида *нано-* определяется как «равный миллиардной доле исходной единицы измерения (*нанограмм*); имеющий мельчайшие, микроскопические размеры (*нанобактерии*); связанный с частицами таких размеров (*наноматериалы*)». В последнее время *нано-* используется в словах, не имеющих отношения к размерной семантике, где *нано-* указывает на отношение к нанотехнологиям: «Но шумиха вокруг нанотехнологий обогатила эту приставку и новым смысловым оттенком: «нано» — значит новейший, продвинутый, передовой, высокотехнологичный. Значение это особо греет душу рекламщика: <...> тут и *iPod nano*, и сигареты *Kent nano*, и *наноЯндекс*, и какие-то *нанооптимизаторы*, и *наноноски*, и *нанокремы*, и даже *нанотрусы* с биофотонами» (Русский репортер, 22—29.05.2008); «...отношения к России до 1917 г. и российской империи и сегодняшняя *нано-президентская* правящая клика не имеет» (Комсомольская правда в Нижнем Новгороде, 13—20.03.2008); «Если мы будем научные разработки сразу срывать с бизнесом, в лучшем случае мы сделаем какие-то «*нанолапти*» или что-то в этом роде...» (Аргументы и факты — Нижний Новгород, 10—16.02.2010).

Активные контакты с Западом, возрастание в современном российском обществе роли СМИ, и в частности телевидения, способствовали повышению продуктивности префиксоидов *евро-*, *медиа-*, *теле-*: *евросоюз*, *евростандарт*, *евробумаги*, *евровалюта*, *евродепутаты*, *еврозона*, *евроинтеграция*, *европар-*

ламент; медиабизнес, медиавойна, медиаимперия, медиаиндустрия, медиамагнат, медиаресурсы, медиарынок; телефакс, телесериал, телереклама, телеприставка, теледебаты, телехит, телешоу, телемарафон, телемост, телекомпания. При этом у префиксоида *евро-* 'относящийся к Европе, соответствующий европейскому уровню' [Козулина 2009] развивается семантика 'лучший, супермодный': *евроремонт, евромода, евроотдых, евротюрма* и др.

Социальные пристрастия и антипатии отражаются в новообразованиях с продуктивными постпозитивными компонентами *-ман(ия), -фил(ия), -фоб(ия)*: *Мир охвачен **обамаманией*** (Аргументы и факты, 21.01.2009); *Спортивная мода лучше, чем **«хиптомания»** прежних лет* (Литературная газета, 25.02–03.03.2009); *Нижегородцы заболели **лекарствоманией*** (т/к «Россия», 07.03.2009); ... *российские буржуи еще и основательно больны <...> **американофилией*** (Дуэль, 05.02.2008); *Журналисту демократичной ориентации полагается в этом месте статьи нанести удар «глаголом» по страдающей **«диктаторофилией»** российской власти* (Московский комсомолец в Нижнем Новгороде, 25.02–04.03.2009); ...*у нас в принципе **банкофобия** как болезнь присутствует, и у нас очень любят все, что касается банковской системы, преподносить в отрицательном свете* (Московские новости, 30.03–05.04.2007); *Нам **американофобия** свойственна и на уровне массового сознания* (т/к «Россия», 01.02.2009).

Активизация заимствованных аффиксов и аффиксоидов, вовлечение в современные словообразовательные процессы слов и основ иноязычного происхождения отражают проявляющуюся в последние десятилетия в русском и других, особенно славянских, языках тенденцию к интернационализации и «амероглобализации», связанную с возрастанием на рубеже XX–XXI вв. масштабов и интенсивности межкультурного и межъязыкового взаимодействия, с глобальным влиянием английского языка.

Наряду с тенденцией к интернационализации в современном русском языке в целом и в словообразовании в частности проявляется тенденция к демократизации, которая вызвана демократическими преобразованиями в общественной жиз-

ни России и связана с усилением влияния устно-разговорной речи на книжно-письменную. В деривационных процессах активизируются те словообразовательные аффиксы и модели, которые характерны для разговорной речи, наблюдается также экспрессивизация словообразовательных средств. Так, ученые отмечают активизацию процессов универбации, некоторых типов глагольной деривации, расширение границ феминативного и деминутивного словообразования, появление экспрессивно-разговорного фона у ряда новообразований и словообразовательных средств.

При образовании универбов, отражающих тенденцию к экономии языковых средств и включающих семантику всего базового словосочетания при формальной мотивации одним из его компонентов, продуктивность проявляют исконные суффиксы *-к(а)* отвлеченно-предметной семантики, *-(н)ик*, *-щик* со значением лица: *внутрианка* (внутренняя политика), *автогражданка* (страхование автогражданской ответственности), *гуманитарка* (гуманитарная помощь), *молодежка* (молодежная политика, газета), *однушка* (однокомнатная квартира), *паленка* (паленая водка), *социалка* (социальная сфера), *углубленка* (углубленное изучение предмета); *бюджетник* (работник бюджетной сферы), *жилищник* (работник жилищно-коммунального хозяйства), *налоговик* (сотрудник налоговых служб), *теневик* (представитель теневых структур), *силовик* (представитель силовых структур), *сырьевик* (представитель сырьевых отраслей); *виртуальщик* (находящийся в виртуальной реальности), *чрезвычайщик* (представитель чрезвычайных служб), *экстремальщик* (представитель экстремальных видов деятельности), *цифровик* (цифровой фотоаппарат) и др.

Как проявление языковой экономии ученые рассматривают и активное образование глаголов с суффиксом *-и(ть)* с семантикой результативности действия, проявления (предметного) признака (*ксерить*, *эсэмэсить*, *креативить*, *истерить*, *пошлить*, *моделировать*).

Продуктивность проявляют суффиксы *-(н)иц(а)*, *-к(а)*, *-ш(а)* со значением женскости: *А зато такая с утра гламурница в маршрутке...* (Собеседник, 2010, №42), *Наши юные керлингисты*

гистки исполняли роль *склочных баб* (Новая газета, 03.03.2010), *Вместо Маресьевых — попрошайки, вместо ворошиловцев — Евсюковы, вместо Штирлицев — вообще какие-то чапменши* (Собеседник, 2010, № 31).

Общее возрастание экспрессивности речи стимулирует образование и употребление деминутивных существительных, прилагательных и наречий с различными суффиксами *-(ч)ик, -ок, -ишк(о), -ц(о), -онок, -еньк-*: *университетский фашистик* (Дуэль, 05.02.2008), *небольшой циклончик* (НТВ, 02.05.2011), *Бывший экспедитор гостиницы «Прибалтийская», осужденный за мошенничество, становится банкиром небольшого «банчка» под названием Северный торговый банк...* (Собеседник, 2011, № 4), *Нет нужды, что в обнажении верхом на валуне есть моральный аспект. Жги! Зачастую это твой последний шансок* (Собеседник, 2011, № 4), *Такая достойная дама <...> срамилась с жалким миллиардишком* (Завтра, 2008, № 12), *...вот какое-то кинцо — и вся страна рыдает* (Комсомольская правда, 31.01.2007), *Толкиенист, увидев соседа, ожесточенно крутящего пальцем у виска, замахнется мечом, скиненок грозно проблеет!* (Завтра, 2007, №42), *Я выходил, как будто покурить, брал бутылочку. И мы с ним сепаратненько так* (Новая газета, 27.09.2010).

Продуктивность проявляют суффиксы *-ость, -ни(е), -ств(о), -щин(а)*, которые при образовании абстрактных существительных могут экспрессивизироваться: *...по книге толстым слоем разлита такая литературная «дамскость»* (Литературная газета, 16—22.04.2008), *сбываемость прогнозов* (Новое дело, 24.02—02.03.2011), *...эта главная для нынешних телевизионщиков тема была подана <...> без малейшего налета теперешнего тотального «оklubничивания»* (Литературная газета, 24—27.10.2009), *...спамерство стало крупным бизнесом...* (Известия, 14.01.2011), *«Надо приучать народ к процедуре правосудия. Советщину искоренять* (Русский репортер, 20—27.11.2008).

Активность проявляют также суффиксы *-н(ый), -ов(ый), -ск(ий)* относительных прилагательных, которые приобретают качественную семантику, становятся экспрессивно-оценочными: *триколорное (чиновничество), кичевое (сочинение), молниевая (быстрота), фастфудовский (прилавок), поколенческая*

(логика) и др. К ним примыкают прилагательные с суффиксами градационного типа *-оват(ый)*, *-ист(ый)*: *Тем временем к изолятору подтянулись **гоповатого** вида малолетние активисты движений «Наши» и «Сталь»* (Собеседник, 2011, №2), *Тупых, жадных, **мародеристых** в Россиянии — как в арбузе мякоти* (Завтра, 2010, № 12).

Семантика новообразований, демонстрирующих продуктивность тех или иных словообразовательных средств, отражает политические и социально-экономические изменения в России на рубеже XX–XXI вв., в частности расслоение населения в материальном и социальном плане, развитие рыночных отношений, изменение ценностных ориентаций, расширение сферы бизнеса, информатики, массовой культуры и др. Как говорят ученые, язык не только отражает окружающую жизнь, но и участвует в формировании картины мира носителей языка.

Исследователи отмечают разную продуктивность аффиксов в разных подтипах: ср. продуктивность суффикса *-ок* в существительных с семантикой результата действия (*слепок, подарок*) и непродуктивность его в существительных со значением производителя действия (*игрок, стрелок*) [Русская грамматика 1980: 116]; суффикс *-тель* продуктивен при образовании существительных со значением неодушевленных предметов (*выключатель, проявитель*) и непродуктивен при образовании названий действующих лиц (*мечтатель, писатель*) [Немченко 1994: 93]. Некоторые ученые пытались установить градацию аффиксов по степени продуктивности (высокопродуктивные, малопродуктивные, среднепродуктивные), но попытки установить шкалу продуктивности не увенчались успехом, «так как не выработаны объективные критерии для разграничения степени продуктивности аффиксов (сколько надо новообразований, чтобы считать аффикс высокопродуктивным или малопродуктивным?)» [Филиппова 2009: 135]. Кроме того, в разных стилях языка (и речи) аффиксы имеют разную степень продуктивности: ср. суффикс *-к(а)* с семантикой отвлеченного действия, продуктивный в разговорной речи (*глажка, утюжка*), и суффикс *-ни(е)* с аналогичной семантикой, продуктивный в книжном, научном стиле (*рассмотрение, погружение*).

Ученые различают также продуктивные и непродуктивные аффиксы при образовании грамматических форм слов [Немченко 1994 и др.]. Продуктивными являются падежные и личные окончания в новых существительных женского рода (*-а(-я), -ы(-и), -е, -у(-ю), -ой (-ою), -е, -ами, -ах*), прилагательных мужского рода (*-ый(-ий), -ого(-его), -ому(-ему), -ым(-им), -ых(-их)*), глаголах I и II спряжения (*-у (-ю), -ешь, -ет, -ем, -ете, -ут(-ют), -ишь, -ите, -ат*) [Мусатов 2010: 78; Филиппова 2009: 134]. Под влиянием разговорной речи продуктивным становится окончание именительного падежа множественного числа *-а* у существительных мужского рода: *учителя, доктора, цеха, отпуска, прожектора*, а также разговорные *вымпела, договора, лектора, редактора, свитера* и др. [Филиппова 2009: 134]. Непродуктивны окончания существительных творительного падежа множественного числа *-ми* (*дверьми, лошадьми*), числительных (*-ух, -ех, -умя, -емя*), окончание 1-го лица единственного числа настоящего и будущего простого времени глаголов (*да-м, е-м*). Из формообразующих суффиксов степеней сравнения прилагательных и наречий продуктивным является суффикс *-ее / -ей*, а также суффикс превосходной степени качественных прилагательных *-ейш(ий)* [Мусатов 2010: 79; Немченко 1994: 92—93; Филиппова 2009: 134].

Классификация аффиксов по признаку продуктивности / непродуктивности связана с их классификацией по признаку регулярности / нерегулярности.

4.5. Виды морфем по частотности употребления. Регулярные и нерегулярные морфемы

По частотности употребления морфемы дифференцируются на регулярные и нерегулярные.

Регулярные, повторяющиеся морфемы «постоянно воспроизводятся (употребляются) в составе членимых слов, образуя сопоставительные морфематические ряды» [Яковлев 1990: 24]. Регулярные морфемы противопоставляются нерегулярным, к которым в современной отечественной лингвистике относятся как морфемы, которые встречаются в составе слов спорадиче-

ски, от случая к случаю (*наводок, пасынок, паклен; суглинок, супесь; лентяй, слюнтяй; ем, дам; ешь, дашь; ест, даст* и др.), так и единичные элементы, которые встречаются лишь в одном слове.

Поскольку в науке не установлены критерии разграничения регулярно и спорадически повторяющихся морфем (количество повторений, употреблений), то некоторые ученые предлагают термин «нерегулярные» использовать лишь по отношению к единичным, уникальным частям слов [Немченко 1984]. Уникальные части встречаются не только в одном слове, но и в производных от него словах: *почта — почт-альон* и *почтальон — почтальон-ш(а)*, ср. *стекло — стекл-ярус* и *стеклярус — стеклярус-н(ый)*.

Понятие регулярности было введено в научный обиход Г.О. Винокуром в статье «Заметки по русскому словообразованию», в которой ученый отметил наличие повторяющихся морфем и противопоставил им «единично встречающиеся» суффиксы: «...для слова *попадья*...нельзя указать аналогии, а между тем основа в этом слове несомненно производная, и в ней выделяется суффикс *-адья*, ни разу более в русском языке не встречающийся» [Винокур 1959: 427].

Регулярные морфемы представлены подавляющим большинством морфем в современном русском языке. Что же касается нерегулярных, уникальных морфем, то вопрос об их существовании по-разному решается в отечественной лингвистике в зависимости от принципов выделения морфем и определения существенных признаков последних.

При сопоставительном подходе к выделению морфем последние вычлняются на основе формально-семантического тождества с аналогичными частями в других словах. Единичные компоненты при этом обладают так называемой остаточной выделимостью из состава слова: они не имеют формально-семантических аналогов в других словах и их граница определяется границей соседнего сегмента. При сопоставительном подходе единичные компоненты могут иметь как корневой (*бужен-ин(а)*, ср. *баран-ин(а)*, *кон-ин(а)*), так и аффиксальный (*почт-альон* ср. *почта*) характер, могут находиться в позиции

как корня, так и аффикса [Смирницкий 1948: 21–32; Арутюнова 1961; Крысин 1975: 227–231].

При выделении морфем в слове с опорой на словообразовательные связи данного слова с другими словами свойством членности должны обладать только синхронически производные слова, для членения которых важно установить их синхронические производящие (Г.О. Винокур, Н.М. Шанский, В.В. Лопатин, И.С. Улуханов, В.Н. Немченко): «Вопрос о том, есть ли в данном слове то отношение, которое характеризует производную основу в отличие от непроизводной и, следовательно, выделяются в этой основе какие-нибудь аффиксы или нет, должен и может решаться исключительно установлением отношений между значениями слов в наличной языковой традиции...» [Винокур 1959: 423]. При этом «значение слова с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы» [Винокур 1959: 421]. Таким образом, «о производной основе можно говорить лишь тогда и лишь до тех пор, пока есть соотнесенная с ней основа непроизводная» [Винокур 1959: 425]. Поэтому «для отыскания данной словообразовательной формы считается необходимым указать данную первичную основу хоть еще раз в каком-нибудь другом слове данной языковой системы» [Винокур 1959: 426]. Что касается выделения аффиксальных морфем, то «никакой аффикс сам по себе не имеет значения в том смысле, в каком мы говорим о значении основ. Он обладает значением только в той мере, в какой он изменяет значение первичной основы в значение производной основы, вносит в значение первой ту или иную модификацию» [Винокур 1959: 421]. Таким образом, при данном подходе к выделению морфем необходимо «установление семантико-словообразовательной соотносительности производной и производящей (или мотивированной и мотивирующей) основ» [Шанский 1993: 39].

При членении слова по принципу «производное — производящее» возможны единичные части в позиции аффикса и невозможны в позиции корня: поскольку «для расчленения основы слова на морфемы не обязательно наличие двух соотносительных рядов, достаточно и одного, однако в таком случае только

соотносительного ряда корневых морфем, но никоим образом не служебных», то «производных слов и основ с изолированными, единичными, только в них выделяющимися и существующими непроезжими основами нет и быть не может, но есть производные основы и слова, в которых выделяются только в их составе живые сейчас аффиксы» [Шанский 1968: 53–54].

В отечественной лингвистике по-разному решается вопрос о морфемном статусе остаточных частей слов. Исследователи, определяющие семантику морфем парадигматическим способом, основанном на отождествлении формально совпадающих частей слов, отрицают морфемный характер единичных частей слов из-за отсутствия у них признака повторяемости (М.В. Панов, М.Д. Степанова и др.). По отношению к подобным уникальным элементам используется термин «квазиморфема», при этом уникальные части в позиции корня квалифицируются как унирадикалоиды, а в позиции аффикса — как унификсы (Е.А. Земская). Некоторые ученые признают только уникальные корни (обычно это свободные корни в мономорфемных словах типа *авеню, боа, цеце, ведь, вдруг* и подобных), поскольку существенным признаком аффиксов считают обязательную повторяемость в аналогично построенных и обладающих общим элементом значения словах (Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, А.Н. Тихонов).

По мнению других представителей сопоставительного подхода к выделению морфем, корневые и аффиксальные морфемы должны выделяться на основании одних и тех же принципов, «причем как для выделения аффикса, так и для выделения корня достаточно одного ряда слов, отвечающего определенным требованиям» [Смирницкий 1948: 25]. Таким образом, по мнению А.И. Смирницкого, полемизировавшего с Г.О. Винокуром (в науке этот спор получил название «спор о буженине»), равное право на существование имеют как единичные корни, так и единичные аффиксы.

Согласно концепции Г.О. Винокура остаточной выделяемостью обладают только те части слов, которые находятся в позиции аффикса. Единичный характер этих частей не препятствует признанию их аффиксального статуса. По словам Г.О. Винокура, «есть только одно несомненное слово в современном лите-

ратурном языке, имеющее суффикс лица *-тух*, именно *пастух*. Но от этого данный суффикс не перестает быть суффиксом, а соответствующая основа, что самое существенное, не перестает быть основой производной» [Винокур 1959: 427]. По мнению ученых, поддерживающих данную точку зрения, «для признания слова производным вполне достаточно его семантической мотивированности при каком-либо морфемном его отличии от мотивирующего (производящего слова). Само это отличие как формальный показатель производности может быть в принципе как угодно разнообразным <...>; словообразовательный аффикс может быть и уникальным, что является лишь пределом нерегулярности» [Моисеев, 1972: 52]. Для словообразования «безразлично, обозначена отнесенность данного слова к некоторому классу уникальным, специфическим или неуникальным, неспецифическим для данного слова способом. Важно только, чтобы эксплицитно выраженное некоторым способом — не обязательно единственным и не обязательно повторяющимся в других словах — данное отношение мотивации воспроизводилось и другими парами слов» [Гинзбург 1972: 51].

В нерегулярных образованиях «звуковые комплексы, могущие быть выделенными в них в качестве суффиксов, представляют собой подлинные звуковые единства, т.е. имеют значения, устанавливаемые нами совершенно так же, как устанавливаются значения суффиксов в образованиях, построенных по продуктивным и регулярным моделям. Невозможно было бы, например, отвергнуть утверждение, что в слове *вражда* элемент *д* так же относится к элементу *враж*, как, положим, в слове *дружба* элемент *б* относится к элементу *друж*, в слове *служба* элемент *б* — к элементу *служ...*» [Винокур 1959: 427]. Таким образом, «как определенная служебная морфема, и, следовательно, значимая часть слова нерегулярные аффиксы возможны и существуют лишь в структуре конкретного слова. Их значение совершенно определено устанавливается только путем уяснения связей и отношений содержащих их слов с соответствующими им родственными словами и сравнения с регулярными моделями словообразования» [Шанский 1968: 142]. Значение уникальных аффиксов определяется синтагматическим способом

на основе семантической разности: значение аффикса является чисто дифференциальным и устанавливается в противопоставлениях типа *почта* — *почт-альон*. Принципы семантического вычитания некоторые ученые используют и при определении семантики остаточной основы, единичного корня (Н.Д. Арутюнова, А.И. Смирницкий, И.С. Улукханов и др.). По мнению других ученых, для установления значения основы ее надо соотносить не с другой основой, а с чем-то вне языка, ее значение является не дифференциальным, а вещественным, поэтому, чтобы выделить основу, необходимо существование хотя бы еще одного слова, где встречается данная основа [Апресян 1966: 92].

Сторонники асемантической остаточных частей слова выступают против принципа семантического вычитания при определении семантики единичных частей вследствие идиоматичности слова (Е.А. Земская, Н.А. Крылов, М.В. Панов и др.): «Так как характерная черта слова — семантическая фразеологичность, то значение таких единичных отрезков не может быть простой разницей между непроемной основой и основой, включающей единичный отрезок» [Земская 1964: 40].

Однако применение принципа семантического вычитания при определении семантики аффиксов не свидетельствует об отсутствии у них семантических аффиксальных аналогов. Уникальным суффиксам всегда можно приписать какое-либо категориальное значение, выражаемое в языке суффиксально (ср. *почт-альон* и *аптек-арь*, *библиотек-арь*, *стекл-ярус* и *ват-ник*, *мед-як*). Значение уникальных суффиксов, как и семантика суффиксов регулярных, сводится к выражению отношения производного слова к его производящему (в *почт-альон* суффикс указывает на лицо по отношению к учреждению, месту деятельности, которое названо производящим словом; в *стекл-ярус* суффикс указывает на отношение к материалу, который назван производящим словом). «Уподобление мотивировочных связей в парах *поп* — *попадья*, *пасти* — *пастух*, *почта* — *почтамт*, *стекло* — *стеклярус* типовым отношениям мотивации (ср. соответственно: *поэт* — *поэтесса*, *профессор* — *профессорша*, *водить* — *вожак*, *кормить* — *кормилец*; *лед* — *ледник*, *щелочь* — *щелок*, *медь* — *медяк*) позволяет усмотреть аналогию в единичных мотивировочных

отношениях отношениям типовым...» [Янценецкая 1978: 22]. Уникальным префиксам в силу меньшей степени обобщенности их семантики и большей независимости от частеречной характеристики производного слова труднее приписать категориальное значение. Префиксы более «лексичны» по своей семантике. Но в ряде случаев уникальным префиксальным частям можно найти семантические аналоги среди неуникальных префиксов (ср.: *ба-хвалиться* и *за-хвалить*, *пере-спеть*), что свидетельствует в пользу морфемного, аффиксального статуса таких частей.

Итак, определение значения единичных частей в позиции аффикса путем установления у них семантических аналогов с обобщенным словообразовательным значением среди неуникальных аффиксов не препятствует признанию фразеологичности семантики слов с единичными аффиксальными частями. Что же касается остаточных частей в позиции корня (*бужен-ин-а*, *мал-ин-а*) в непроизводных словах, то единственно возможное определение их семантики остаточным способом, способом семантического вычитания, действительно ведет к признанию неидиоматичности слов с подобными частями. Таким образом, выделение уникальных корней в непроизводных словах достаточно сомнительно с точки зрения сопоставительного подхода к членению слова и невозможно при опоре на словообразовательные связи при членении слова.

Уникальные корни, которые имеют связанный характер, в составе непроизводных слов могут выделяться только путем сопоставления последних со словами с тождественной аффиксальной частью (ср.: *бужен-ин-а* и *баран-ин-а*, *кон-ин-а*, *мал-ин-а* и *ряб-ин-а*, *кал-ин-а*). Членимость слов со связанными уникальными корнями в непроизводных словах осознается в меньшей степени, чем членимость слов с уникальными аффиксами, так как выделение аффиксов в словах с остаточными корнями связано с известной долей субъективизма при определении аффиксальной семантики.

Если уникальный аффикс выделяется в результате установления соотношения производного слова, содержащего данный аффикс, с его производящим, а семантика уникального аффикса определяется с учетом его семантических аналогов сре-

ди неуникальных аффиксов, то связанный уникальный корень может быть выделен подобным образом только тогда, когда он находится в составе сложного слова: ср. *кур-нос-ый* и *коротк-о-нос-ый*, *колч-е-ног-ий* и *хром-о-ног-ий*. Значение подобных связанных уникальных корней, по-видимому, в ряде случаев также может устанавливаться с опорой на их семантические аналоги среди неуникальных корней. Некоторые ученые считают подобные единичные части **квазикорнями** — десемантизированными корневыми морфемами, выделяемыми в структуре слов, утративших связь с исторически производящей основой и поэтому обладающих скрытой внутренней формой [Николина 2005: 46].

Признавая наличие в русском языке уникальных, единичных аффиксов, необходимо отграничивать их от единичных морфов неуникальных аффиксов. Вопрос о статусе вычленяемого аффиксального отрезка возникает тогда, когда данный отрезок представляет собой уникальное сочетание таких сегментов, конечный из которых совпадает по форме с каким-либо аффиксом (обычно суффиксом). Спорные промежуточные отрезки ученые либо квалифицируют как интерфиксы, либо относят к мотивирующей основе или аффиксу (суффиксу). В последнем случае и возникает проблема разграничения уникальных аффиксов (суффиксов) и единичных морфов неуникальных аффиксов (суффиксов). О наличии уникального аффикса (суффикса) можно говорить, если слово со спорным отрезком отличается по семантике от слова сходной структуры без аналогичного отрезка. Тем самым семантическое отличие рассматриваемого слова можно связать с уникальным аффиксом (суффиксом). Так, если семантический компонент 'жена' в слове *попадья* ('жена попа') связать с единичной частью *-a / dʲ / -*, то последнюю следует признать уникальным суффиксом, как и единичную часть *-арад* в слове *маскарад*, если признавать ее семантическое отличие от суффикса *-ад* с семантикой вещества в существительных *лимонад*, *оранжад*, а также одиночную часть *-утк-* в слове *малютка*, если признавать ее семантическое отличие от суффикса *-к-* в существительных *неженка*, *невидимка*, *одиночка*. Что касается выделяемых некоторыми учеными уникальных суффиксов в словах *дубл-икат*,

пе-си(я), рис-унок, дорог-овизн(а) и некоторых других, то они семантически не отличаются от неуникальных суффиксов в словах *аттест-ат, экспон-ат; став-н(я), паш-н(я); наброс-ок, сгуст-ок* с объектно-результативным значением; *дешев-изн(а), крив-изн(а)* с семантикой отвлеченного признака и являются их единичными морфемами.

Количество и состав уникальных морфем в современном русском языке зависит также и от принципов установления отношений производности (мотивированности). Так, на выбор мотивирующего могут влиять такие факторы, как степень его формальной и (или) семантической близости мотивированному слову; синхронически-диахроническая характеристика слова; принадлежность его к активному или пассивному словарному запасу, его частотность, сфера употребления, стилистическая окраска. Например, вопрос об уникальном суффиксе в глаголе *всколочить* решается в зависимости от выбора мотивирующего слова — формально близкого *клочок* или *клок* ('поднять клоками (волосы, шерсть и т.п.), взлохматить, взъерошить' (Словарь русского языка., 1985—1988). При мотивации последним в глаголе наряду с префиксом выделяется уникальный суффикс *-очи(ть)* в составе форманта. Уникальные суффиксы в словах *годовальи́й, новичок* выделяются в том случае, если признавать синхронически мотивирующими соответственно не областной просторечный глагол *годовать* и устаревшее существительное *новик*, а существительное *год* (суф. *-овал(ый)*) и прилагательное *новый* (суф. *-ичок*). Статус выделенного аффикса (уникальный или не-уникальный) в определенном слове зависит от членимости соотносительных с ним слов и от позиции последних в лексической системе языка — центр или периферия (устаревшая, необщепотребительная, просторечная лексика). Так, в существительном *архивариус* суффикс *-ариус* можно признать уникальным, если не учитывать устаревшее *сценариус* ('помощник режиссера в театре, ведущий спектакль и наблюдающий за выходом актеров на сцену') с аналогичным суффиксом; в существительном *злыдень* суффикс *-ыдень* будет уникальным, если не учитывать областное *злыдня* ('о злой, жестокой судьбе, участи, нужде, бедности', 'козни') с формально тождественным суффиксом.

Появление уникальных морфем в словах современного русского языка связано с различными историческими процессами и происходит разными путями. В исконных словах уникальные части восходят к неуникальным аффиксальным (*выкрут-ас-ы*, *дуб-рав-а*, *свекр-овь*) или корневым (*колч-е-ног-ий*, *стекл-ярус*, *чу-маз-ый*, *ши-ворот*) морфемам.

Появлению уникальных морфем способствует архаизация или опрощение одноструктурных образований с регулярными морфемами, а также архаизация исторических производящих: ср. *выкрут-ас-ы* и устар. *закрутасы*, *дубасить*; *свекр-овь* и *морковь*, *церковь*; *чу-мазый* и диал. *чуфыскать*, *чупрыснуть*, *колч-е-ног-ий* и устар. *колча* ‘хромой’ [Рацибурская 1998]. При этом может измениться позиционный статус морфемы: в слове *стеклярус* уникальный суффикс первоначально был корнем слова *ярус* ‘ряд, полоса, веревка с крючками’ [Шанский 1968], а в слове *шиворот* уникальный префикс *ши-* восходит к корню устаревшего слова *шивь* со значением ‘шея’ [Шанский 1975].

Уникальные аффиксы могут возникать в результате процессов переразложения и декорреляции. Так, в результате переразложения сформировались уникальные суффиксы в словах *дубрава*, *мелюзга*, которые первоначально были образованы от устаревших *джбрь* ‘лес’ и *мълюзь* ‘мелочь’ [Шанский 1975], а в настоящее время мотивируются соответственно существительным *дуб* и прилагательным *мелкий*. В результате переразложения возник уникальный префикс в слове *зако-улок*, исторически образованном от устаревшего *коулок*, *улок*, а в настоящее время мотивированном словом *улица* [Шанский 1968].

Уникальный аффикс может быть результатом фонетических процессов, а также морфемизации части корня или незначимого звукового отрезка. Так, *четверг* с уникальным суффиксом явилось переоформлением древнерусского *четвъртъкъ* — *четвърть* ‘четвертый’ (*ртък* > *ртік* > *рк* > *рг*) [Черных 1993]. Наречие *во-свояси* с единичным суффиксом образовалось на базе древнерусских словосочетаний *въ своя вѣси* ‘в свои деревни, домой’ [Шанский 1994] или *во своя си* ‘к себе’ [Черных 1993].

В заимствованных словах «границы и морфемный статус уникальной части в современном русском языке могут как со-

впадать, так и не совпадать с границами и статусом соответствующего отрезка слова-прототипа» [Рабибурская 1998: 72]. Так, аффиксальный характер в языке-доноре имеют уникальный префикс в слове *мез-альянс* (ср. французское *mésalliance* с префиксальной частью *més-*, синонимичной префиксу *ne-*) и уникальный суффикс в слове *клей-стер* (ср. немецкое *Kleister* с суффиксом *-ster*) [Черных 1993]. В то же время уникальный аффикс в современном русском языке может иметь корневую природу в языке-источнике: ср.: *патрон-таш*, где уникальный суффикс имеет значение 'вместилище', и немецкое сложное слово *Patrontasche*, где *Tasche* 'сумка, карман' [Шанский 1968]; *почтамт* с уникальным суффиксом *-амт* и немецкое сложное слово *Postamt*, где *Amt* 'служба' [Черных 1993]. «Подобные уникальные аффиксы возникают в связи с тем, что данные заимствования в системе русского языка вступают в иные словообразовательные мотивационные отношения — со словами, заимствованными ранее, и, возможно, из других языков: *патрон* (заимствовано в Петровскую эпоху из французского языка), *почта* (заимствовано в XVI в. из польского языка или в XVII в. из немецкого языка)», по разным источникам [Рабибурская 1998: 80]. В слове *планшет*, заимствованном из французского языка в XIX в., на синхронном уровне выделяется уникальный суффиксальный отрезок *-шет-*, который объединяет часть корня и суффикс слова-источника, ср.: *planchette* ← *planche* ('доска').

В настоящее время в современном русском языке можно отметить около 255 уникальных аффиксов (из них примерно 230 уникальных суффиксов и 25 уникальных префиксов) и примерно 50 уникальных корней, если выделять их в этимологически сложных словах типа *колч-е-ног-ий* [Рабибурская 2009].

С понятием регулярности / нерегулярности ученые связывают понятие продуктивности / непродуктивности: продуктивные аффиксы являются регулярными. В то же время регулярность, повторяемость аффикса не обязательно означает его продуктивность. Регулярные аффиксы бывают продуктивными и непродуктивными; ср. суффиксы с семантикой абстрактного признака: продуктивный *-ость* (*верность, смелость*) и непродуктивный *-от(а)* (*доброта, красота, темнота*), с семантикой отвлечен-

ного действия: продуктивный *-к(а)* (*стирка, уборка*) и непродуктивный *-б(а)* (*борьба, дружба*). Что касается нерегулярных, неповторяющихся аффиксов, то, как правило, они являются непродуктивными. Но в процессе развития языка некоторые единичные части слов могут стать продуктивными аффиксами.

«На базе некоторых уникальных элементов языка формируются полноценные морфемы» [Тихонов 2002: 42]. «...Показательна в этом плане история элемента *-дром*, который с расширением в русском языке круга дериватов с ним: *вододром, танкодром, мелодром, латшедром* и др., — становится аффиксом» [Николина 2001: 54; Земская 1973; Тихонов 2002]; «На наших глазах превращается в полноценную морфему еще один словообразовательный элемент *-иад(а)*, ср.: *олимпиада, спартакиада, универсиада, альтиниада* и др.» [Тихонов 2002: 42]. Продуктивным в последнее время становится суффикс английского происхождения *-гейт* со значением ‘политический скандал’, ср.: *Уотергейт* и *Моникагейт, Ирангейт, Алтайгейт, Киргизгейт* в современных медийных текстах.

Вопрос о нерегулярных, уникальных морфемах по-прежнему остается в современной лингвистике одним из самых дискуссионных вопросов, решение которого зависит от ряда факторов: критериев морфемного статуса частей слов (повторяемость / неповторяемость), принципов отождествления морфов, принципов выделения морфем, учета периферийных слоев лексики при членении слов и др.

4.6. Виды морфем (аффиксов) по материальной выраженности / невыраженности. Материально выраженные и нулевые морфемы

В зависимости от характера плана выражения различаются **материально выраженные** и **нулевые морфемы**. Эта характеристика относится к аффиксальным морфемам. Материально выраженные аффиксы представлены одной или несколькими фонемами. «Понятие нулевого аффикса опирается на понятие парадигмы — системы форм одного слова или системы одноструктурных образований» [Николина 2005: 25]: «Нулевой

знак — это отсутствие аффикса в одной форме парадигмы при наличии аффиксов в других формах той же парадигмы» [Реформатский 1996: 270].

Термин «нулевая морфема» был предложен И.А. Бодуэном де Куртене, который обозначал этим термином морфемы, не имеющие произносительного состава, но тем не менее ассоциируемые с морфологическими представлениями. Нулевые окончания впервые были отмечены Ф.Ф. Фортунатовым, который назвал их «отрицательной формальной принадлежностью» [Фортунатов 1956: 34]. Таким образом, нулевые аффиксы в слове выделяются на основе сопоставления данного слова с другими формами того же слова или с одноструктурными образованиями.

Выделяют нулевые словоизменятельные, формообразующие и словообразовательные аффиксы.

Нулевые словоизменятельные аффиксы (флексии) выделяются в данной словоформе по аналогии с тождественными формами других слов (ср. *дом* и *стена* в им. п. ед. ч.) и / или с другими формами того же слова (ср. *дом* и *дома*), где соответствующее (однородное или тождественное) значение формально выражено. Нулевые флексии выделяются в формах существительных именительного (винительного) падежа единственного числа мужского рода 2-го склонения (*стол*, *конь*), женского рода 3-го склонения (*дочь*, *тень*), родительного падежа множественного числа (*свиней*, *гор*, *дел*), прилагательных с притяжательным суффиксом *-ий* (*лисий*, *волчий*), кратких прилагательных мужского рода единственного числа (*весел*, *красив*), глаголов мужского рода прошедшего времени изъявительного наклонения и сослагательного наклонения (*читал*, *писал бы*), глаголов в форме 2-го лица единственного числа повелительного наклонения (*брось*, *читай*), числительных именительного (винительного) падежа (*пять*, *восемь*) и в некоторых других формах. Нулевыми могут быть и формообразующие суффиксы, которые выделяются на тех же основаниях, что и словоизменятельные аффиксы: ср. *нёс* и *вёл*, *несла*; *брось* и *пиши*.

Основанием для выявления слов с нулевыми словообразовательными аффиксами является значение соответствующих слов: «в их значении должен быть семантический компонент,

который обычно в данном языке выражается с помощью деривационных аффиксов», «т.е. фоном для выделения слов с нулевыми аффиксами должны быть слова с ненулевыми аффиксами, имеющими то же значение, которое мы приписываем нулевому» [Земская 1973: 38]: ср. *генераль-ш(а)* и *супруг-ø(а)* с семантикой женскости; *син-ев(а)* и *синь-ø(ø)* с семантикой отвлеченного признака, *ходь(б)(а)* и *ход-ø(ø)* с семантикой отвлеченного действия, *желез-н(ый)* и *золот-ø(ой)* с семантикой признака (по материалу). Нулевой словообразовательный аффикс выделяется только в производных словах: существительных со значением женскости (*кума, супруга*), отвлеченного признака (*глушь, синь, интим*), действия (*бег, выборы, дрожь*), количества (*треть, четверть*), лица по характерному действию или признаку (*задира, рева, интеллектуюал*), предмета, производящего действие или предназначенного для его выполнения (*покров, насос*), объекта или результата действия (*посол, вар, шов, рассада, счеты*), предмета по характерному признаку (*криминал, мемориал, толща*), отсубстантивных относительных (*золотой*) и притяжательных (*отчий*) прилагательных, отглагольных прилагательных (*проезжий*), порядковых числительных (*пятый, тридцатый*). Нулевой словообразовательный аффикс может присоединяться к основе исходного слова вместе с материально выраженными аффиксами (*седой* → ***про-сечь-ø***), а также при образовании сложных слов (*большой рот* → *больш-е-рот-ø-ый*).

Нулевые суффиксы выделяются многими исследователями, признающими нулевые морфемы, тогда как нулевых префиксов, по мнению большинства исследователей, в русском языке не существует.

Наличие нулевых морфем — результат развития системы языка в предшествующий период. Существительные мужского рода типа *волк, конь, сын, гость*, женского рода типа *степь, ночь* имели фонетически выраженные окончания до завершения процесса падения редуцированных гласных в русском языке. В результате все существительные, в которых падежные окончания выражались редуцированными гласными, утратили материаль-

ное выражение окончаний (по мнению одних специалистов) или утратили окончание (по мнению других).

В современной лингвистике вопрос о нулевых морфемах не решается однозначно. Существует давняя традиция выделять подобные морфемы. Она идет от И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатова, Г.О. Винокура. Нулевые морфемы выделяют Е.А. Земская, В.В. Лопатин, А.Н. Тихонов, И.С. Улуханов, Н.М. Шанский и другие исследователи. В то же время ученые, выступающие против нулевых морфем, считают, что признание последних противоречит знаковой сущности морфемы, представлению о последней как о единстве формы и значения: «Признание нулевых морфем идет вразрез с общепринятым пониманием морфемы как языковой единицы, характеризующейся общностью формы и содержания, материального выражения и значения» [Немченко 1984: 35].

4.7. Виды морфем (аффиксов) по стилистической окраске

По характеру стилистической окраски морфемы делятся на нейтральные и стилистически окрашенные.

Нейтральные морфемы — это стилистически не маркированные морфемы, к которым относятся префиксы (*запеть*, *написать*, *вбежать*, *некрасивый*, *пригород*), суффиксы (*переводчик*, *писатель*, *городской*, *медный*, *белить*, *темнеть*), постфиксы (*кто-нибудь*, *что-то*, *мыться*).

К стилистически окрашенным морфемам ученые относят, «во-первых, морфемы, закрепленные за определенным стилем языка, во-вторых, морфемы, обладающие той или иной эмоционально-оценочной стилистической окраской (высокой, сниженной, пренебрежительной и др.)» [Николина 2005: 28].

К морфемам, употребляющимся преимущественно в книжных стилях, относятся префиксы *воз-* (*вос-*), *низ-* (*нис-*), *анти-*, *де-* (*дез-*), *пост-*, *про-*, *псевдо-*, *экс-* и др. (*воздвигнуть*, *восходить*, *низвергнуть*, *антинародный*, *демилитаризация*, *дезинтеграция*, *постсоветский*, *прозападный*, *псевдоученный*,

экс-герцог), суффиксы *-изм*, *-(из)аци(я)*, *-инг* (*идеализм*, *национализация*, *интеграция*, *тренинг*). Чаще книжным характером обладают заимствованные аффиксы. Часть книжных аффиксов имеет высокую эмоционально-оценочную окраску (*возвести*, *низвести* и др.).

Стилистически сниженную окраску имеют аффиксы, образующие слова, характерные для разговорной речи, просторечия, жаргонов. К таким аффиксам относятся обычно модификационные суффиксы: *-н(я)* с собирательным значением (*ребятня*, *солдатня*), *-ущ(ий)*, *-енн(ый)* с размерно-оценочной семантикой (*здоровущий*, *страшенный*), суффиксы стилистической модификации *-к(а)*, *-ик*, *-ан*, *-ецк(ий)* (*табуретка*, *ножик*, *братан*, *простецкий*). К экспрессивным, эмоционально-оценочным относятся, например, модификационные уменьшительно-ласкательные суффиксы (*домик*, *стульчик*, *реченька*, *беленький*), уничижительные суффиксы, суффиксы с пейоративной оценкой (*старушонка*, *тетка*). Наряду с именами существительными и прилагательными глаголы также обладают развитой системой префиксов и суффиксов «для выражения различных оттенков экспрессивного и интенсивного проявления процесса» [Тихонов 2002: 52]: *выстрадать*, *настрадаться*, *закормить*, *обкормить*, *сказануть*.

Стилистически сниженными и эмоционально-оценочными могут быть и мутационные суффиксы: *-к(а)*, *-щин(а)*, *-ух(а)*, *-уг(а)*, *-л(а)*, *-он*, *-няк*, *-и(ть)* и др. (*читалка*, *социалка*, *дедовщина*, *чернуха*, *шоферюга*, *водила*, *выпивон*, *неуставняк*, *ксерить*, *пошлить*, *истерить*). Стилистически сниженные аффиксы, как правило, имеют исконный характер, но могут быть и заимствованными (*старушенция*, *ерундистика*). В связи с общим снижением уровня культуры речи, жаргонизацией и вульгаризацией речи в современном российском обществе возрастает продуктивность стилистически сниженных аффиксов на рубеже XX—XXI вв.

Вместе с тем экспрессивно-стилистические свойства морфем широко используются в художественной речи (см. раздел «Актуализация морфемной структуры слова в художественной речи»).

4.8. Виды морфем (аффиксов) по происхождению

По происхождению морфемы делятся на исконные и заимствованные. Словоизменительные и формообразующие аффиксы по преимуществу являются исконными. Исследователи объясняют это тем, что грамматические значения и средства их выражения определяют специфику каждого языка, «поэтому отсутствие заимствований обеспечивает сохранение специфики языка» [Филиппова 2009: 55]. К заимствованным грамматическим аффиксам иногда относят суффиксы старославянского происхождения в действительных причастиях настоящего времени (*читающий, бегущий, лежащий, стоящий*).

Словообразовательные аффиксы могут быть исконными и заимствованными. К исконным относятся префиксы *в-, пере-, под-, от-, не-, рас-* и др. (*вливать, перелить, подлить, немного, расчудесный*), суффиксы *-тель, -щик, -ни[j](e), -ник, -ов(ый), -н(ый), -ива(ть)* и др. (*читатель, гонщик, пени[j]е, цветник, грошовый, потный, увиливать*), постфиксы.

Заимствованный характер имеют многие словообразовательные аффиксы. Особое место среди них занимают словообразовательные префиксы и суффиксы старославянского происхождения: *воз-, из-, низ-, пре-, раз-, чрез-* и др. (*возводит, изложить, низвергать, предать, разбить, чрезмерный*); *-зь, -ств(а), -стви(е), -ств(о), -ын(я)* (*жизнь, жертва, странстви[j]е, рождество, святня*).

Заимствованные аффиксы «не только четко выделяются в составе слов, перешедших в русский из других языков, но и создают новые слова на базе русских производящих основ, т.е. становятся активными словообразовательными средствами русского языка» [Тихонов 2002: 30]. На рубеже XX–XXI вв. особую активность в словообразовательных процессах проявляют префиксы греко-латинского происхождения: *анти-, контр-, де- (дез-)* с семантикой противоположности, отрицания (*антирыночный, контрмеры, деидеологизация, дезинтеграция*); *гипер-, супер-, мега-* с размерно-оценочным значением (*гиперактивный, суперсовременный, мегахолдинг*); *про-* с семой ‘в интересах кого-, чего-либо’ (*пропрезидентский, прозападный*); *пост-* с вре-

менной семантикой (**постсоветский**, **постмодернизм**), **псевдо-**, **квази-** со значением неистинности, ложности (**псевдодокументальный**, **квазисоциалистический**); **экс-** с семой 'бывший' (**экс-президент**, **экс-мэр**) и др.

Среди заимствованных суффиксов продуктивность в настоящее время проявляют суффиксы латинского происхождения **-изм**, **-(из)аци(я)** с семантикой отвлеченного состояния, общественно-политического направления (**терроризм**, **компьютеризация**, «**западнизация**»), **-ист**, **-ант (-ент)** со значением лица (**визажист**, **вручант**), **-аж** французского происхождения с семантикой отвлеченного действия и его результата (**зондаж**, **татуаж**), **-(из)ирова(ть)**, где часть **-изир-** восходит к немецкому глагольному суффиксу (**компьютеризировать**). К заимствованиям последнего времени относятся суффиксы английского происхождения **-инг** с семантикой отвлеченного действия, состояния (**тренинг**, **банкинг**), **-гейт** со значением 'политический скандал' (**Ирангейт**).

Заимствованный характер имеют многие префиксоиды (**авиа-**, **авто-**, **био-**, **гео-**, **евро-**, **микро-**, **мини-**, **макро-**, **нано-**, **теле-**, **фото-** и др.) и суффиксоиды (**-лог**, **-ман**, **-фил**, **-фоб** и др.) греко-латинского происхождения, которые также проявляют словообразовательную активность в последние десятилетия: **авиакомпания**, **автосалон**, **биокоррекция**, **евростандарт**, **макроиндустрия**, **микромир**, **мини-рулетты**, **нанотехнологии**, **телекомпания**, **фотошоп**, **политолог**, **игроман**, **американофил**, **исламофоб**.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Укажите параметры классификации морфем в современной лингвистике.
2. Чем различаются корневые и аффиксальные морфемы?
3. Каковы критерии выделения связанных корней?
4. Каковы критерии выделения аффиксоидов?
5. Какое влияние оказывает на признаки и функции аффиксов их позиция в слове по отношению к корню?

6. Приведите примеры разных по семантике аффиксов (мутационные, модификационные, транспозиционные).

7. В чем специфика флексий по сравнению с другими видами аффиксов?

8. Укажите принципиальные различия словообразовательных и грамматических аффиксов. Охарактеризуйте спорные (переходные) случаи.

9. В чем состоит различие грамматических аффиксов (формообразующих, словоизменяющих, основообразующих)?

10. Охарактеризуйте продуктивные и непродуктивные аффиксы. Приведите примеры продуктивных аффиксов из текстов современных СМИ. Какие факторы способствуют повышению продуктивности аффиксов?

11. Охарактеризуйте регулярные и нерегулярные аффиксы. Как соотносятся понятия продуктивности / непродуктивности и регулярности / нерегулярности?

12. Каково происхождение уникальных морфем?

13. В чем состоит проблема выделения уникальных корней и аффиксов?

14. На каком основании выделяются нулевые морфемы в системе языка?

15. Как различаются аффиксы по стилистической окраске и происхождению?

4.9. Вопрос об асемантических частях слова

К асемантическим частям слов в научной литературе относят интерфиксы, субморфы, тематические гласные глаголов.

Под интерфиксами (лат. *inter* 'между' и *fixus* 'прикрепленный') традиционно понимаются элементы, соединяющие основы при сложении: *лесостепь*, *землетрясение*, *пятибальный*, *трехлетний*, *двухкомнатный*, *умалишенный*, *потусторонний*. Термин **интерфикс** принадлежит А.М. Сухотину.

Соединительные элементы *О, Е* следует отличать от наречных суффиксов **-о, -е** в сложных словах (*вечнозеленый, вышеуказанный*), а также от конечных **о, е** препозитивных корневых частей слов иноязычного характера или префиксоидов *автопробег, евроремонт, кинотеатр, телестудия*). Соединительные элементы *О, Е* возникли из древних тематических суффиксов, а элементы *-а-, -и-, -у-, -ух-, -ех-* и др. сформировались на месте флексийных морфем.

Подобные элементы впервые были выделены в XX в., одним из первых на них обратил внимание Н.С. Трубецкой, отметивший в структуре слова наличие особых соединительных элементов, которые сами по себе незначимы.

В настоящее время одни исследователи считают подобные соединительные элементы незначимыми частями в структуре слова, поскольку они не влияют на лексическое значение слова и часто объясняются фонетическими причинами (Е.А. Земская, В.Б. Касевич, В.А. Плунгян, В.Н. Немченко), ср. *сер-о-содержащий* и *мелсодержащий*; *Волг-о-град* и *Калининград*.

Другие ученые считают подобные элементы значимыми частями слова, особыми морфемами, словообразовательная семантика которых сводится к «идее соединения» составляющих сложную основу простых слов [Шанский 1958: 31]. Таким образом, специфическая морфема-интерфикс является носителем соединительного значения, имеющего синтаксический характер: интерфиксы «указывают на связь основ в структуре цельнооформленного сложного слова» [Лопатин 1975: 35–36] и выступают тем самым как аналог различных средств выражения синтаксических отношений в словосочетании и предложении. Интерфикс как структурный элемент сложных слов выполняет соединительную функцию, а также функцию релятивную (функцию установления отношений между компонентами сложения) «и имеет, таким образом, статус морфемы, наделенной максимально абстрактным значением» [Николина 2005: 23].

Некоторые исследователи, в частности Е.А. Земская, А.Н. Тихонов [Земская 1964; Земская 1973; Тихонов 1985] и др., относят к интерфиксам также межморфемные асемантические прокладки, структуры (термин А.Н. Тихонова) в простых производных

словах: *кофейный*, *отцовский*, *ялтинский*, *киношный* и др. По своему происхождению большинство подобных интерфиксов восходит к словообразовательным (*отцовский*, *пензенский*, *ялтинский*, *ленточный*) или грамматическим (*кормилец*, *битва*) суффиксам или окончаниям (*дважды*, *трижды*, *четырежды*) или имеет чисто фонетическое происхождение (*шоссейный*) [Немченко 1994: 113].

Подобные элементы по-разному квалифицируются учеными с точки зрения их морфемного статуса. Некоторые исследователи признают часть их морфемами, считая, что членение слова должно быть максимально дробным: «...для морфемного анализа, как известно, существенно <...> расчлнить слова на мельчайшие по форме значимые единицы. При таком членении важно лишь то, можно ли приписать вычленяемому отрезку некоторое значение» [Милославский 1980: 33]. В этом случае в словах типа *ялтинский*, *орловский*, *американский* «наиболее удобным решением будет рассмотрение *-ин-*, *-ов-*, *-ан-* в качестве суффиксов со значением “прилагательности”», ср.: *тополинный*, *ежовый*, *песчаный* [Милославский 1980: 29].

Другие ученые признают подобные элементы неморфемными отрезками: интерфиксация «состоит в том, что между двумя морфемами вставляется асемантическая (незначимая) прокладка, устраняющая сочетания фонем, запрещенные законами морфонологии или нетипичные для структуры русского слова <...>. Межморфемные прокладки, играющие в структуре слова чисто соединительную функцию, называются интерфиксами» [Земская 1973: 113]. По мнению Е.А. Земской, интерфиксы способствуют благозвучности речи, поскольку «устраняют скопление гласных (зияние) и согласных, иногда создают внутрисловную рифмовку» [Земская 2004: 63]. В таком случае интерфиксация — «морфонологическое явление, сопровождающее процесс образования производного слова» [Николина 2005: 23]: *кофе* → *кофейный*, *отец* → *отцовский* и др. Асемантичность подобных структурных элементов доказывается наличием производных слов с тождественным словообразовательным значением, содержащих данные элементы и не содержащих их: ср. *ялтинский* и *ленинградский* с семантикой отношения к тому, что названо мо-

тивирующим (производящим) словом [Земская 1973; Немченко 1994: 113–114]. Интерфиксы находятся между производящей основой и аффиксом, не имеют самостоятельного значения и выполняют структурную функцию. В современном русском языке интерфиксация наиболее распространена при суффиксальном словообразовании существительных и прилагательных. Выделение интерфиксов способствует упрощенному описанию словообразовательной системы, поскольку ведет к сокращению числа аффиксов.

Согласно третьей точке зрения, подобные асемантические элементы не выделяются как самостоятельные отрезки в структуре слова, а относятся к предшествующим или последующим морфемам, рассматриваются как неморфемные части других морфем (обычно аффиксов), образующие их морфы: *-ин(ый)*, *-ин(ый)* – морфы суффикса *-н(ый)*; *-овск(ий)*, *-инск(ий)* – морфы суффикса *-ск(ий)* [Русская грамматика: 1980]. Если асемантический элемент имеет менее регулярный характер, то он обычно (хотя и не всегда) относится к морфеме основы: ср. *нев-ец*, *буржуаз-н(ый)*, но *уф-имск(ий)*. Подобное решение в большей степени соответствует представлению о слове как о совокупности морфем, т.е. подходу к слову с точки зрения синтеза. «В современном языкознании есть мнение, согласно которому членение слова на значимые части нужно производить без остатка, следовательно, интерфиксы должны отойти или к производящей основе, или к словообразовательному суффиксу» [Мусатов 2010: 58].

В таком случае интерфиксы следует признать **субморфами** (лат. *sub* – ‘под’, греч. *morphē* – ‘форма’) – морфемоподобными отрезками в составе слова, по форме (формально) совпадающими с морфемами, но в отличие от последних не имеющими значения: «Субморфы тождественны морфемам данного языка, но только по форме. Значения в слове они не имеют» [Земская 1973: 81]. Термин «субморф» обозначает, таким образом, особую единицу плана выражения, которая проявляет сходство с морфемой с точки зрения выделяемости, участия в формально-структурной организации слова, проявления морфонологических процессов, но не обладает значением и поэтому не имеет статуса морфемы [Чурганова 1973; Лопатин 1977; Кубрякова 1977].

Субморфы по происхождению восходят к морфемам (*скрипка*, ср. *скрипеть*), а в современном русском языке выделяются путем сопоставления со словами, не содержащими данных компонентов: *скрипка* → *скрипач*, *бочка* → *бочар*, *утка* → *утенок*, *утиный*, *палец* → *беспальный*, *сердце* → *предсердие*, *улица* → *перулок*, *узкий* → *узость*, *широкий* → *ширина*.

Субморфы следует относить к соседним морфемам — корневым (как в рассмотренных выше случаях) или суффиксальным (*отц-овск(ий)*, *ялт-инск(ий)*, *кофе-йн(ый)*, *кино-шн(ый)*). Некоторые ученые в качестве субморфа выделяют не имеющий значения возвратности элемент *-ся / -сь* в глаголах, если последнее без него не употребляется в современном русском языке: *смеяться*, *улыбаться*, *касаться*. В таком случае данный субморф включается в состав корня, который имеет прерывистый характер [Немченко 1984, 1994:117].

К субморфам, по-видимому, следует отнести этимологические префиксы в словах *охота*, *смерть*, которые в настоящее время утратили значение и могут рассматриваться как часть корневых морфем. Некоторые ученые называют «префиксоподобные асемантические отрезки, которые восходят к реальным морфемам, утратившим в ходе исторического развития языка свое значение», **квазипрефиксами** [Николина 2005: 45].

К асемантическим компонентам слова в научной литературе нередко относятся так называемые **тематические гласные** *-а-*, *-и-*, *-е-* в составе непроезженных глаголов: *решать*, *летать*, *писать*, *любить*, *смотреть* и др.

Однако данные элементы функционально неоднородны. Часть их выражает определенные значения и тем самым является суффиксами; ср. *решать* — *решить* — видовая семантика, *летать* — *лететь* — указание на направленность движения (разнонаправленное / однонаправленное). Другая часть оформляет глагольные основы и указывает на отнесенность глагола к какому-либо классу: *писать*, *писал* — *пишет*; *любить*, *любил* — *любит*; *смотреть*, *смотрел* — *смотрит*. Учитывая эту функцию рассматриваемых глагольных элементов, некоторые ученые признают их основообразующими суффиксами (Докулил 1958: 142), тогда как в ряде работ подобные элементы относятся к

асемантическим структурным компонентам слова [Кубрякова 1974; Филиппова 2009] и включаются в основу или корень слова [Немченко 1994: 119].

Таким образом, вопрос об асемантических элементах в структуре слова остается одним из дискуссионных вопросов современной лингвистики; по-разному определяется состав асемантических элементов, по-разному трактуется их роль в составе слова.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Какие части слов называются интерфиксами? Как характеризуются интерфиксы с точки зрения их морфемного статуса в современной лингвистике?
2. Какие части слов называются субморфами?
3. Каким образом квалифицируются в современной лингвистике так называемые тематические гласные?

5. ОСНОВА СЛОВА. ВИДЫ ОСНОВ

В качестве особого элемента структуры слова выступает основа слова. «Основы изменяемых слов в формальном отношении равны корневым морфемам (*вод-а, земл-я, озер-о, бел-ый, син-ий*) или сочетаниям корневых и аффиксальных морфем (*перевозк-а, учительств-о, железобетонн-ый*). Основы неизменяемых слов по своему звуковому составу совпадают с соответствующими словами (*кино, шоссе, вчера, потом, или, около, увы*)» [Немченко 1984: 58].

Основа слова обладает определенными формальными и семантическими признаками. С точки зрения семантики основа обычно определяется как часть слова, которая выражает основное его значение, является семантическим ядром, способна выражать лексическое значение слова, а при наличии в составе основы формообразующих аффиксов — и грамматическое значение: ср. *весел-ый* и *веселейш-ий* (грамматическое значение превосходной степени прилагательного). Важнейшим формальным признаком основы является ее грамматическая, морфологическая неизменяемость, постоянство морфемного состава в рамках определенной парадигмы соответствующего слова, например: *весел-ый, весел-ого, весел-ому, весел-ый(-ого), весел-ым, о весел-ом*.

В фонематическом отношении одна и та же основа в разных словоформах может иметь разный фонемный состав: *мать — матер-и, окн-а — окон* (в косвенных падежах). В случаях полного фонемного несовпадения основ говорят о супплетивизме основ: ср. *человек* и *люд-и* (основы единственного и множественного числа), *плох-ой* и *худш-ий, хорош-ий* и *лучш-ий* (основы положительной и превосходной степени).

Поскольку основы являются значимыми частями слова, их иногда рассматривают в одном ряду с морфемами (И.А. Бодуэн де Куртенэ и др.). При этом по отношению к полиморфемным основам употребляется термин «производная морфема» [Винокур 1959: 440]. Некоторые языковеды не считают обязательным для морфемы такой признак, как неделимость на значимые части, т.е. понимают под морфемой любую часть слова, соотношенную с

определенным значением, в том числе и его основу, состоящую из разных морфем [Балалыкина, Николаев 1985; Михайлов 1989 и др.]. Такое «отождествление основы с морфемой противоречит общепринятым определениям данных понятий, в частности пониманию морфемы как минимальной, нечленимой далее значимой единицы языка» [Немченко 1984: 65].

Одноморфемные основы во всех случаях представлены корневыми морфемами. Основное различие между такими основами и морфемами состоит в том, что «одноморфемные основы всегда являются корневыми морфемами, в то время как корневые морфемы являются одноморфемными основами только при отсутствии в слове других морфем, в сочетании с которыми они могут выступать в качестве базы для образования новых слов или грамматических форм; в подобных случаях они представляют собой не основы, а лишь определенные части основ» [Немченко 1984: 65]; ср.: *весел-ый* и *веселейш-ий*, *весельчак* (основа как часть слова без словоизменятельных аффиксов — окончаний).

В современной лингвистике ставится и вопрос о взаимоотношении основы и слова. В ряде случаев основа формально совпадает со словом: *дом*, *хорош*, *нес* и под. «В тех случаях, когда слова употребляются без материально выраженных служебных морфем, они указывают на определенную грамматическую форму (род, число, падеж, время, лицо). Основа же как часть слова (словоформы) этим свойством не обладает. Основа слова, в отличие от слова, лишена грамматической, морфологической оформленности» [Немченко 1984: 66]; ср.: *золот-о* (существительное) и *золот-ой* (прилагательное). Кроме того, выражаемое основами «лексическое значение характеризуется известной неопределенностью, обобщенностью по сравнению с лексическим значением слова в целом» [Немченко 1984: 66], ср.: *кино* и *кино-театр*, *кино-прокат*, *кино-искусство*; *вчера* и *вчера-шний*, *ах* и *ах-ать*. Основа слова не выступает в качестве самостоятельной языковой единицы и встречается только в сочетании с другими основами и морфемами. Таким образом, основа слова отличается от слова прежде всего отсутствием грамматической оформленности и семантической законченности. В настоящее время при характеристике основы слова исследователи разли-

чают собственно основу слова (лексическую основу) и словоизменительную основу.

Собственно основой слова как лексемы считают «часть слова, остающуюся после отделения от словоформы всех грамматических морфем — окончаний и аффиксов. Такая основа является единственной во всей парадигме грамматических форм слова, объединяет все его формы в одной лексической единице как в формальном отношении (повторяется во всех без исключения грамматических формах данного слова), так и в семантическом (выражает лексическое значение (значения), сохраняющееся в любой из этих форм)» [Немченко 2008: 230–231]. Подобные основы называют **формообразовательными, формообразующими**: *броси-л* (форма прошедшего времени и сослагательного наклонения совершенного вида), *броси-вший* (действительное причастие прошедшего времени), *броси-в* (деепричастие прошедшего времени). Формообразующие основы выделяются в составе всех грамматически изменяемых слов, образующих несинтаксические грамматические формы, и могут различаться по своему фонемному составу: *высок-ий* — *выш-е* — *высоч-айш-ий*.

Основа как часть слова без окончания или суффикса инфинитива, включающая те или иные грамматические аффиксы, не является единственной в парадигме форм данной леммы: *броси-ть, бросил-ø, бросивш-ий, бросив*. Основы указанных форм при одинаковом лексическом значении выражают разные грамматические значения. Основы данного типа называются **словоизменительными**. Словоизменительные основы выделяются в составе всех слов, от которых образуются синтаксические грамматические формы.

Основы обоих типов, которые используются в грамматике для образования различных грамматических форм слов, часто называются **грамматическими**. На базе грамматических основ, через их посредство, осуществляется формообразование и словоизменение.

Итак, часть слова без словоизменительных аффиксов является словоизменительной основой; часть слова без формообразующих аффиксов является формообразующей основой. В таком случае часть производного слова без грамматических аф-

фиксов и словообразовательного форманта, с помощью которого образовано данное слово, выступает как **словообразовательная, производящая** основа [Немченко 2008: 232]. Следовательно, основа производного слова, содержащая словообразовательный формант (словообразовательные аффиксы) или не менее двух корней, является **производной** основой: *брос-ок, от-броси(ть), про-чита(ть), чт-еи, чита-тель, читатель-ниц(а), сам-о-вар-о*. Значение производной основы (слова) мотивировано значением исходной, производящей основы (слова): *читатель* — ‘тот, кто *читает*’, *читательница* — ‘женщина-*читатель*’.

«В формальном отношении словообразовательная (производящая) основа может быть определена как часть производного слова, общая с исходным, производящим словом, на базе которого непосредственно образовано или представляется образованным данное производное» [Немченко 1984: 63]. В семантическом отношении это часть производного слова, выражающая лексическое значение производящего слова, которым мотивируется значение соответствующего производного.

В качестве словообразовательных основ используются словоизменятельные, реже формообразовательные основы производящих, а также неизменяемые слова в целом: *вод-а* → *вод-н-ый*, *чит-а-ть* → *чит-к-а*, *кино* → *кино-театр*. Словообразовательные основы могут подвергаться фонематическим изменениям: *друг* → *друж-б-а*, *улиц-а* → *пере-ул-ок*. В составе одного производного может употребляться несколько словообразовательных основ: *сорок-а-лет-н-ий*, *сорок-а-дв-ух-лет-н-ий*.

По морфемному составу основы делятся на **членимые** и **нечленимые**. Формообразующие основы признаются членимыми, если содержат не менее двух корней или корень и не менее одного словообразовательного аффикса (*брос-ок, чт-еи, бел-е(ть), от-брос-и(ть), сам-о-вар*). Словоизменятельные основы считаются членимыми, если имеют в своем составе не менее двух корней или корень и хотя бы одну аффиксальную морфему — словообразовательную или грамматическую (формообразующую): *быстр-ее, нов-ейш(ий), пе-л, бел-е-виш(ий), бел-е-я, сам-о-вар*. Нечленимые основы состоят из одной корневой морфемы: *дом, быстр-ый, пе-ть*.

Членимые основы могут быть **производными** и **непроизводными** (словоизменительные основы без словообразовательных аффиксов). Нечленимые основы обычно являются непроизводными. Что касается случаев флексийного словообразования *ходить* → *ход*, *синий* → *синь* и подобных (при констатации нулевой суффиксации в подобных случаях основы производных слов являются членимыми), то, если вслед за В.Н. Немченко и другими учеными различать производность слов и основ, в подобных случаях слова *ход*, *синь* будут производными, а их словоизменительные (формообразующие) основы — непроизводными и нечленимыми [Немченко 1994: 147; Кубрякова 1974]. С другой стороны, «у многих глаголов основы являются производными, хотя они не образованы от основ других слов: они имеют в своем составе непроизводные основы и основообразующие суффиксы, выражающие обобщенно-лексическое, категориальное значение части речи»: *чит-а-ть*, *дел-а-ть*, *пис-а-ть* [Филиппова 2009: 62].

Непроизводные и производные основы, как отмечают исследователи, различаются несколькими характерными признаками. Непроизводные основы состоят из одного корня, относительно независимы и имеют немотивированное значение. Производные основы имеют, кроме корня, словообразовательные аффиксы, зависимы от производящей основы (непроизводной или производной), имеют мотивированное значение, которое формируется на базе значений корня (корней) и словообразовательного аффикса (аффиксов). Таким образом, непроизводная основа — это нечленимая основа, формально совпадающая с корнем и самостоятельная по семантике. Производная основа — это членимая основа, формально и семантически связанная с производящей основой.

Среди членимых основ исследователи различают компактные и прерывистые основы, внутри которых находятся словоизменительные морфемы: *кт-о-то*, *одевал-а-сь* [Немченко 2008: 233].

По количеству корней членимые основы дифференцируются на простые и сложные: *лес-ник* и *лес-о-степь*. Нечленимые основы могут быть только простыми.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как соотносятся понятия «основа (слова)» и «слово», «морфема»?

2. Проиллюстрируйте примерами разные виды основ (словоизменяемая, формообразующая, словообразовательная).

3. Как соотносятся понятия «членимость» и «производность» основ?

4. Определите типы основ в словоформах *забыть, забвение, улыбаются, смеясь, реконструкция, реконструируют, черно-белый, чайхана*.

6. ЧЛЕНИМОСТЬ ОСНОВЫ (СЛОВА). СТЕПЕНИ ЧЛЕНИМОСТИ ОСНОВ

Под членимостью лингвисты понимают и членимость слова, и членимость основы слова. Но, по мнению некоторых ученых, термин «членимость» целесообразно использовать только по отношению к основе слова, «так как слова типа *вод(а)*, *бел(ый)*, *ид(у)*, содержащие одноморфемную основу + морфему-флексии, при этом обычно называют нечленимыми. Таким образом, слово с нечленимой основой называют нечленимым словом, слово с членимой основой — членимым словом...» [Земская 1973: 45].

Обычно членимыми называются основы, имеющие в своем составе более одной морфемы: *трактор-ист*, *под-свеч-ник*, *город-ск-ой*, *красив-ейш-ий*, *ид-ущ-ий*, *по-бел-и-ть*, *лес-о-степь* и др. Нечленимыми являются основы, состоящие из одной морфемы, не способные делиться на значимые части: *город*, *красив-ый*, *ид-ти*, *пе-ть*.

Все многообразие подходов к членению слов (основ) на морфемы можно свести к двум основным. Достаточно обоснованным и широко признанным является такой подход, при котором морфемное членение слова осуществляется с учетом словообразовательных отношений данного слова, опирается на установление словообразовательных связей данного слова с другими словами. Подобный подход получил обоснование в середине XX в. в работах Г.О. Винокура: «Вопрос о том, есть в данном слове то отношение, которое характеризует производную основу в отличие от непроизводной и, следовательно, выделяются в этой основе какие-нибудь аффиксы или нет, должен и может решаться исключительно установлением отношений между значениями слов в наличной языковой традиции...» [Винокур 1959: 423]. Согласно концепции Г.О. Винокура, «*рамка* членится на *рам-ка* не просто потому, что для первой части находим тождество в словах *рама*, *подрамник*, *обрамление* и т.д., а для второй — в словах *ручка*, *ножка*, *шейка* и т.д., а потому что *рам* в слове *рамка* значит то же самое, что *рам* в прочих словах этого рода, и что слово

рамка представляет собой известную модификацию значения, каким обладает слово *рама*. При этом это точно такая же модификация, которую находим в словах *ручка, ножка, шейка* в их отношении к словам *рука, нога, шея*» [Винокур 1959: 423–424].

Таким образом, членимость слова (основы) Г.О. Винокур рассматривает в связи с его производностью. В соответствии с предложенным Н.М. Шанским «принципом матрешки», восходящим к учению Г.О. Винокура, «слово должно члениться «с конца», выделение морфем в производной основе проводится последовательно с учетом связей и соотношений слов, прямо и непосредственно связанных друг с другом как родственные, мотивирующие и мотивированные лексические единицы» [Шанский 1993: 39]. Так, основа слова *любительница* членится следующим образом: «*любительница* — ‘любителъ женскаго пола’ (выделяется суффикс *-ниц-*), *любитель* — ‘человек, который любит заниматься чем-л.’ (выделяется суффикс *-тель-*), *любить* — инфинитив, рядом с которым наблюдаются формы *любил, любилъ* (выделяется инфинитивное *-ть*), слова *любовь, книголюб* и т.д. (выделяется суффикс *-и-* и корень *люб-*)» [Шанский 1993: 39]. «Тем самым корень в многоморфемном слове выделяется на заключительном этапе разбора слова по составу, а сам этот разбор выступает как определение процесса производства слова, как он представляется с точки зрения системы современного языка и отражающего ее нашего языкового сознания» [Шанский 1993: 39].

В работах В.В. Лопатина, И.С. Улуханова [Лопатин 1977; Русская грамматика 1980, I] и других современных исследователей [Николина 1985] делается акцент на установлении направления словообразовательной производности, мотивированности при членении слова: «...только установив мотивационные отношения в парах слова *банальный — банальщина, скрипка — скрипач* и т.п. (с одинаковым количеством вычленяемых отрезков) и поставив эти слова в соответствующий словообразовательный ряд, мы можем установить суффиксальный (морфемный) статус отрезков *-щин(а), -ач* в *банальщина, скрипач* и несуффиксальный, неморфемный — отрезков *-н-, -к-* в *банальный, скрипка* (слова эти — немотивированные)» [Лопатин 1977: 27]. Таким образом, установить морфемный статус вычленяемых отрезков можно

лишь путем словообразовательного анализа: «Установление точного морфемного состава представляется <...> невозможным без предварительного словообразовательного анализа. Только применение словообразовательного анализа дает возможность четко определить границы морфем в слове» [Максимов 1977: 44].

Иной подход к морфемному членению слова ориентирован на структурную соотносительность слов, на наличие в других словах частей, формально и семантически тождественных тем, которые выделяются в данном слове. Основным критерием выделения морфем в этом случае является факт наличия данной морфемы в близких по структуре или родственных словах (В.С. Гимпелевич, М.Я. Гловинская, В.З. Демьянков, М. Докулил, О.П. Ермакова, Т.Ф. Ефремова, Е.А. Земская, Н.А. Крылов, А.И. Кузнецова, И.Г. Милославский, З.А. Потиха, А.А. Реформатский, А.Н. Тихонов и др.).

Одной из первых развела понятия членимости и производности Е.А. Земская, хотя практически это было сделано еще в работах А.И. Смирницкого, М.В. Панова, Н.А. Янко-Триницкой: «Понятие членимости применимо ко всем словам, хотя бы одна часть которых повторяется с тем же значением и в других словах языка <...> Понятие производности охватывает более узкий круг слов. Далеко не все членимые слова являются производными» [Земская 1975, 143, 1: 146].

По мнению одних представителей подобного сопоставительного подхода членимость слова (основы) возможна только при условии его двойного сопоставления: со словами с тождественным корнем и со словами с тождественным аффиксом (Н.В. Крушевский, Ф.Ф. Фортунатов, А.М. Пешковский).

Согласно Е.А. Земской, использующей принцип анализа по вертикальному и горизонтальному рядам, в слове *разброска* «выделяются следующие части: 1) приставка *раз-* (ср.: *рас-кладка*, *раз-носка*); 2) корень *-брос-* (ср.: *от-брос-ы*, *под-брос-ить*, *под-брос-ка*); 3) суффикс *-к-* (ср.: *подгон-к-а*, *разбор-к-а*, *развес-к-а*); 4) окончание именительного падежа единственного числа (ср.: *вод-а*, *ног-а*, *убор-к-а*)» [Земская 1973: 13]. Таким образом, корень выделяется по вертикальному ряду на фоне однокоренных

слов, а аффиксы — по горизонтальному ряду слов с тождественными аффиксами. Слова, входящие в двойной ряд сопоставлений — слов с той же основой и слов с тем же аффиксом, образуют, по Дж. Гринбергу, словообразовательный квадрат: *eating* ‘принятие пищи’: *sleeping* ‘процесс сна’: *eats* ‘ест’: *sleeps* ‘спит’ [Гринберг 1963: 87],

ср.: *храбрец* — *наглец*

храбрость — *наглость*.

По мнению других ученых, «для членения основы вообще достаточно, чтобы она входила в один соотносительный ряд» [Смирницкий, 1948: 24] — вертикальный или горизонтальный.

При членении основ слов на основании аналогии с одноструктурными образованиями не исключена возможность субъективного подхода к определению семантики выделяемых частей и, как следствие, механического, чисто формального членения слова: «простое сопоставление вычлняющихся в словах отрезков, несущих какой-либо смысл, без применения словообразовательного анализа (без учета их словообразовательного значения) может дать лишь приблизительное, недостаточно определенное и тем самым — неполное представление о значении этих отрезков» [Лопатин 1977: 29].

При таком сопоставлении результаты морфемного и словообразовательного видов анализа могут не совпадать. Так, И.Г. Милославский в слове *беготня* при морфемном анализе выделяет два суффикса (*бег / от / н / я*, ср.: *рв / от / а*, *маз / н / я*), а при словообразовательном — только один (*бег / отн / я*, ср.: *бегать*). Для И.Г. Милославского при морфемном анализе «существенно установить не связи между существующими в языке словами, а расчленить слова на мельчайшие по форме значимые единицы. При таком членении важно лишь то, можно ли приписать вычлняемому отрезку некоторое значение. При этом несущественно, выступает ли данный отрезок в пределах данного словообразовательного гнезда или нет» [Милославский 1980: 33]. При морфемном анализе ученый предлагает делить *«песч / ин / к / а, пыл / ин / к / а, снеж / ин / к / а, дожд / ин / к / а* таким же образом, как *льд / ин / к / а*, ничуть не смущаясь тем, что в русском языке есть слово *льдина* и нет слова *песчина*,

пылина, снежина, дождина» [Милославский 1980: 33]. Таким образом, главное — выделить в слове мельчайшие по форме части, установление семантики которых оказывается по сути уже чем-то вторичным и нередко сводится к искусственному приписыванию формальному отрезку того или иного значения.

Чтобы избежать искусственного, чисто формального выделения аффиксов при сопоставительном подходе, некоторые исследователи предлагают семантический критерий аффиксального статуса вычленяемого отрезка: членимые слова «должны обладать единством достаточно специфического значения, присущего только им и тем самым отличающего их от слов иной семантики, формально сходных с данными» [Крысин 1972, 1975: 229]; «необходимо, чтобы значение приписываемое тому или иному формальному элементу, было достаточно определенным — во всяком случае, более узким, нежели значение части речи» [Улуханов 1977: 103]. Так, например, в словах *малина, смородина* ряд исследователей выделяет суффикс *-ин(а)* со значением ягоды; в словах *футбол, волейбол, баскетбол* и под., обозначающих спортивные игры с мячом, общее в значении этих слов связывается с элементом *-бол* (англ. *ball* ‘мяч’), который, таким образом, выступает как морфема [Гимпелевич 1972, 1975: 193—194].

Разные подходы к членению слова (основы) связаны, таким образом, с разными критериями морфемного статуса выделяемых в структуре слова отрезков, с различными способами определения семантики морфем, а также с отсутствием жестких границ между синхронией и диахронией в словообразовании и морфемике.

Членимость основы может меняться в процессе развития и функционирования языка. В связи с этим в определенный исторический период в языке могут сосуществовать как слова с отчетливо членимыми основами, так и слова с ослабленной членимостью основ, слова, утрачивающие членимость в результате опрощения, или, наоборот, приобретающие ее в результате усложнения. В связи с этим в науке назрела необходимость дифференцировать слова по степени членимости их основ, построить шкалу степеней членимости основ: «Понятие членимости ступенчато, градуировано. Слова могут иметь разную степень членимости» [Земская 1975, 143, 1: 146].

Мысли о степенях членимости слова (основ) высказывались А.М. Пешковским, А.И. Смирницким, А.А. Реформатским, М.В. Пановым, Н.А. Янко-Триницкой, Е.С. Кубряковой, Е.А. Земской и другими. Так, А.А. Реформатский считал, что «в языке имеется градация членимости слов, которая обусловлена многими причинами» [Реформатский 1975: 11].

В научной литературе указываются следующие факторы, влияющие на степень членимости основ: 1) воспроизводимость морфемы в других словах или ее уникальность, неповторимость; 2) свободный или связанный характер корневой морфемы; 3) парадигматичность значения аффикса (наличие синонимичных, антонимичных аффиксов) или отсутствие у аффикса парадигматических связей с другими аффиксами); 4) способность аффикса выступать в других словах в сочетании с повторяющимся или уникальным корнем и др. [Русский язык и советское общество 1968: 214–216].

Традиционная концепция степеней членимости слова строится на том, что не у всех слов имеется полная и регулярная соотносимость с другими словами на основе наличия у них общих корней и аффиксов.

М.В. Панов, который одним из первых построил шкалу степеней членимости, предложил многостепенную матрицу: от слова *лет-чик*, морфемы которого представлены во многих других словах в иной дистрибуции, а те, в свою очередь, также членимы на данном основании, до слова *кенгуру*, не обнаруживающего на фоне других слов своей членимости [Панов 1972, 1975]. В шкале степеней членимости, предложенной Н.А. Янко-Триницкой, учитывается также свобода / связанность корневой морфемы [Янко-Триницкая 1968].

С учетом существующих в лингвистике классификаций основ по степени членимости шкалу степеней членимости в самом общем виде можно представить следующим образом.

Максимальную степень членимости имеют основы с двусторонней сопоставимостью — по корневому и аффиксальному ряду: ср.: *лет-чик* и *лет-а-ть*, *груз-чик*. Это полная свободная членимость основы. Сюда же относятся или выделяются в особую степень членимости (Н.А. Янко-Триницкая) основы слов со

связанными корнями: *запереть* — *отпереть*, *включить* — *выключить*. Это основы с полной связанной членимостью. Членение таких основ осложняется тем, что «корневые морфемы в подобных структурах семантически неполноценны без сопровождающих аффиксов» [Яковлев 1990: 42].

Меньше степень членимости у основ слов, входящих только в один ряд соотношений — со словами с тождественным корнем или со словами с тождественным аффиксом. Морфемное членение слов с односторонней сопоставимостью по корневому ряду затруднено тем, что аффиксальная часть является уникальной, не типизированной, семантически ослабленной. Это достаточная степень членимости основ. Слова с остаточными аффиксами различаются в зависимости от того, имеют ли последние семантические аналоги среди неуникальных аффиксов.

Согласно М.В. Панову и Е.А. Земской, более осмысленным является выделение таких единичных аффиксов (унификсов), значение которых может выражаться синонимичными типовыми словообразовательными средствами: ср. *нас-тух* и *лет-чик*, *строи-тель* (вторая степень членимости), в отличие от тех, которые не имеют синонимичных аффиксов: *стекл-ярус*, *почт-амт* (третья степень членимости). Недостаточная членимость отмечается у основ слов с односторонней сопоставимостью по аффиксальному ряду — у слов с остаточными, уникальными корнями (унирадиксоидами): *бужен-ин-а*, *мал-ин-а*. По словам М.В. Панова, «униаффиксальность меньше обостряет нечленимость, чем унирадиксальность» [Панов 1972, 1975: 238]. В этих случаях выделение корня носит остаточный, а выделение аффикса — достаточно условный характер и опирается только на общность его семантики в интеграционном ряду слов с формально тождественными аффиксами. При этом слова с остаточным корнем имеют разную степень членимости в зависимости от сочетаемости повторяющегося аффикса в других словах с повторяющимся корнем: ср. *бужен-ин-а* и *баран-ин-а*, *кон-ин-а* (четвертая степень членимости) или единичным корнем: ср. *мал-ин-а* и *кал-ин-а*, *смород-ин-а* (пятая степень членимости).

Последние степени членимости имеют нечленимые основы слов, которые различаются в зависимости от наличия / отсут-

ствия у них формальных ассоциаций с другими словами (ср., например, *кочерга* и *кочегар*).

Состав и количество степеней на шкале членимости могут меняться в зависимости от принципов членения основ (слов). Так, отрицание уникальных корней или аффиксов приведет к перемещению слов с подобными уникальными частями в разряд нечленимых.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Охарактеризуйте основные подходы к членению основы (слова), представленные в современной отечественной лингвистике.

2. Проиллюстрируйте примерами различные степени членимости основ (слов).

3. Какую позицию на шкале членимости могут занимать слова со связанными корнями и с остаточными частями в позиции корня или аффикса?

4. Определите степени членимости следующих слов: *агитировать*, *бензин*, *включить*, *горошинка*, *детвора*, *почтальон*, *смородина*, *улица*, *чаинка*.

7. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В МОРФЕМНОМ СОСТАВЕ СЛОВА

Морфемная структура слова может рассматриваться как в синхронном, так и в диахроническом аспекте.

Морфемный состав слова исторически изменчив: с течением времени перемещаются границы между морфемами, меняется их семантика, членимые основы становятся нечленимыми и, напротив, нечленимые приобретают членимость. Так, например, слово *вздор*, основа которого на синхронном срезе языка характеризуется нечленимостью и имеет значение «бесмыслица», в древности первоначально называло «то, что содрано при очистке дерева от коры», и, следовательно, было родственным словам *драть*, *отдирать*. В составе этого слова вычленились корневой морф *дър-* (*дор-*) и префикс *въз-*. Слово *вздор* в русском языке пережило семантическую эволюцию: оно утратило сначала конкретно-предметное значение и приобрело собирательное значение «хлам, отбросы», а затем развило абстрактное оценочное значение «бесмыслица», которое и закрепилось в современном русском языке. В результате изменения семантики слова, забвения его внутренней формы перестали осознаваться связи исторически однокоренных слов *вздор*, *содрать*, *отодрать* и др. и корневая морфема *дор-* слилась с приставкой.

Рассмотрим другой пример.

Слово *позор* в древнерусском языке имело значения «то, что первоначально представляется взору», «то, что выставлено на всеобщее обозрение» и входило в ряд однокоренных слов *ззорь*, *взорь*, *дозорь*, *призорь* и др. В нем соответственно вычленился префикс *по-*. Изменение же значения слова привело к объединению приставки и корня в одну морфему.

Исторические изменения в морфемной структуре слова начали активно изучаться в русистике с конца XIX в., прежде всего представителями Казанской лингвистической школы — И.А. Бодуэном де Куртенэ, Н.В. Крушевским, В.А. Богородицким. И.А. Бодуэн де Куртенэ отметил возможность «нарастания последующих суффиксов за счет предшествующих или же за

счет корня», а также «нарастание корня за счет префикса» [Бодуэн де Куртене].

Н.В. Крушевский в работе «О морфологической абсорбции» (1880) рассмотрел явления поглощения одной морфемы другой. Анализируя такие слова, как русск. *восток* и польск. *ślub*, ученый пришел к выводу, что «звуки, принадлежащие одной морфологической единице, отрываются от нее и интегрируются другой единицей» [Крушевский 1998: 62]. Это явление и было названо Крушевским морфологической абсорбцией. Позднее — в «Очерке науки о языке» (1883) — им было предложен термин «переинтеграция морфологических элементов». «Предположим, — писал Н.В. Крушевский, — что какой-нибудь суффикс употребляется сравнительно редко, вследствие этого мы хуже будем его помнить, и он будет иметь шансы на слияние в нашем чутье в одно целое с тем коренным комплексом, к которому присоединяется. Так слияние первоначального суффикса *d...* с корнем *и* в *иду* произвело некоторый беспорядок в семье родственных слов *иду, идти, дойти...*» [Крушевский 1998: 166—167]. Именно переинтеграцию морфем Крушевский считал одним из основных источников происхождения «морфологических элементов» и пополнения морфемного фонда.

В.А. Богородицкий, наконец, выделил и детально описал два основных типа «абсорбции», предложил для их обозначения специальные термины: *опрощение* и *переразложение*, — при этом ученый впервые обратил внимание на изменения не отдельных морфем, а морфемной структуры слова в целом.

Обратимся к рассмотрению основных типов исторических изменений состава слова. Наиболее важными процессами являются **опрощение** и **переразложение**.

1. Как уже отмечалось, термин «опрощение» был предложен В.А. Богородицким. Под опрощением ученый понимал процесс, при котором слово «перестает в живой речи чувствоваться в своем морфологическом составе, становясь простым символом представлений» [Богородицкий 1939: 139], ср.:

истор. *веж-лив-ый* (от *вѣжа* — «сведущий») — синхр. *вежлив-ый*;

истор. *кор-ыт-о* (от *кора*) — синхр. *корыт-о*;

истор. *у-жась* (ср.: *ужасити* «напугать, утрашить» — *жасити*) — синхр. *ужас*-□.

Как видим, при опрощении происходит объединение корневых морфем и аффиксов, входящих в основу слова. Итак, опрощение — это исторический процесс изменения морфемной структуры слова, в результате которого членимая ранее основа становится нечленимой.

Основной механизм опрощения — слияние рядоположенных морфем. В зависимости от того, какие морфемы объединяются, различается несколько структурных типов опрощения:

1) слияние корня и суффикса; ср.:

истор. *ок-унь* (от *око* «глаз») — синхр. *окунь*-□;

истор. *друж-ин-а* (ср.: *друг*) — синхр. *дружин-а*;

2) слияние корня и префикса:

истор. *закон* (*конь* «начало, основа, конец») — синхр. *закон*-□;

истор. *по-бед-а* — синхр. *побед-а*;

3) слияние префикса, корня и суффикса:

истор. *на-балдаш-ник* (от *балдаш* — трость, палка) — синхр. *набалдашник*-□;

истор. *на-вест-и-ть* (ср.: *весть*) — синхр. *навест-и-ть*;

4) слияние двух основ в сложном слове:

истор. *чел-о-век* — синхр. *человек*-□;

истор. *жай-ворон-ок* — синхр. *жаворонок*-□.

В зависимости от результатов исторических изменений противопоставляются друг другу две разновидности опрощения: **полное** и **неполное**. «Полным опрощением» является такая потеря основами слов прежней их способности члениться на морфемы, в результате которой возникшие в слове новые... основы образуют абсолютные слияния, предстают перед нами как чистые корни. В словах, основы которых пережили полное опрощение, прежняя членимость последних рядовым носителем современного языка совершенно не ощущается и даже не предполагается» [Шанский 1968: 191]; см., например: *орел, пестрый, сын, сутки*.

Например, слово *жир* исторически связано с глаголом *жити* («жить, кормиться»). Первоначальное его значение — «корм, пища». В структуре слова выделялись корень *-жи-*, суффикс *-р* и

окончание. В результате деэтимологизации произошло слияние корня и суффикса — и основа стала нечленимой.

Неполное опрощение — опрощение, при котором следы прежней членимости в значительной степени сохраняются и ощущаются рядовым носителем языка. Так, в прилагательном *закадычный*, возникшем на базе фразеологизма *залить за кадык* («напиться»), даже при разрыве семантических связей с исходным мотивирующим оборотом еще легко осознается прежний состав морфем. Между полным и неполным опрощением нет жесткой границы, и выделение этих типов достаточно условно.

Опрощение обычно связано с деэтимологизацией слова, утратой им внутренней формы и, следовательно, семантической соотносительности с исторически однокоренными словами. Так, например, нечленимое в современном русском языке слово *истукан* (старославянизм по происхождению) с исторической точки зрения — форма страдательного причастия, образованного от глагола *истукати*, который представлял собой префиксальное образование от слова *тукати* («ударять»). *Истукан* буквально — «выбитый, выстуканный ударом молотка по резцу» [Шанский, Боброва]. Деэтимологизация слова *истукан* привела к его опрощению. Прилагательное *бодрый*, с исторической точки зрения образованное от глагола *бъдети*, утратило с ним семантические связи и расширило с течением времени объем значения. Результатом этого процесса и стало опрощение.

Опрощение, таким образом, вызывается прежде всего семантическими причинами. Эти причины могут взаимодействовать с причинами фонетическими. Опрощению способствовали падение редуцированных, упрощение групп согласных, метатезы и другие процессы. Так, упрощение группы согласных *bv* привело к изменению морфемного состава слова *обет* (от *obveti* — «говорить, советовать»), *обещать* (ср. *обет*), *обида* (от *obvīda*), *обильный* (от *obvīli*), *облако* (ср.: *оболочка*, *влачить*), *обязать* (от *obvazati*). Опрощение в морфемной структуре прилагательного *затхлый* связано с процессом падения редуцированных, ср. с исходной формой слова *задъхлый*, производного от глагола *задъхнутися* («задохнуться»).

Третьей причиной опрощения служит выход из употребления родственных данному слов. Этот процесс обусловил, например, опрощение в словах *дряблый* (от вышедшего из употребления, но сохранившегося в отдельных говорах слова *дряба* — дрожжи), *ресница* (ср. вышедшее из употребления *рѣсьнь* — «бахрома»), *соблазн* (ср. древнерус. *блазнь* «обольщение», *блазнити* «обольщать»).

Отмеченные причины опрощения взаимодействуют в истории языка. И фонетические изменения, и выход из активного употребления родственных слов приводят к утрате внутренней формы лексической единицы, разрушению имевшихся в языке семантических связей, потому именно семантические причины являются при опрощении ведущими.

Этот исторический процесс играет важную роль в морфемике и словообразовании: благодаря опрощению возникают нечленимые основы, которые с течением времени выступают в качестве производящей базы для новых образований. Меняется и соотношение мотивированных и немотивированных слов в языке: в результате опрощения увеличивается число немотивированных и, следовательно, непроизводных на синхронном срезе единиц.

2. Переразложение, или переинтеграция, — исторический процесс изменения границ между морфемами при сохранении основы членимости. По определению В.А. Богородицкого, это «такое явление, когда слова, известным образом разлагающиеся в уме индивидуума прошлого времени, затем разлагаются по-другому вследствие перемещения морфологической границы» [Богородицкий 1939: 161]. Так, например, с исторической точки зрения в основе слова *красавец* вычленились два суффикса: суффикс производящего прилагательного *-ав* и суффикс существительных со значением лица *-ьць*. После выхода из употребления прилагательного *красавь* произошло объединение суффиксов. Современное членение слова — крас-авец-□.

В отличие от опрощения переразложение не меняет характера основы, это только перераспределение словообразовательных аффиксов в структуре слова. Рассмотрим, например, слово *крохотный*. В современном языке в его составе выделяются свободный корень *крох-*, нерегулярный суффикс *-отн*,

флексия *-ый*. С исторической точки зрения прилагательное было образовано от вышедшего позднее из употребления в литературном языке существительного *крохоть*, соответственно в морфемной структуре слова *крохотный* вычленились два разных суффикса: *-от-* и *-н-*, которые позже слились в один. Основа же слова сохранила членимость.

В зависимости от того, какие словообразовательные аффиксы подвергаются интеграции, выделяется несколько типов переразложения. Это транссуффиксация, транспрефиксация, перемещение границ между суффиксами и флексией.

Транссуффиксация — это изменение границ между словообразовательными суффиксами, входящими в состав основы, ср.: истор. *куст-ар-ник-□* (ср.: *кустарь*) — синхр. *куст-арник-□*;

истор. *молч-а-л-ив-ый* (ср.: *молчаль* — «безмолвие») — синхр. *молч-а-лив-ый*.

Транспрефиксация — перемещение границ между префиксами, входящими в состав основы, ср.:

истор. *о-бес-сил-е-ть* (ср.: *бессилеть*) — синхр. *обес-сил-е-ть*.

Перемещение границ между суффиксом и флексией — явление более редкое. Оно может быть проиллюстрировано историей слова *вожатый*. Это слово было образовано от глагола **вожати** при помощи суффикса *-тай* (ср. *ходатай*, *оратай*, *проводжатай*, *соглядатай*). Еще в начале XIX в. оно относилось к субстантивному склонению, ср.: *Но я молю тебя, поклонник верный мой, будь мне вожатаем* (А.С.Пушкин). В основе слова выделялись корень *-вож-*, суффиксы *-а-* и *-тай*. В результате выхода из употребления производящего глагола **вожати** и аналогии с суффиксальными прилагательными типа *рогатый* и субстантиватами слово *вожатый* приобрело современную морфемную структуру и подверглось переоформлению: часть модифицированного суффикса стала окончанием — *вож-ат-ый*.

Основные причины переразложения:

- 1) выход из употребления мотивирующего слова, ср.: истор. *кос-ын-к-а* (обр. от *косыня*), после выхода из употребления слова *косыня* суффиксы *-ын-* и *-к-* объединяются;
- 2) закон аналогии (вспомним историю слова *вожатый*).

3) фонетические изменения: например, в основе слова *казацкий* (первоначально *казачьский*) в результате падения редуцированного *ь* и последующего преобразования сочетания *чс* в *ц* начал выделяться корень *казац-* и новый суффикс *-к* (на месте суффикса относительных прилагательных *-ьск*).

Переразложение, как и опрощение, имеет важное значение в языке. Если в результате опрощения в языке появляются новые нечленимые основы, то в результате переразложения в нем возникают новые суффиксы и приставки. Так, благодаря переразложению в русском языке появились суффиксы *-ениц-*, *-ниц-*, *-ицеск-*, приставки *обез(с)-*, *недо-* и др.

Опрощение и переразложение являются, как уже отмечалось, основными историческими процессами.

Кроме опрощения и переразложения, при рассмотрении исторических изменений морфемного состава слова необходимо учитывать процесс, противоположный опрощению, который Н.М. Шанский предложил назвать усложнением.

3. **Усложнение** — процесс превращения ранее нечленимой основы в членимую. Так, существительные *ехидна* и *зонтик*, которые имеют в современном русском языке членимую основу (ср.: *ехидство*, *ехидный*; *зонт*, *зонтообразный*), ранее ее не имели. Слово *ехидна* по происхождению старославянизм, восходящий к греч. *echidna*, а слово *зонтик* — заимствование из голландского языка (ср. *Zondek*). Членимость эти слова приобрели уже на русской почве по аналогии с суффиксальными образованиями (ср., например: *бантик*, *гвоздик*, *ребятня*, *двойня*), причем в русском языке в результате обратного словообразования с течением времени появились новые лексические единицы *ехидна* и *зонт*.

Усложнение — процесс, характерный преимущественно для заимствованных слов. Он связан с действием закона аналогии, на основе которого сближаются элементы разных по происхождению единиц. Так, нечленимое в момент заимствования слово *фляжка*, пришедшее из польского языка, было соотнесено русским языковым сознанием с образованиями с параметрическим и / или оценочным суффиксом *-к-* (ср.: *бумажка*, *книжка*). В результате слово приобрело членимость, а в русском языке появилось слово *фляга*, отсутствующее в языке-источнике.

Причиной усложнения часто служит и народная этимология, которая «отождествляет... слово с ясной морфологической делимостью и подсовывает ему генетическое значение» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 242]. Народная этимология сближает исходно неродственные слова, которые представляются говорящим близкими в семантическом и фонетическом отношении. Так, слово *колика*, заимствованное во второй половине XVII в. из латинского языка (*colica* от греч. *kolike* — *kolon* «толстая кишка»), было соотнесено с русским словом *колоть*.

Усложнение, наконец, часто происходит «в силу появления в процессе заимствования рядом с тем или иным иноязычным словом ему родственного» [Шанский 1968: 228]. Установление деривационных связей между однокоренными словами предполагает параллельное заимствование этих лексических единиц. Например, слово *лекция* (латинское по происхождению) было заимствовано из польского языка и первоначально было нечленимым. Появление же в русском языке другого заимствованного слова *лектор* обусловило членимость этих однокоренных единиц.

Благодаря усложнению язык пополняется новыми корневыми морфемами. Этот процесс играет важную роль в адаптации заимствованных слов, в их освоении русским языком.

Частным историческим процессом изменения морфемной структуры слова является **замещение**. Оно охватывает небольшое по сравнению с опрощением и переразложением число слов.

Замещение — это замена одной из морфем, входящей в состав слов, другой, сходной с ней по формальному и семантическому признакам или по одному из них. Так, латинское слово *christianus* на русской почве было первоначально воспринято как субстантивное образование от слова *Христос* при помощи аффикса *-ан-* и в результате пережило процесс усложнения: оно стало функционировать как членимая в структурном отношении единица. В дальнейшем это слово стало употребляться для обозначения сельского населения и восприниматься как производное от существительного *крест*. В результате произошло замещение корневой морфемы *христиане* — *крестьяне*.

Интересна история слова *солянка*. Первоначально оно имело форму *селянка* (сельская еда). Корнем слова, следовательно была морфема *сел* (ср.: село — сельский). Затем произошло замещение корневых морфем: *сел* была вытеснена новым корнем *-соль-*. Этому способствовало во многом то, что в русском языке виды пищи редко называются по месту, чаще указывается способ приготовления (ср.: *окрошка* от *крошить*).

В основе *свидетель* («очевидец, человек, бывший непосредственным наблюдателем какого-либо события или происшествия») корневая морфема *-вид-* заменила исходный корень *вѣд* с семантикой знания.

Замещение широко распространено в просторечии и диалектах, где связано с народной этимологией. Так, как отмечал Н.В. Крушевский, «непонятное русскому народу слово *рекрут* ассимилируется к категории слов с префиксом *не-*... и получается *некрут*... Слово *потчевать*, которого происхождение позабыто, ассимилируется к категории слов с префиксом *под-* (например, *под-нимать*) и получается (в написании) *подчивать* [Крушевский 1998: 51] (слово *потчевать*, исторически родственное слову *честь*, представляет собой переоформление древнерусского глагола *почъщивати*, производного от *почъстити* в значении «оказать честь»).

К историческим изменениям морфемного состава слова часто относят **декорреляцию**. Под декорреляцией понимается «изменение характера или значения морфем и соотношений их в слове при сохранении последним того же числа и порядка морфем, которое в нем наблюдалось первоначально» [Шанский 1968: 231]. Декорреляция включает два процесса. Первый — изменение направления мотивации. Например, слово *заморозки* первоначально мотивировалось вышедшим затем из употребления существительным *заморозы*, в современном русском языке оно соотносится с глаголом *заморозить*, который и признается производящим. В результате изменилось значение суффикса *-к*. Этот процесс, таким образом, связан с деривацией и не должен рассматриваться в рамках морфематики.

Другой процесс, который традиционно относят к декорреляции, — изменение статуса морфемы, превращение грамматиче-

ских (формообразующих) аффиксов в словообразующие. Это явление изучается именно морфемикой. Например, прилагательные типа *скрипучий*, *спелый* исторически представляют собой формы причастий, образованные при помощи суффиксов *-л*, *-уч(ач)*. Эти некогда формообразующие суффиксы в настоящее время являются словообразующими суффиксами имен прилагательных, их статус, таким образом, изменился. Декорреляцию этого типа можно отметить и применительно ко многим наречиям, возникшим в результате адвербиализации существительных и прилагательных. Так, флексия *-ой* в форме существительного *весн-ой* стала суффиксом наречия *весной*. Ср.: Этой весной мы поедem в деревню. — Весной я болен (А.С. Пушкин). Флексия исходного прилагательного *-ую* в составе современного наречия *вкрутую* также представляет собой словообразующий аффикс.

Итак, диахронические процессы в морфемике приводят к появлению новых единиц и семантическому или формальному преобразованию уже существующих. Исторические изменения морфемного состава слова определяют направление развития морфемной системы языка.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Назовите основные исторические изменения морфемного состава слова.
2. Проиллюстрируйте своими примерами основные типы опрощения.
3. Сопоставьте исторические процессы опрощения и переразложения (содержание, характер, причины, результаты). В чем их различия?
4. Сопоставьте процессы опрощения и усложнения. Почему усложнение называют процессом, обратным опрощению?
5. Дайте определение процесса замещения. Почему он является частным по сравнению с процессами опрощения и переразложения?

6. Назовите основные факторы, приводящие к изменению морфемной структуры слова в русском языке.

7. Пользуясь этимологическими словарями, определите тип исторического изменения и его причины в приведенных ниже словах:

властитель, верхом, врач, второпях, галка, горячность, малютка, монархия, прапорщик, порошок, сухощавый, теремной, упрямый, успеть, худощавый.

8. Напишите сочинение-миниатюру «История одного слова», включив в него материал об историческом изменении состава этой лексической единицы.

8. ИСТОЧНИКИ ПОПОЛНЕНИЯ МОРФЕМНОГО ФОНДА ЯЗЫКА

Состав морфемы языка достаточно устойчив. «Язык охраняет стабильность морфемного состава, в нем поставлены препоны для творимости морфемы, которая должна быть единицей устойчивой, словарно заданной, не производимой» [Способы номинации... 1982: 156]. Тем не менее состав морфем в языках и исторически изменчив, их инвентарь с течением времени пополняется новыми единицами.

Источники морфеобразования различны. В диахронии появление новых морфем связано прежде всего с **грамматикализацией** — превращением некогда самостоятельного слова (словоформы) в аффикс. Так, во французском языке суффикс наречий *-ment* восходит к форме имени существительного. В русском языке постфикс *-ся* является по происхождению формой винительного падежа возвратного местоимения *себя*, которая трансформировалась сначала в частицу, а затем в аффикс. Почти до XVII в. возвратная частица употреблялась в текстах в разных вариантах: *се* (род. пад.), *си* (дат. пад.), *ся* (вин. пад.) и др.; ср., например: *се печалите, груститиси, си жалю, смиряя себе, боя бо ся Бога*. Формирование в русском языке категории рефлексивности обусловило появление единого аффикса, которым в результате грамматикализации и стал постфикс *-ся*. Результатом грамматикализации являются и окончания современных прилагательных. Указательное местоимение *и* легло в основу флексий их полных (местоименных) форм.

Другим, не менее важным источником морфемообразования являются исторические изменения морфемного состава слов, прежде всего границ между морфемами. В результате опрощения в языке появляются новые корни, в результате переинтеграции морфем (переразложения) — новые аффиксы (префиксы и суффиксы). Так, слияние корня и суффикса привело к появлению новых корней в словах *бабочка, важный, туловище, огромный* и др.

Например, слово *бабочка* с исторической точки зрения является суффиксальным производным от существительного *баба*, соответственно в его основе ранее выделялись корень *баб-* и суффикс *-очк*. Слово *бабочка* первоначально имело значение «душа бабки, предка женского пола». Эта семантика связана с мифологическими представлениями древних славян. Характерно, что «в славянской мифологии с представлениями о душе-птице заметно конкурируют образы души в виде другой летающей твари — бабочки» [Шапошников 2010: 40].

В результате переразложения — объединения двух разных по происхождению суффиксов — сформировался такой регулярный суффикс прилагательных, как *-ическ*. Он возник на основе слияния иноязычного по происхождению суффикса *-ик* (франц. *ique* < греч. *ikos*) и исконного суффикса *-ск* (морф — *-ьск*), с помощью которого заимствованные слова переоформлялись в русской речи: *автобиографический*, *аналитический*, *аскетический*, *аристократический*, *аллегорический* и мн. др. На базе слияния этих суффиксов и возник новый протяженный аффикс *-ическ*. Таким образом, «процесс переразложения привел к возникновению в русском языке новой, уже исконно русской морфемы, получившей позднее также и определенные словопроизводственные способности (ср. собственно русские прилагательные *авантюристический*, *нигилистический*, *яфетический*, *империалистический*, *формалистический* и т.д.)» [Шанский 1968: 217].

Глагол *отворить* с исторической точки зрения был образован от слова *ворити* (ср.: совр. *ворота*, др.-русск. *воръ*, *вора* — ‘ограда, забор’), соответственно в основе отвори-ти первоначально выделялись префикс *от-*, корень *вор-*, суффикс *-и*. В результате аналогии с глаголами, имеющими приставку *о-*, и народноэтимологического сближения с глаголом *творить* слово *отворить* стало члениться иначе: *о-твор-и-ть* и, соответственно, возник корень *твор-* с новой семантикой (отворить, затворить, притворить).

Источником пополнения морфемного фонда служит также *заимствование*. Этот процесс обычно носит длительный характер. Заимствование морфем неразрывно связано с заимствованием слов и их постепенным освоением.

По справедливому замечанию Г. Пауля, «слова заимствуются всегда целиком, отдельные словообразовательные суффиксы и окончания никогда не заимствуются», и лишь когда перенимается достаточно большой пласт иноязычных слов с одним и тем же аффиксом, «путем образования новых слов по аналогии усвоенный таким образом суффикс может вступать в сочетания со словами родного языка» [Пауль 1960: 469]. Таким образом, появление в языке новой иноязычной морфемы предполагает, во-первых, наличие в нем нескольких слов с тем же элементом, получивших достаточно широкое распространение, во-вторых, освоенность этих компонентов и функционирование их в составе других слов, в том числе слов, возникших уже на собственно русской почве. Освоение заимствованных морфем базируется на усложнении первоначально нечленимого иноязычного слова.

Рассмотрим в качестве примера судьбу морфемы *-дром* (греч. *drōmos* – «место для бега»).

До начала XX в. слово *ипподром* имело нечленимую основу. После заимствования из французского языка слов *аэродром* и *циклодром* существительное *ипподром* подвергается усложнению: в его основе начинают вычленяться корень и элемент *-дром*, первоначально аффиксоида, который затем приобретает статус аффикса, имеющего определенное словообразовательное значение – «место проведения спортивных мероприятий, связанных с тем, что названо мотивирующей основой, или место испытания машин, обозначенных мотивирующим словом».

Как отмечает Е.В. Красильникова, «в судьбе элемента *дром* отразились научные достижения и интересы людей XX в. В самом начале века развитие авиации потребовало названия взлетно-посадочного поля первых летательных аппаратов. Известно, что в России первые «этажерки» поднимались с ипподромов... и только позднее стали создаваться аэродромы и было заимствовано само слово аэродром. Этот факт реальной жизни оказался важным и для языка. У говорящих по-русски возникла ассоциация *ипподром-аэродром*. Таким образом, еще сам будучи на грани бытия / небытия, элемент *-дром* связал слова двух семантических типов, которые оказались взаимосвязаны и впоследствии. Один ряд: место спортивно-зрелищных мероприя-

тий.; второй ряд — место запуска или испытания машин («полигон»)» [Красильникова 1972: 108].

Позднее уже на собственно русской почве появляются новые лексические единицы с аффиксом *-дром*; см., например: *ракетодром*, *танкодром*, *космодром*, *планетодром*. В современной речи встречаются и жаргонизмы, и шуточные новообразования с этим элементом: *мелодром* (школьный жаргон), *собакодром*, *пальмодром*, *лапшедром* (разговорная речь). Таким образом, в инвентарь морфем русского языка вошел новый локативный суффикс.

Заемствованным является и другой суффикс с локативной семантикой — суффикс *-арий*. В 1806 г. в «Новом словотолкователе, расположенном по алфавиту» Н. Яновского было впервые зафиксировано иноязычное слово *планетарий*, заимствованное из немецкого языка (*Planetarium* ← лат. *planeta*). В XIX в. в словарях появляются также слова *розарий* (ср. лат. *rosarium*), *аквариий* (аквариум) и *террарий*. В XX в. ряд слов пополняется новыми лексическими единицами: *виварий* (нем. *Vivarium*), *солярий* (лат. *solarium*), *альпинарий* (нем. *Alpinarium* ← *Alpen*), *дендрарий* (нем. *Dendrarium* ← греч. *Dendron* — «дерево»), *инсектарий* (нем. *Insektarium* ← лат. *insektum*).

Постепенное накопление в языке заимствований одинаковой структуры приводит к появлению в нем суффикса *-арий*, имеющего значение «помещение, место, предназначенное для определенной цели». Этот локативный аффикс проявляет продуктивность в современном русском языке; см., например, такие образования, как *дельфинарий*, *сирингарий* (лат. *syngarium* — *syngere* — «сирень»), *океанарий*, *скорпионарий*, *фазанарий*.

Появление заимствованных морфем, обладающих высокой степенью продуктивности, — активный процесс в современном словообразовании. Так, например, можно говорить о формировании в современном русском языке новой морфемы *-мен*, поскольку этот элемент повторяется в ряде лексических единиц, другие компоненты которых также сопоставимы; см., например: *бармен* (ср. *бар*), *бизнесмен* (ср. *бизнес*), *джазмен* (ср. *джаз*, *джазовый*), *клубмен* (ср. *клуб*), *полисмен* (ср. *полиция*), *конгрессмен* (ср. *конгресс*), *супермен* (ср. *суперновый*). Морфема *-мен* в на-

стоящее время характеризуется общим значением 'лицо по отношению к предмету, занятию, учреждению, названному мотивирующим словом'.

Заимствование слов *кутюрье, шансонье, шоколатье* на фоне уже существовавшего в языке слова *конферансье* и образования существительного *романсье* позволяет вычленил в русском языке новый суффикс со значением лица *-j*.

Активно идет процесс и формирования в русском языке нового для него суффикса *-инг*. Этому способствует появление большого числа заимствований из английского языка с этим формантом в языке-источнике: *дайвинг, клининг, консалтинг, мониторинг, паркинг, роуминг, тренинг, шопинг*. Параллельные либо одновременные заимствования однокоренных слов и наличие производных, возникших уже в русском языке, определяют возможность «двойного сопоставления» ряда слов с элементом *-инг*; ср.: *дайвер — дайвинг, паркинг — парковка, тест — тестинг, тренироваться — тренинг, шопинг — шопоголик*. Таким образом, в них вычленяется суффикс *-инг* с процессуальным или предметным значением, причем, как видим, этот суффикс приобретает все большую регулярность в современной речи. Для статуса полноценного суффикса этому компоненту пока не хватает словообразовательной продуктивности. В литературном языке узуальные образования, созданные с помощью *-инг*, не зафиксированы. В то же время «окказиональное словотворчество уже включило в свой репертуар этот формант» [Маринова 2008: 454]; см., например: *мальчишинг, обломинг, читатинг, хрюкинг, шубинг*.

Новообразования с формантом *-инг* используются и в современных поэтических текстах, см., например:

По медиарации вызвали трубочистильщика на подмогу

Он прицелился из *швабринга*...

(Д. Голышко);

Показывали блееры, вылазеры и плюеры,
сосисэджи, *сарделинги*, потаты и моркоуфели,
пластмассерные *блюдинги*, рисованные гномиксы...

(А. Левин)

Новые морфемы могут появляться в результате взаимодействия русского и иноязычного аффиксов. Как отмечает В.С. Гимпелевич [Гимпелевич 1971: 209–210], в связи с осложнением структуры заимствованного суффикса русским суффиксом, ассимилирующим в языке данное слово, возникают гибридные суффиксы. Так, например, сформировался высокопродуктивный в современном русском языке суффикс *-ирова*: *информировать*, *аргументировать* и др. Элемент *-ир* в нем восходит к французскому суффиксу *-er* или немецкому суффиксу *-ier* (см., например, глагол *argumentieren*). Суффикс в существительном *вуалетка* также представляет собой своеобразный гибрид французского суффикса *-ette* и русского *-к*.

Заимствование как источник морфемообразования дополняется **морфемизацией усечений** и **элементов аббревиатур**. Части сложносокращенных слов регулярно превращаются в новые морфемы; см., например: *зав*, *зам*, *спец*, *гос*, *опер* и др.

Подобные «неоморфемы» имеют разные пути развития. Одни возникают непосредственно из простых слов (*фанатик* — *фанат* — *фан*), другие проходят адаптацию путем минимизации сначала словосочетаний, а затем сложносокращенного слова (*государственный экзамен* — *госэкзамен* — *гос*), третьи имеют полимотивацию: они могут быть мотивированы или словосочетанием (*заместитель директора*, *заведующий гаражом*, *государственный экзамен*), или сложносокращенным словом (*замдиректора*, *завгаражом*, *госэкзамен*), или одним словом (*заместитель*, *заведующий*, *государственный...*)» [Хашимов 2010: 72]. Отрезки усечений и аббревиатур, повторяясь в составе различных единиц, с течением времени приобретают статус морфемы. Например, компоненты *зар-*, *зам-*, *зав-* в словах *зарплата*, *замдиректора*, *завгар* представляют собой уже самостоятельные отрезки слова, возникшие в результате объединения приставки и сокращенного корня. Так, компонент *зар* (*зарплата*) явно теряет глагольную семантику, выражаемую корнем *-плат* (ср. *платить*, *уплатить*), а приставка *за-* уже не имеет значения «достижение результата какого-либо действия или состояния» (ср. *заплатить*, *заделать*).

Подобные компоненты регулярно повторяются в различных слогословных аббревиатурах, см., например: зампреда, замминистра, завкафедрой, завлабораторией, завотделом, завотделением и др. Таким образом, компоненты *зам*, *зав*, *опер* и др. в настоящее время функционируют в речи как самостоятельные слова с основной, равной корню, причем часто склоняемые; ср.: Армейский «генерал» Сергей Семак обрел крепкого зама по тылу в лице жены Светланы (Комс. правда. — 2003. — 24–31 июля); Отдаем полковых спецов (Парламент. газета. — 2003. — 4 июля); Милицейский опер немедленно связался с опером из КГБ (Лит. газета. — 2010. — № 16–17).

«Возникшая парадигма склонения указывает на сформированность неоморфемы...» [Хашимов 2010: 73].

В речи возможно и искусственное создание морфем. Как правило, это связано с образованием новой номинативной единицы, которая возникает на основе произвольного «изобретения» нестандартного, оригинального знака. Это явление характерно для научно-фантастической прозы, литературы фэнтези, общения в замкнутых группах, например, для семейного жаргона; см., например: Но уже хищный *ихи* распростер острые крылья... При свете двух лун — *олло* и *литха* — ночью злой паук, *цитли*, оплетает паутиной твою хижину... (А.Н. Толстой. Аэлита); Разговаривали мы на каком-то сумасшедшем жаргоне (*гажечка*, *вонтик*, *борзятина*) — И. Грекова. Кафедра.

Искусственное создание морфем обычно обусловлено конструированием автором особого языка для решения определенных эстетических задач (например, изображения фантастических миров), обращением к зауми (см., например, стихотворения В. Хлебникова или А. Крученых). Поэтому этот источник пополнения морфемного фонда является частным и имеет ограниченное применение.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Дайте определение процесса грамматикализации. Приведите примеры слов с морфемами, появившимися в результате грамматикализации.

2. В приведенных ниже словах выделите морфемы, сформировавшиеся в результате исторических изменений морфемного состава:

диктатор, диссертация, доблесть, жилище, кустарник, забыть, малютка, недосолить, геометрический, коварный.

Укажите тип исторического изменения и его причины.

3. Приведите примеры употребления слов с новыми заимствованными морфемами, получившими широкое распространение в русской речи на рубеже XX—XXI вв. Укажите язык-источник.

9. ПРИНЦИПЫ МОРФЕМНОГО АНАЛИЗА

Морфемный анализ — это особый вид лингвистического анализа, который направлен на определение морфемной структуры слова. Объектом морфемного анализа, таким образом, является состав слова, а цель разбора — установить, из каких морфем состоит слово.

Морфемному анализу подвергаются все членимые слова, в том числе и слова с недостаточной членимостью.

Основные задачи синхронного морфемного анализа: 1) членение конкретного слова на морфы в их линейной последовательности или смысловой иерархии; 2) определение типов морфем; 3) характеристика их по функции, частотности употребления, значению, особенностям сочетаемости и др.; 4) определение типа членимости основы.

Процедура морфемного анализа в русском языкознании начала определяться на рубеже XVIII—XIX вв. Первым принципом морфемного анализа попытался сформулировать Г. Павский, который утверждал, что при определении состава слова «надобно иметь понятие обо всех производственных буквах, употребляемых во всех частях речи» [Павский 1850: 2]. Только после их вычленения корень («коренную букву») «надобно будет выскидывать посредством сравнения данного слова с другими однокоренными словами» [Павский 1850: 3].

Впервые основной прием морфемного анализа — прием двойного сопоставления — был четко сформулирован учеными Казанской лингвистической школы. Так, Н.В. Крушевский писал, что обособление суффикса облегчается, «1) когда звуковой комплекс, к которому он присоединяется, находится в языке и без этого суффикса.; 2) когда он находится в целом ряде слов, придавая постоянно один и тот же оттенок значению коренного комплекса звуков» [Крушевский 1883: 17]. Слово *домик* Крушевский, например, предлагал сопоставлять, во-первых, с однокоренным словом *дом*, во-вторых, со словами, имеющими «уменьшительно-ласкательный оттенок». Эта же идея была позднее высказана А.М. Пешковским, который и определил основное правило мор-

фемного анализа: «В одном из ... рядов должна являться та же основа с другими формальными частями (вертикальный ряд), в другом — та же формальная часть с другими основами (горизонтальный ряд...)» [Пешковский 1933: 45]. Ср., например:

храбр-ец-□ — мудрец, наглец, удалец
храбрость
храбрый
храбриться
храбро

Это правило двойного сопоставления, т.е. сопоставления, во-первых, с однокоренными словами, во-вторых, со словами с теми же аффиксами, получило название «правило Пешковского».

Правило двойного сопоставления слова закрепилось в практике морфемного анализа в вузе и школе. Оно наиболее полно отражает основной его принцип — **принцип системности**, который предполагает обязательный учет широкого фона однокоренных слов и одноструктурных образований.

Другим, не менее важным принципом морфемного анализа является **принцип синхронизма**, согласно которому вычленение в слове морфем должно проводиться с позиции синхронии и учитывать *живые* семантические и структурные связи в современном языке. Исходя из этого принципа, например, мы признаем уже нечленимой основу слова *неделя*, хотя с исторической точки зрения в составе этой единицы выделялись префикс *не-* и корень *-дел-* (слово *неделя* первоначально имело значение «воскресение», указывало на один из дней недели, в который следовало избегать работы, обращая помыслы к Богу).

Третьим принципом морфемного анализа является **принцип учета словообразовательных связей** рассматриваемой лексической единицы. Этот принцип особенно важен для членения производных слов. Сделать вывод о границах морфем и характере аффиксов в ряде случаев можно только на основе соотношения производного слова и слова производящего. Как отмечал Г.О. Винокур, только то отношение в слове, «которое характеризует производную основу в отличие от непроизводной» [Винокур 1959: 326], дает нам возможность выделять в составе основы аффиксы или говорить об их отсутствии.

Рассмотрим, например, глагол *модничать*. Глагол *модничать* соотносится как со словом *мода* (*модничать* — «следовать моде»), так и со словом *модник* («вести себя как модник»). Для него, таким образом, характерна полимотивированность: этот глагол может выводиться из разных производящих. Полимотивированность слова *модничать* обуславливает возможность двоякого его членения: соотносённость слова с существительным *мода* позволяет выделить в его основе суффикс *-нича-*, выводимость же его из наименования лица *модник* — суффиксы *-нич-* и *-а*, ср.: *мод-нич-а-ть*.

Учет словообразовательных связей производного слова дает возможность избежать неверных решений в процессе морфемного анализа. Сравним, например, отглагольные существительные *умножение* и *вычитание*. Слово *умножение* обозначает действие по глаголу *умножить*, производящая основа при этом подвергается сокращению: *умнож-*. Сегмент *-ениј-* представляет собой словообразующий суффикс. В производном слове *умножение* в результате вычленяются префикс *у-*, суффикс *-ениј-*, корневой морф-*множ-* и флексия.

Слово *вычитание* обозначает действие по глаголу *вычитать*. Производящая основа в этом случае не подвергается усечению. В составе deverбати́ва *вычитание* (в отличие от слова *умножение*), таким образом, выделяются два суффикса: суффикс *-а-* — суффикс глагольной основы — *-ниј-* со значением отвлеченного действия.

Без учета словообразовательного анализа «немыслимо ни членение слова на морфемы, ни ответ на то, каким образом оно возникло в языке» [Шанский 1968: 6].

Итак, морфемный анализ базируется на результатах словообразовательного анализа: без учета его результатов членение производного слова может превратиться в его полуинтуитивное или механическое членение по аналогии.

«...Подлинный морфемный анализ — анализ отдельного слова, группы сходных по структуре или по какому-либо грамматическому признаку слов... — начинается тогда, когда уже установлен (путем последовательно примененного словообразовательного анализа) состав морфем, когда точно установлено

значение (в том числе словообразовательное) каждой морфемы и структурная функция каждого вычленяемого в слове отрезка. Морфемный анализ имеет дело с результатами такого исследования, и в этом смысле он вторичен от анализа словообразовательного» [Лопатин 2007: 341].

В практике морфемного анализа важно также учитывать морфологические характеристики разбираемого слова: его часть речи, лексико-грамматический разряд. Сравним, например, предложения *Хорошо в лугу широким кругом хороводом пламенным пройти* (А. Блок) и *Небо молнией летучей опоясалось кругом* (Ф. Тютчев). В первом случае словоформа *кругом* — существительное. Оно имеет нечленимую основу и окончание *-ом*. Во втором предложении *кругом* — наречие, т.е. морфологически неизменяемое слово. В нем соответственно вычленяются корень *круг* и суффикс *-ом*. Местоимения *его* и *ее* имеют разный морфемный состав в зависимости от того, к какому разряду они относятся: личные местоимения — склоняемые словоформы, поэтому в них вычленяются флексии (ср.: нет *j-его* — нет *дом-а*); притяжательные же местоимения *его*, *ее*, *их* характеризуются неизменяемостью, следовательно, не имеют окончания.

Процедура морфемного анализа включает в себя следующие основные этапы: 1) определение части речи рассматриваемого слова; 2) выделение основы слова и определение ее типа; 3) вычленение аффиксов, входящих в основу, с учетом имеющихся в языке одноструктурных образований; определение их значения, установление степени их регулярности; 4) выделение корневого морфа на основе сопоставления данного слова с рядом однокоренных слов; 5) определение степени членимости.

Вопрос о том, что вычленяется раньше — корень или аффикс, является дискуссионным в современном словообразовании. Однако большая часть ученых следует принципу, предложенному Г.О. Винокуром и позднее названному «принципом матрешки»: согласно этому принципу морфемы «снимаются» в основе слой за слоем в порядке, обратном тому, как они «присоединялись». Такой подход предостерегает от возможных ошибок при членении внешне схожих слоев и позволяет достаточно строго определить границы морфем. Корень слова, таким образом, вычленяется в

последнюю очередь, при этом отмечается его формальное варьирование и определяется его тип (свободный или связанный).

В практике морфемного анализа следует также учитывать морфонологические явления, прежде всего наложение морфов и чередования. Только их последовательный учет позволяет избежать неверного членения слова, см., например: *архиерей* (наложение префикса *архи-* и корня *иерей*), *хаотический* (ср. *хаос*), *саркастический* (ср. *сарказм*).

Схема морфемного анализа

1. Определить часть речи анализируемого слова.
2. Указать, изменяемым или неизменяемым является слово (словоформа).
3. Выделить окончание (у изменяемой словоформы) и основу словоформы. Определить грамматические значения, выражаемые окончанием. Охарактеризовать окончание по наличию алломорфов и вариантов морфем.
4. Выделить основу слова. Охарактеризовать формообразующие аффиксы, определить их значение и функцию, указать на наличие / отсутствие алломорфов и вариантов.
5. Определить тип основы слова:
 - а) простая — сложная;
 - б) компактная — прерывистая;
 - в) членимая — нечленимая.
6. Выделить словообразующие аффиксы путем сопоставления анализируемого слова с одноструктурными словами с учетом словообразовательных связей рассматриваемой единицы.
7. Указать значение аффиксов, охарактеризовать их в аспекте регулярности—нерегулярности, продуктивности—непродуктивности. Указать наличие / отсутствие алломорфов и вариантов.
8. Выделить корень слова путем подбора родственных слов. Определить, свободный он или связанный. Отметить наличие / отсутствие алломорфов и супплетивных форм.
9. Отметить асемантические элементы слова, указать их функциональный статус в структуре слова.
10. Определить степень членимости основы.

11. Составить схему морфемной структуры слова, используя следующие знаки: П — префикс, К — свободный корень, К_{св} — связанный корень, С — суффикс, Пост — постфикс, А — аффиксоид, У — унификс, О — окончание, И — интерфикс, ∅ — нулевой суффикс, С_ф — формообразующий суффикс, □ — нулевое окончание.

12. Рассмотреть морфемный состав слова в диахроническом аспекте (с помощью этимологических словарей). Выявить исторические изменения в составе слова, указать их тип и причины.

Образцы морфемного анализа

1. Безработица

1. Имя существительное.

2. Существительное *singularia tantum* (имеет только форму единственного числа), изменяется по падежам.

3. Окончание *-а*, основа словоформы — *безработиц*. Окончание выражает грамматические значения женского рода, ед. ч., именительного падежа. Алломорфов и вариантов не имеет. Функция окончания словоизменительная.

4. Основа словоформы совпадает с основой слова, так как в ее составе нет формообразующих аффиксов.

5. Основа слова — простая, компактная, членимая, так как состоит из корня и аффиксов.

6. Аффиксы, входящие в состав основы: префикс *без-* (*безвкусица, безголосица, бескормица*); суффикс *-иц* (*невнятица, разноголосица, нелепица*).

7. Префикс *без-* имеет значение отсутствия того, что названо мотивирующим существительным. Аффикс регулярный (см. приведенные выше примеры), но непродуктивный.

Суффикс *-иц* имеет значение состояния. Аффикс регулярный, но непродуктивный. Алломорфов не имеет.

8. Корень слова — *работ-* (родственные слова — *работа, рабочий, отработать* и др.). Корень является свободным (ср.: *работа*). Алломорфы — *рабоч-* (*рабочий*), *рабат-* (*зарабатывать*).

9. Асемантических элементов в составе слова нет.

10. Основа слова обладает полной членимостью первой степени, так как включает и свободный корень, и регулярные аффиксы.

11. Схема морфемной структуры: П + К + С + О.

12. С исторической точки зрения корень *работ-* восходит к сочетанию первичной корневой морфемы *-раб-* / *роб-* и суффикса *-от*. Корень *работ-* появился, таким образом, в результате опрощения, причиной которого были семантические изменения.

II. *Сверхважный*

1. Имя прилагательное (качественное).

2. Изменяется по родам, числам и падежам.

3. Основа словоформы — *сверхважн-*, окончание *-ый*. Окончание выражает грамматические значения мужского рода, единственного числа, именительного падежа. Функция флексии словоизменительная.

Окончание имеет алломорфы *-ий* (ср.: *синий*), *-ой* (ср.: *седой*). Причина появления алломорфов — исторические фонетические процессы.

4. Основа слова совпадает с основой словоформы, так как формообразующих аффиксов нет.

5. Основа слова простая, компактная, членимая так как состоит из корня и префикса.

6. Словообразующие аффиксы: префикс *сверх-* (*сверхмодный, сверхмощный, сверхновый, сверхчувствительный*).

7. Префикс имеет значение высшей степени проявления качества.

Аффикс регулярный, продуктивный (см. приведенные выше примеры). Алломорфов не имеет.

8. Корень слова *-важн-* (ср.: *важный, важность, важничать*). Корень свободный. Алломорф *-важн'*.

9. Асемантических элементов в структуре слова нет.

10. Основа слова обладает полной членимостью первой степени, так как содержит свободный корень и регулярный аффикс.

11. Схема морфемной структуры: П+К+О.

12. С исторической точки зрения корень *важн-* появился в результате опрощения — слияния первоначального корня *-ваг-* / *-важ-* и суффикса *-ьн*. Причина опрощения — выход из употребления непосредственно производящего слова *вага* ('вес, тяжесть').

III. *Пристегнув*

1. Гибридная форма глагола — деепричастие.
2. Неизменяемая форма.
3. Основа словоформы — *пристегнув*.
4. Основа слова — *пристегну-* (основа инфинитива, от которой образуются деепричастия совершенного вида); *-в* — формообразующий суффикс деепричастий совершенного вида, вариантный суффикс — *-вши* (*пристегнувши*).

5. Основа слова — простая, компактная и членимая, так как включает кроме корня словообразующие аффиксы.

6. Аффиксы:

Префикс *при-* (*приделать, приставить* и др.).

Суффикс *-ну*¹ (*прыгнуть, скакнуть, хрустнуть*).

7. Префикс *при-* имеет значение прибавления, дополнения к уже имеющемуся с помощью действия, названного мотивирующим глаголом.

Префикс регулярный и продуктивный. Суффикс *-ну-* имеет значение конкретного результативного действия. Суффикс регулярный, продуктивный.

8. Корень *-стег-* (*застегнуть, отстегнуть, застежка, отстегивать, расстегнуть*).

Корень связанный, так как ни в одном из алломорфов не может самостоятельно (без помощи аффиксов) реализовать свое значение. Алломорфы — *стёг* (*застегивать*), *-стеж* (*застежка*).

9. Асемантических элементов в структуре слова нет.

10. Основа слова обладает полной связанной членимостью (членимость 2-й степени), по классификации Н.А. Янко-

¹ Возможна и другая трактовка суффикса *-ну-* в том случае, если члены видовой пары рассматриваются как формы одного слова, в «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» Т.Ф. Ефремовой суффикс *-ну-*, например, рассматривается как формообразующий аффикс.

Триницкой, так как включает связанный корень и регулярные аффиксы.

11. Схема морфемной структуры слова: П+К_{св}+С+С_ф.

12. В историческом плане можно отметить изменение степени членимости слова. Корень *-стег-* был некогда свободным (ср.: *застега, застога*), после выхода из употребления слов, содержащих свободные корневые морфемы, он стал связанным, в результате слово с полной свободной членимостью превратилось в слово со связанной членимостью.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Выделите и охарактеризуйте основные принципы морфемного анализа слова.

2. Назовите основные этапы процедуры морфемного анализа слова.

3. Покажите на примерах, подобранных самостоятельно, связь морфемного и словообразовательного анализа, необходимость учета словообразовательных связей слова в практике морфемного анализа.

4. Составьте схемы морфемной структуры слов *безжалостный, по-делийски, прогул, продемонстрировать, хозяйский, беспхозяйственность, снегоход, эксклюзивно, южноамериканский, яхтсмен*.

5. Сделайте полный морфемный анализ (по схеме) выделенных слов в следующих фрагментах текста:

а) Сады *красовались* на прекрасных горах, *нависших* над Днепром, и, уступами поднимаясь, *расширяясь*, порою пестря миллионами солнечных пятен, порою в нежных сумерках, *царствовал* вечный Царский сад. Старые, *сгнившие* черные балки парапета не преграждали пути прямо к *обрывам* на страшной высоте. *Отвесные* стены, замеченные вьюгою, падали на нижние далекие террасы, и те расходились все *дальше* и шире, *перехо-*

дили в березовые рощи над шоссе, вьющимся по берегу великой реки...

(М. Булгаков)

б) В риге начинается *молотьба*. Медленно расходясь, гудит барабан *молотилки*. Лениво натягивая постромки, *упираясь* ногами... и качаясь, идут лошади в *приводе*. Посреди привода, вращаясь на скамеечке, сидит *погонщик* и *однотонно* покрикивает на них... А барабан гудит все *настойчивее*, работа закипает, и скоро все звуки *сливаются* в общий приятный звук молотьбы.

(И. Бунин)

10. АКТУАЛИЗАЦИЯ МОРФЕМНОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Морфемная структура слова — системно упорядоченное единство его элементов. В художественной речи часто наблюдается актуализация морфемной структуры, которая усиливает воздействие текста на читателя и служит одним из средств выразительности. В результате актуализации морфемной структуры «крупным планом» выделяется одна (или несколько) из составляющих слово морфем, в результате внимание адресата текста концентрируется на ее значении, сочетаемости, а также на структуре слова в целом, которая при этом обнажается; см., например:

Перешагни, перескочи,
Перелети, пере — что хочешь —
Но вырвись: камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи...
Сам потерял — теперь ищи.
(В. Ходасевич)

Четырехкратный повтор приставки *пере-* в стихотворении Ходасевича акцентирует ее семантику — значение преодоления некой преграды. Глаголы с этим префиксом образуют в тексте градационный ряд, при этом интенсивность предполагаемого действия растет от формы к форме. Повтор одноструктурных образований подчеркивает в тексте семантическое единство ряда, в составе которого глаголы реализуют не только прямое, но и переносное значение — «не посчитаться с чем-либо», «пренебречь чем-либо», «перейти за какой-либо предел».

Формы императива с приставкой *пере-* сменяются в стихотворении употреблением ее в качестве самостоятельного элемента, своеобразного аналога слова. Вычленение префикса — знак,

иконически соответствующий основному мотиву текста — мотиву освобождения.

Как видим, актуализация морфемной структуры слова способствует развитию темы (микротемы) или мотива произведения. Таким образом, «являясь несамостоятельной языковой единицей на уровне узуса, морфема обладает текстообразующими возможностями» [Болотнова 2009: 265].

Основным способом актуализации морфемной структуры слова служит повтор корневой морфемы или аффикса (аффиксоида), характерный для всего текста или его фрагмента; см., например:

Иду в полночной тишине.
И дико мечутся во мне
Полуидеи, полустрасти,
Полунадежды, полусчастье,
Полувражда, полупечаль,
Полулюбовь, полуудача.
Иду, в кармане руки пряча,
И пахнет рыбою февраль...

(Д. Самойлов)

Всеобъемля, всемирность всесветом своим усыпая,
Умеряя пожар мой, бурунный, багряный прибой,
Только ты меня видишь, Отчизна моя голубая,
И всегда к тебе в сердце светильник горит голубой.

(К. Бальмонт)

Повтор морфем одновременно актуализирует фонетические связи единиц текста, обуславливает в нем наличие звукового повтора или паронимической аттракции; ср.:

Полу-жалость. Полу-отвращенье.
Полу-память. Полу-ощущенье.
Полу-неизвестно что,
Полы моего пальто...

(Г. Иванов)

Морская — так иди в свои моря:
Оставь меня, скитайся вольной птицей,
Умри во мне, как в мире умерла,
темно и тесно быть в твоей темнице.

(Б. Ахмадулина)

При помощи морфемного повтора выражается как усиление того или иного признака, так и противопоставление. Ср., например: Над Боголюбовым монастырем распахнется и мгновенно закроется огненная полоса, будто яркая, ярко-белая, добела раскаленная пасть какого-то страх-страшного безглазого чудовища (А. Ремизов); Глаза Софьи Петровны Лихутиной не были глазками, а были глазами: если б я не боялся впасть в прозаический тон, я бы назвал глазки Софьи Петровны не глазами — глазищами темного, синего-темно-синего цвета... (А. Белый).

На базе морфемного повтора может строиться и оксюморон. Например:

И тоскую я ночью безнощной
В ожиданьи бездневного дня
(К. Бальмонт);

И невозможное возможно...
(А. Блок)

Значение повторяющейся морфемы закрепляется в тексте, при этом взаимодействует со значением или стилистической окраской других его элементов. Так, повтор приставки *про-* со значением «истратить, израсходовать что-либо на действие, называемое мотивирующим словом», в стихотворении М. Волошина соотносится с другими его единицами: с глаголами с префиксами *раз(рас)-*, *за-*, словами, выражающими отрицательную оценку, лексикой со сниженной окраской. Ср.:

С Россией кончено... На последях
Её мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,

Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.

Различают **контактный** и **дистантный** повтор морфем. При контактном расположении однокоренные слова и слова с тождественными аффиксами сочетаются в минимальном контексте; см., например: Комната Пульхерии Ивановны была вся уставлена сундуками, ящиками, ящичками и сундучками (Н. Гоголь); Дымным дымом от вас пронесусь (А. Белый); Дрожала ль ты заветной дрожью (А. Блок); Заметала метель, свистела, мела ночь помелом (А. Ремизов); ...Налетел ветер, завыл, заметался, засвистал (Б. Пильняк).

При дистантном повторе однокоренные слова и одноструктурные образования разделены группой слов, строкой (строками), рядом предложений, например:

Волки выли вдали целую стаей. — Послышалось вдали волчье завыванье (Н. Гоголь) — предложения разделены фрагментом текста.

При помощи повтора морфем в тексте устанавливаются смысловые связи между близкими, сопряженными ситуациями, а также между различающимися объектами изображения. Так, однокоренные слова с разными аффиксами дифференцируют сопоставляемые предметы речи: *Городок* был маленький, хуже деревни... Если бы Яков Иванов был гробовщиком в губернском *городе*, то, наверное, он имел бы собственный дом и звали бы его Яковом Матвеичем; здесь, же в *городшке*, звали его просто Яковом... (А. Чехов).

Повтор морфем часто служит текстообразующим фактором. Так, стихотворение В. Хлебникова «Корни: чур и чар» строится на концентрации слов, включающих именно данные корни (*чуреса, чарим, чарахарь* и др.), входящие в состав новообразований.

Текстообразующую функцию могут выполнять не только повторяющиеся корни, но и аффиксы. Например, в стихотворении

М. Цветаевой «Рас-стояние: версты, мили...», которое не раз было предметом анализа разных исследователей, многократный повтор префикса *раз-* актуализирует ключевую тему текста — тему разъединения душ. В стихотворении И. Чиннова «Да, расчудесно, распрекрасно, распрелестно...» повторяющаяся в тексте приставка *рас-* реализует два разных значения: значение высокой степени признака и значение разъединения, разрушения. Ср.:

Да, расчудесно, распрекрасно, распрелестно,
Разудивительно, развосхитительно,
Разобаятельно, разобольстително,
Не говори, что разочаровательно.

Но как же с тем, что по ветру развеяно,
Разломано, разбито, разбазарено,
Разорено, на мелочи разменяно,
Разгромлено, растоптано, раздавлено?

Оппозиция этих значений организует текст стихотворения и формирует в нем значимые в идейном и эстетическом плане смыслы. Характерно, что второе значение приставки *раз-* (значение разъединения, разрушения, рассеяния) реализуется в узальных лексических единицах в то время, как первое представлено преимущественно в словах окказиональных (см. I строфу), где префикс *раз(рас)-* сочетается с основами, уже выражающими высокую степень признака, и, таким образом, оказывается семантически избыточным. В тексте соотносятся две разные точки зрения. Гиперочарованности миром в стихотворении противопоставляется суровая правда жизни (II строфа), предполагающая знание о трагических событиях XX в.

В стихотворении поэта русского зарубежья В. Перелешина концентрация одноструктурных образований с префиксом *за-* также выполняет текстообразующую функцию. Последовательность существительных с пространственной семантикой отображает не только смену значимых для лирического «я» локусов, но и движение времени. Узальные произведения сочетаются с окказионализмами, построенными по другим моделям. В рамках этого

ряда актуализируется семантика повторяющейся приставки *за-*. С ней связано выделение сквозного мотива всего текста — мотива постоянного движения за установленные пределы. Этот мотив соотносится, с одной стороны, с автобиографической темой утраты Родины и изгнанничества, с другой стороны, с обобщающей оценкой жизненного пути человека XX столетия. Ср.:

За спиной — в тени — Засвечье,
За шестком — в углу — Запечье,
За спиной — ничком — Заплечье,
За рекой — свистком — Заречье,
Заболотье, Задубровье,
Заозерье, Заостровье,
Забайкалье, Заангарье,
Забурунье, Заполярье,
Заамурье, Заонежье,
Заграничье, Зарубежье,
Забездонье, Заизгнанье,
Завеликоокеанье...

Морфемная структура слова актуализируется в художественной речи не только в результате повтора морфем, но и в результате столкновения в одном контексте единиц с контрастными по значению аффиксами. Ср.:

Не *птичка*, а *птичища*
(М. Цветаева);

...Увижу льва и — Это лев! — скажу.
Словечко и *предметище* не схожи
(Б. Ахмадулина).

Так, в последнем примере противопоставление слов с уменьшительными и увеличительными аффиксами актуализирует семантику суффиксов *-ечк* и *-ищ*.

Другим способом актуализации морфемной структуры слова служит оживление его словообразовательных связей: использование в том же контексте мотивирующего дериват слова, вклю-

чение в тот же текст слов одного словообразовательного типа или ряда однокоренных дериватов с другим аффиксом, обратное словообразование; см., например:

На их языке это всегда будет перегиб... Чтобы потом, когда понадобится, выдумать что-нибудь новенькое. К примеру, заметить приставку *загиб, подгиб, перегиб* (выд. Е. Чижовой)... В русском языке это просто. Полно возможностей (Е. Чижова).

Мы не вполне *живем* на свете – мы *доживаем жизнь* отцов (Т. Бек).

Когда-то давно она работала в советской школе. Вызывала родителей, распекала нерадивых учеников. Теперь они все *радивые* (выд. Е. Чижовой) (Е. Чижова).

Оживление словообразовательных связей часто сочетается с авторской рефлексией над происхождением слова и его структурой, при этом в ряде случаев устанавливается воображаемая, нередко ложная этимология, см., например: Слово «западло» состоит из слова «Запад» и формообразующего суффикса «ло», который образует существительные вроде «бухло» и «фуфло» (В. Пелевин).

Этимологизация, к которой в художественном произведении часто обращаются персонажи или автор, может восстанавливать исторический морфемный состав слова, при этом в тексте могут предлагаться разные версии его происхождения и различные трактовки морфемной структуры; см., например, диалог Рубина и Нержина в романе А.И. Солженицына «В круге первом»:

— ...Понятие счастья — это условность, выдумка.

— Мудрая этимология в самом слове запечатлела преходящность и нереальность понятия. Слово «счастье» происходит от се-часье, то есть этот час, это мгновение!

— Нет, магистр, простите! Читайте Владимира Даля. «Счастье» происходит от со-частье, то есть кому какая часть, какая доля досталась, кто какой пай урвал у жизни.

Метаязыковая рефлексия и этимологизация также часто служат средством актуализации морфемной структуры слова, особенно в тех случаях, когда анализируется семантика отдельных морфем или определяется способ словообразования, что позво-

ляет адресату вычлени́ть формант (дериватор) и определить его значение; ср., например:

... Её глаза тлеют.

В свое время от этого глагола образовалось существительное *тлен*.

В федеральных вариантах ЕГЭ такой вариант предусмотрен. Из предложений 1–6 выпишите слово, образованное суффиксальным способом (Е. Чижова).

Актуализация морфемной структуры слова особенно ярко проявляется при использовании в тексте ряда индивидуально-авторских новообразований, в которых используются повторяющиеся корни или аффиксы. Необычность таких слов привлекает к себе внимание читателя, которое затем концентрируется на семантике и форме составляющих их морфем. Обратимся, например, к стихотворению В. Каменского «Не».

Текст его организован взаимодействием нескольких рядов потенциальных и окказиональных слов с тождественными морфемами: это прежде всего слова с префиксом *не-* (префикс *не-* при этом вынесен в самую сильную позицию текста — заглавие, что актуализирует значение приставок), слова с суффиксом *-уний*, однокоренные образования с корнем *-люб-* и корнем *-не-*. Для стихотворения характерен как контактный, так и дистантный повтор морфем, который определяет и цепочку звуковых повторов в тексте. Ср.:

Неоткликные клики
Из стана кликуний.
Неотзывные зовы
Из плена зовуний,
Неотпевные певны
Из круга певуний,
Непостоянницы.
Неотдавы украденных ласк
Нелюбивы в любийных
Любилиях лилиях лиях
Нелюбимы нелюбы...

Графическим сигналом актуализации морфемной структуры слова в художественных текстах, прежде всего современных, служит сегментация лексической единицы. Особенно часто выделяются префиксы, обладающие высокой степенью автономности (*пред-*, *до-*, *пост-*, *над-* и др.):

Жизнь замечает вдруг, что пред-мертва
(Б. Ахмадулина);

Зеницы минерал
до-первобытен, свеж...
(Б. Ахмадулина);

Вмешательства грешна *пере-*
свобода
(Б. Ахмадулина):

Как пахнет смерть? Как страх свободы слова,
пред-выстрельно,
пред-ядно,
пред-свинцово...
(Е. Евтушенко)

Сегментация слова в художественной речи может приводить к «эмансипации» одной из морфем и ее самостоятельному употреблению в тексте. Ср.:

С выдохом, с высвистом,
С выкриком, с *вы...*
Твердит одинокое слово:
Терпи!
(Р. Рождественский)

Такое выделение морфемы обнажает ее значение или семантику словообразовательной модели, в которой она используется.

Актуализация морфемной структуры слова может быть связана с **оживлением** его **внутренней формы**, т.е. признака,

лежащего в основе его значения. Связь между звучанием и значением, которое отражается во внутренней форме слова, может быть прозрачной, однако чаще она затемнена, в этом случае внутренняя форма не осознается рядовыми носителями языка. В художественной речи эта связь часто восстанавливается, см., например, следующий диалог из рассказа М. Горького «Кладбище»:

— Вслушайтесь: клад-би-ще! А?..

— Клады бы искать надо здесь! Клады разума, сокровища поучений.

Графическим членением слова оживлена внутренняя форма существительного *кладбище* — «место, где что-нибудь кладут». В контексте оно сближается с исторически однокоренным словом *клад*, которое употребляется в тексте уже в современном значении — «нечто ценное, спрятанное от глаз (исходное значение — «то, что положено»»). Этот смысл усиливается использованием в том же контексте синонима слова *клад* — *сокровище*.

Актуализация морфемной структуры слова вызывается также сочетанием разностилевых морфем, т.е. деформацией узурального внутрисловного контекста; таково употребление уменьшительных суффиксов, которые присоединяются к основам отвлеченных существительных книжного характера: мечтаница, развратик, самоотверженьице (Ф. Достоевский). В произведениях Н.С. Лескова, например, часто разрушаются границы между различными лексическими пластами — исконными словами и иноязычными выражениями, полонизмами, украинизмами и русизмами, высокой и сниженной лексикой. Своеобразная интеграция разных пластов лексики находит отражение в новообразованиях, в структуре которых сочетаются морфемы различного происхождения и стилистической окраски: Преглупая *кацанузия*, а все непременно норовит везде на свой фасон сделать («Заячий ремиз»); Они вознаграждали себя за трехнедельное *демі-смирение* («Обойденные»); Дама называла это «русским великосветским *бебезизмом*» («Шерамур»); «*Мордемондши*» —

это начитанная противность, а «*жолы-мордочки*» — это была прелесть («Совместители»).

Сочетание разностилевых морфем или неузואальное объединение морфем разного происхождения обнажает структуру слова и усиливает экспрессивность образования; см., например: Губы у нее бледные и нос *курнопековатый* (Н. Лесков. Заячий ремиз); Эти, — как вы их кличете, — «*непротивленыши*».., все чему-то противятся (Н. Лесков. Зимный день); У комиссара был *фортепианчик* (Н. Лесков. Смех и горе).

Итак, способами актуализации морфемной структуры слова в художественной речи служат повтор морфем, их контрастное употребление, оживление деривационных связей производного слова, авторская метаязыковая рефлексия, графическая сегментация лексической единицы.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Дайте определение морфемной структуры слова.
2. С чем связана ее частая актуализация в художественной речи?
3. Приведите примеры повтора морфем в поэтических текстах. Определите функции этого повтора.
4. Проанализируйте стихотворение М. Цветаевой «Расстояние: версты, мили...», посвященное Б. Пастернаку. Какие способы актуализации морфемной структуры слова используются в этом тексте? Какие значения выражают повторяющиеся морфемы? Как эти значения поддерживаются другими элементами текста? Какие тематические поля формируются на этой основе?
5. Дайте определение внутренней формы слова. Приведите свои примеры ее оживления в художественном тексте.
6. Проанализируйте следующие тексты. Найдите в них случаи морфемной актуализации слов, определите ее функцию. Ка-

кими способами достигается актуализация морфемного состава слова?

1) Настанет день, — печальный, говорят! —
Отцарствуют, отплачут, отгорят, —
Остужены чужими пятаками, —
Мои глаза, подвижные, как пламя.
И — двойника нащупавший двойник —
Сквозь легкое лицо проступит — лик.
(М. Цветаева)

2) По морям, играя, носится
с миноносцем миноносица.
Льнет, как будто к меду осочка,
к миноносцу миноносочка.
(В. Маяковский)

3) Я чувствую, близится судное время.
Бездушье мы духом своим победим,
И в сердце России под странами всеми
Народом народ будет грозно судим.

И спросят избранники — русские люди, —
У всех обвиняемых русских людей,
За что умертвили они в самосуде
Цвет яркой культуры отчизны своей.

Зачем православные Бога забыли,
Зачем шли на брата, рубя и разя...
И скажут они: мы обмануты были,
Мы верили в то, во что верить нельзя.

И судьи умолкнут в печали любовной,
Проверив себя в неизбежный черед,
И спросят: «Но кто же зачинщик виновный?»
И будет ответ: «Виноват весь народ».

Он думал о счастье отчизны родимой,
Он шел на жестокость во имя любви,
И судьи воскликнут: «Народ подсудимый!
Ты нам неподсуден. Мы братья твои!..»
(И. Северянин)

- 4) Утроберегобор
И берегокама
И береговал
И берегонебо
И берегогоры
И берегоборы
И береговечер
И берегодень.
(В. Каменский)

Темы рефератов

1. Формальное и семантическое варьирование морфем.
2. Спорные вопросы классификации морфем.
3. Уникальные морфемы в современном русском языке.
4. Продуктивные аффиксы в современном русском языке (по материалам СМИ).
5. Проблема выделения асемантических элементов в структуре слова.
6. Разные подходы к членению основы (слова) в русском языкознании.
7. Исторические изменения в морфемном составе слова.
8. Морфемные словари русского языка.
9. Выразительные возможности морфем в художественной речи.
10. Функции морфемного повтора в художественном тексте.
11. Адаптация иноязычных слов в современной русской речи и усложнение их структуры.
12. Сопоставительный анализ типов морфем в русском и изучаемом иностранном языке.

Словари морфем

Ворт Д., Козак А., Джонсон Д. Словообразовательный словарь русского языка. — Нью-Йорк, 1970.

Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. — М., 1986.

Николина Н.А. Школьный морфемный словарь. — М., 2010.

Попова Т.В., Зайкова Е.С. Морфемно-словообразовательный словарь русского языка (5—11 классы). — М., 2009.

Потиха З.А. Школьный словообразовательный словарь. — М., 1964.

Рацибурская Л.В. Словарь уникальных морфем современного русского языка. — М., 2009.

Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь. — М., 1996.

Цыганенко Г.П. Словарь служебных морфем русского языка. — Киев, 1982.

Рекомендуемая литература

Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. — М., 1966.

Арутюнова Н.Д. Очерки по словообразованию в современном испанском языке. — М., 1961.

Балалыкина Э.А., Николаев Г.А. Русское словообразование. — Казань, 1985.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. — Т. 1. — М., 1963.

Богородицкий В.А. Очерки по общему языкознанию и русскому языку. — М., 1939.

Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. — М., 1935.

Богородицкий В.А. О морфологической абсорбции // Русский филологический вестник. — 1988. — Т. 3.

Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста. — М., 2009.

Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. — М., 1959.

Гинзбург Е.А. Слово как членимое единство или как комбинация морфем // Вопросы грамматики. — Пермь, 1972. — № 243.

Гимпелевич В.С. О членимости заимствованных слов в русском языке // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. — М., 1975.

Гимпелевич В.С. Структурные модификации заимствованных суффиксов в русском языке // Русское словообразование. — Самарканд, 1971. — Вып. 209.

Головин Б.Н. Введение в языкознание. — 4-е изд. — М., 1966.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Современный русский язык. Словообразование: теория, алгоритмы анализа, тренинг: учеб. пособие. — 2-е изд. — М., 2008.

Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. — М., 1963. — Вып. III.

Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). — М., 1996.

Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). — 2-е изд. — М., 2000.

Земская Е.А. Интерфиксация в современном русском словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. — М., 1964.

Земская Е.А. Литературная норма и неузвальное словообразование // Современный русский язык: система — норма — узус. — М., 2010.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. — М., 1973.

Земская Е.А. Членимость и производность слова // Актуальные проблемы русского словообразования. — Ташкент, 1975. — Т. 143. — Ч. 1.

Земская Е.А. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. — М., 2004.

Козулина Н.А., Левашов Е.А., Шагалова Н.Е. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. — СПб., 2009.

Красильникова Е.В. Инвентарь морфем // Способы номинации в современном русском языке. — М., 1982.

Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию. — М., 1998.

Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. — Казань, 1983.

Крысин Л.П. Ступени морфемной членимости иноязычных слов // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. — М., 1975.

Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия // Вопросы языкознания. — 1974. — № 5.

Кубрякова Е.С. Морфология и статус ее единиц в системе языка и речевой деятельности // Морфемика. Принципы сегментации, отождествления и классификации морфологических единиц. — СПб., 1977.

Кубрякова Е.С. Основы морфологического анализа (на материале германских языков). — М., 1974.

Левковская К.А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. — М., 1962.

Лопатин В.В. Многогранное русское слово. — М., 2007.

Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. — М., 1977.

Лопатин В.В. Так называемая интерфиксация и проблемы структуры слова в русском языке // Вопросы языкознания. — 1975. — № 4.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М., 1990.

Максимов В.И. Структура и членение слова. — Л., 1977.

Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XX в.: проблемы освоения и функционирования. — М., 2008.

Марков В.М. Замечания о конфиксальных образованиях в языке поэтических произведений М.В. Ломоносова // Очерки по истории

русского языка и литература XVIII в. (Ломоносовские чтения). — Вып. 1. — Казань, 1967.

Марков В.М. Замечания о конфикации // *Język gosyjski*. — 1968. — № 3.

Мирославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. — М., 1980.

Михайлов М.А. Речевая номинация и выделимость морфем. — Красноярск, 1989.

Моисеев А.И. Об унификах и прочем // Актуальные проблемы русского словообразования. — Самарканд, 1972. — Ч. 1.

Морфемика и словообразование русского языка: учеб. пособие / отв. ред. Л.Г. Яцкевич. — Вологда, 2002.

Мусатов В.Н. Русский язык: морфемика, морфонология, словообразование: учеб. пособие. — М., 2010.

Немченко В.Н. Введение в языкознание: учебник для вузов. — М., 2008.

Немченко В.Н. Современный русский язык. Морфемика и словообразование. — 2-е изд., перераб. и доп. — Н. Новгород, 1994.

Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. — М., 1984.

Николина Н.А. О морфемном и словообразовательном анализе // Русский язык в школе. — 1985. — № 4.

Николина Н.А. От морфемы к слову // Переходность: сб. статей научно-методического семинара «ТЕХТУС». — Вып. 7. — М.; Ставрополь, 2001.

Николина Н.А., Фролова Е.А., Литвинова М.М. Словообразование современного русского языка: учеб. пособие. — М., 2005.

Павский Г.П. Филологические наблюдения над составом русского слова (рассуждение второе). — СПб., 1850.

Панов М.В. О степенях членимости слова // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. — М., 1975.

Пауль Г. Принципы истории языка. — М., 1960.

Пацюкова О.А. Переразложение в основе производного слова: причины и следствия: монография / под ред. Н.А. Николиной. — Н. Новгород, 2011.

Пацюкова О.А. Семантическая нейтрализация в глаголах на -нича(ть) как условие формирования протяженной морфемы // Русский язык в школе. — 2010. — № 12.

Пацюкова О.А. Термин и понятие «морфемный комплекс» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2011. — № 6(2). — С. 496—499.

Плунгян В.А. Общая морфология: введение в проблематику. — М., 2000.

Рацибурская Л.В. Уникальные морфемы в современном русском языке: учеб. пособие. — М., 1998.

Реформатский А.А. Введение в языковедение. — 5-е изд. — М., 1996.

Реформатский А.А. О членимости слова // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. — М., 1975.

Русская грамматика: в 2 т. — М., 1980. — Т. 1.

Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. Словообразование современного русского литературного языка. — М., 1968.

Смирницкий А.И. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. — М.: Изд-во МГУ, 1948. — Вып. V.

Современный русский язык. Морфология. — М., 1952.

Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студ. высш. учеб. заведений: в 2 ч. Ч. 1 / Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин, Н.А. Николина, И.И. Щеболева. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2006.

Современный русский язык: учебник / В.А. Белошаркова, Е.А. Земская, И.Г. Милославский, М.В. Панов. — М., 1981.

Способы номинации в современном русском языке. — М., 1982.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. — М., 1985.

Тихонов А.Н. Современный русский язык. (Морфемика. Словообразование. Морфология). — М., 2002.

Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. — М., 1977.

Филиппова Л.С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование: учеб. пособие. — М., 2009.

Фоменко Ю.В. Мифы современной лингвистики: монография. — Новосибирск, 2010.

Фортунов Ф.Ф. Избранные труды: в 2 т. — М., 1956. — Т. 1.

Хашимов Р.И. Морфемизация: от словосочетания к морфеме // Русский язык в школе. — 2010. — № 8.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. — М., 1993. — Т. 1—2.

Чурганова В.Г. Очерки русской морфонологии. — М., 1973.

Шанский Н.М. О соединительной гласной как словообразовательной морфеме // Русский язык в школе. — 1958. — № 5.

Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. — М., 1968.

Шанский Н.М. Эвристические задачи по морфемике и словообразованию // Русский язык в школе. — 1993. — № 6.

Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. — М., 1975.

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. — М., 1994.

Шапошников А.К. Этимологический словарь современного русского языка. — Т. 1–2. — М., 2010.

Ширшов И.А. К проблеме морфемного комплекса // Актуальные проблемы русского словообразования. — Ташкент, 1980. — Ч. II. — С. 97–105.

Ширшов И.А. Нейтрализация в словообразовании: учеб. пособие. — Ставрополь, 1987.

Яковлев В.Н. Морфемика и словообразование современного русского языка. — Барнаул, 1990.

Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. — М., 2001.

Янко-Триницкая Н.А. Членимость основы русского слова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — М., 1968. — Т. XXVII. — Вып. 6.

Янценецкая М.Н. Заметки о суффиксальном значении. Глагольные суффиксы // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. — Томск, 1978. — Вып. 2.

Dokulil M. K základnim otázkám tvoreni slov. O vedecken poznàni son-dobuch jazyku. — Praha, 1958.

Учебное издание

**Николина Наталия Анатольевна
Рацбургская Лариса Викторовна**

**СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК
Морфемика**

Учебное пособие

Подписано в печать 16.07.2012. Формат 60×88/16. Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 8,82 Уч.-изд. л. 6,43.

Тираж 500 экз. Изд. № 2587. Заказ

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.

Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru

Издательство «Наука», 117997, ГСП-7, г. Москва, В-485,
ул. Профсоюзная, д. 90.